

Светлана Рябцева

**ПРАВДА
О РУССКОМ
СЛОВЕ**

Часть 3

Часть 3

**Война
против
русской
литературы**

Москва
2001

УДК 882.09

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

Рябцева С.Л.

Правда о русском слове. Москва, 2001, 132 с.

Эта книга адресована только человекам, имеющим совесть. И это не «морализирование», а Закон Мироздания: ведь люди, утратившие совесть, живущие ради выгоды, неизбежно теряют разум. У них остаётся лукавый рассудок, хитрость, позёрство. Но разума нет, он угасает, так как разум может быть только честным и справедливым, другого не бывает. “Другое” – это имитация, подделка.

Таким образом, люди, продавшие совесть, просто не смогут понять написанного: нечем понимать.

© Рябцева С.Л., 2001

ISBN

*«Народ не сможет победить
до тех пор, пока на его знамёнах
написаны имена ложных героев»*

Никому не удавалось сокрушить Россию оружием: даже Наполеон и Гитлер, поставившие на колени Европу, были разбиты. Душа народа была непонятна лукавому Западу. Но одно усвоили: **Россия сильна духом, дух крепок правдой.** Вот почему огромные деньги были брошены на разработку последнего оружия, которое смогло бы уничтожить именно РУССКИЙ ДУХ.

Работа духа выражается в слове...

Начиналась война с подмены понятий: хорошее назвали плохим, плохое — хорошим. Печорин — «герой», Лермонтов — «великий», Герцен «замечательный»... Школьникам (т.е. всему народу) давали образцы для подражания. Гнилые образцы. И вот результат.

Кажется, что все кончено, власть — у подлецов и это — навсегда. На самом деле идёт великий отбор (Страшный Суд): годные — вверх, негодные — вниз. Сняты все внешние рамки. Можно всё! Можно без всяких границ показывать самые пакостные и мерзкие свойства души, — можно быть предателем, вором, подлецом. Но в то же время открыто и поле деятельности для героев — будущих победителей: можно учиться, добывать истинные знания, можно проявлять стойкость, мужество, героизм, воспитывать характер, избавляясь от всех дурных привычек и качеств. Найти себя помогает настоящая литература — она рассказывает о пути героя.

«Литературная»

ПОЛИТИКА

Глава

первая

Итак, России Указан великолепный путь развития, самодержавный путь. Дана новая азбука, Кириллица, переведено Священное Писание, вышла первая напечатанная книга – “Апостол”. Существует духовная литература, она несёт Слово Божие, указывает путь Истины и жизни, ведёт за собой литературу бытовую, народное творчество. Есть мудрецы и в монашестве, и в миру. Они готовы помочь, ответить на трудный вопрос – не своё говорят, а то, что дано свыше. Возглавляет Россию череда царей – помазанников Божиих.

Дело – за самим человеком. Развиваться, умнеть, очищать себя он должен сам, проявляя свою волю. *“И познаете истину, и истина сделает вас свободными”*, – сказал Иисус Христос [1, 8:30]. Но не так-то это просто, стать свободным. Внутри грязи полно, истина не вмещается – занят сосуд. *“Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам”* [1, 16:12-13]. Надо было освободиться от грехов. *“Грех ведь не есть что-либо внешнее, а внутреннее и внутрь проходящее. Когда грешит кто, грех весь состав его извращает, оскверняет и омрачает”* [2, с.12]. Молились Святому Духу:

“Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша”.

Очищаясь, дух поднимается вверх – и расширяется сознание, открываются новые просторы перед разумом. Так получается ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Нет и быть не может одинаковых точек зрения, поскольку нет одинаковых сознаний. Человек со своей точки зрения что-то уже видит хорошо и правильно, а что-то от него скрыто со-

всем. Одно искажено, другое затемнено. Хочешь разобраться — тянись к свету, свету Истины, бесконечно.

Понятно, что для тёмного легиона такое положение дел совершенно невыносимо! Если всё будет залито светом, то тьме места не будет! Всякие точки зрения надо было срочно истребить, подменить их единым *мнением*, то есть заменить настоящей — мнимым ¹, кажущимся. Но человек не может иметь опору в иллюзиях. Тогда надо дать ему не простую иллюзию, а грандиозную: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, то есть заблуждение, помноженное на число сознаний, которые ему поддались. И тогда миллионы людей, поддерживая друг друга, на миллионы ладов станут повторять подкинутую им ложь, приговаривая при этом: “А вот моё личное мнение...”

А теперь посмотрим, чьими хлопотами и стараниями создавалось общественное мнение, опустившееся на Землю густыми сумерками.

Пресса

Газеты в России появились при Петре I. Первая газета вышла в Москве 2.01.1703 г. и называлась “Ведомости” (от слова “ведать” — знать, иметь сведение). Содержали первые газеты именно **сведения**, в отличие от последующих, вплоть до сего дня, которые вместо сведений содержат “подачу” и “освещение” фактов.

Первый русский журнал “разнородного содержания” издавал Миллер в 1755-1764 гг. Назывался он “Ежемесячные сочинения к пользе и удовольствию служащих”. Но через несколько лет появились журналы, издаваемые масонами в Петербурге: “Праздное время в пользу употребленное” и “Трудолюбивая пчела” (Сумароков), в Москве: “Полезное увеселение”, “Свободные часы” (Херасков) и другие. Они были закрыты в 1764 году. И вдруг в 1769 г. начал выходить журнал “Всякая всячина”, а за ним и другие. Три из 16 издавал Н.И.Новиков: “Трутень”, “Живописец”, “Кошелек” (1769-1774 гг.) Содержание “направлено против общих недостатков”, в форме писем,

¹ Даль: МНИМЫЙ, на одном только мнении основанный, неистинный, неподлинный, призрачный и воображаемый, видимый и обманчивый.

разговоров, словарей, стихотворений, объявлений, эпитафий, эпиграмм. [3, с.96-98]

Как видим, направление их типично масонское: высмеивать, критиковать ².

В журналах Новикова принимали участие масоны В.Майков, Ф.Эмин. Последний выпускал ещё и свой журнал “Адская Почта”.

В 1775 году Новиков стал масоном – по официальным данным, а в 1777 г. начал издавать “Санкт-Петербургские ученые ведомости”: “Это была попытка создать орган, посвященный критике и литературе” [3, с.111]. Фамилия Новикова появилась в списке членов “Вольного Российского Собрания”, оно же “Вольное собрание любителей русского слова”, организация, находившаяся под контролем масонских лож. Это общество учредил в 1771 г. при Московском университете его куратор Мелиссино И.И., масон. “Ученые Ведомости” Новикова “успели разобрать до 37 сочинений исторических, поэтических, нравоучительных, педагогических и духовных. При этом высказываются литературные и научные взгляды” ³.

Новиков же основал первый “популярный” философский журнал в России ⁴.

Организовали трибуну для своих кадров: газеты, журналы. Воспитывали и сами кадры в недрах своей масонской разветвлённой сети. Там были воспитаны Карамзин, братья Тургеневы, Лопухины, Трубецкие. Они вовлекали молодежь через различные общества и организации, в которых им удалось занять ключевые места:

² Подобное занятие кажется забавным, веселым, нравится публике: смеяться над чужими грехами куда легче, чем плакать над своими! Кончается, правда, всегда слезами и сожалениями о том, что драгоценное время жизни потрачено не по назначению.

³ Вот оно, появление на свет “литературоведения” и “критики”.

⁴ Вот они, истоки будущей “философской” зауми лукавой. Так называемые философы потом изливали свои мудрствования на страницах сотен журналов, выходящих миллионными тиражами. Они “ставили вопросы”, рассуждали, спорили, убеждали всех, что они нужны, что без них человечество пропадёт, потому как именно они решают главные проблемы Жизни. Только об одном они дружно молчали: о том, что этих проблем просто не существует, что они придуманы ими же и что главный вопрос давно уже разрешён и на него получен исчерпывающий ответ ещё две тысячи лет назад.

Российская Академия наук; Университетский Благородный пансион; Семинарии: педагогическая, переводческая; Собрание университетских питомцев; Типографическая Компания; Библейское общество; Академия художеств; “Арзамас”; Общества: военное, экономическое, географическое, литературное, историческое, практических врачей, физико-медицинское, испытателей природы, сельского хозяйства, археологическое, “Зеленая Лампа” и др. Кроме того, встречались диковинные названия: Дружеское литературное общество, Дружеское ученое общество, Общество друзей природы; Союзы: Благоденствия, Освобождения, Спасения; Человеколюбивое (!!) общество [4, с. 67-68].

В самих названиях – отделённость и от природы, и от человечества, как части природы, следовательно, от ЖИЗНИ. В языке ещё тогда выразилась суть: мертвечина. Её, возможно, не осознавали ещё сами авторы.

Названия обществ указывают на те направления, которые в первую очередь интересовали международное масонство. И самыми главными были СЛОВЕСНОСТЬ и ПРОСВЕЩЕНИЕ. Подменить РУССКОЕ СЛОВО словом лжи, одних сделать сознательными и добровольными служителями тьмы, других – невежественными и самодовольными, третьих – оставить без образования – вот их цель. Знания – сила, знания – свет, а тьма вечно боролась против света. Под видом просвещения они насаждали тьму. “У нас более чем где-нибудь, просвещение – такое, какое есть, – сделалось гонителем всего родного и народного. ...Вообще избегалась и прямая русская речь, и всё, что к ней относится” [5, с.9].

Плодились ложи – плодились печатные издания. В процессе активно участвовали “новиковцы – просветители”. Вот один пример:

Лабзин А.Ф. (1766-1825). Явно: питомец Дружеского Ученого общества, секретарь Библейского общества, служил в коллегии иностранных дел, вице-президент Академии Художеств. Воспитанник Московского университета (1789). Выпускал журналы “Сионский вестник” и “Друг юношества”. Был членом “Беседы любителей русского слова”. Литератор, историограф. Тайно: с 1773 г. масон, сам основал ложи “Умирающего Сфинкса”, “К Мёртвой Голове”. Стоял НАД ложами, в руководстве. Одно из крупных дел – попытка протолкнуть под именем Храма Христа Спасителя строительство масонского храма: он должен

был выражать масонские идеи, а строить его надо было в Кремле, снеся кое-что, – Но Александр I не разрешил. Николай I, разобравшись в интригах, сослал крупнейшего масонского деятеля, архитектора Витберга, в Вятку, а строительство остановил. Об этой масонской драме громко кричал Герцен: “Свинцовая рука царя задушила гениальное произведение в колыбели...” Обидно конечно!.. Это только малая часть деятельности “просветителя” Лабзина.

Так выглядело добро по-масонски.

Через книги, газеты, журналы легионеры и старались разжечь в людях гордыню, поскольку именно она самым коротким путем приводила их в рабство. И в первую очередь – в рабство “общественному мнению”.

В течение многих лет “издательская и книгопродавческая деятельность Новикова в Москве ... **настраивала умы в одном направлении**, из разнохарактерных читателей складывала **однородную читающую публику**, и сквозь... усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков стало пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское просвещенное общество: это – **ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ**” [6, с.388].

Карамзин продолжил дело своего учителя Н.И. Новикова и всего масонского круга. Тем временем подрастали будущие декабристы. “Декабристы создали в русском обществе не существовавшее дотоле понятие – общественное мнение” [7, с.7].

Над его созданием потрудились и молодежь пушкинского круга.

“Арзамас” – детище масонов, “руководство “Арзамасом” в 1817 г. фактически переходит к М. Орлову и Н. Тургеневу. В “Законах” объявляется “польза отечества, состоящая в образовании **ОБЩЕГО МНЕНИЯ**, то есть в распространении познаний изящной словесности и вообще **МНЕНИЙ** ясных и правильных”. “Мнениеносителями” “гении Арзамаса” видели, конечно же, самих себя.

Но разрыхлённые, оглулённые, штампованные сознания – это только почва. Общественное мнение – поле. На нём надо было сеять слово лжи. Нужен был легион “сеятелей”: писателей-профессионалов, литературоведов, критиков. Но самое главное – срочно надо было создать кумира, производителя

10

“сокровищ”, слово которого “общественному мнению” подавалось бы в качестве бесспорной истины, откровения. Обезмысленная публика должна была принимать любое его слово без рассуждения и проверки, она должна была подражать ему во всем, “делать жизнь” с него.

На роль “национальной святыни” как нельзя лучше подходил А.С.Пушкин. Именно он обладал необходимыми для подобной игры качествами и способностями.

Какие же это качества?

1. Хроническое пребывание во лжи, состояние обмана и самообмана ⁵.

Это подтверждают факты его биографии, его сочинения, переписка.

Он не просто был обманут, но и имел огромной силы дар увлекать ложью других.

2. Коварство. Его сочинения сыграли свою роль в декабрьской трагедии. Однако сам автор подстрекательства декабристом не стал. *“Он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества”* [9]. Сказал это “И.И.Горбачевский – декабрист редкой стойкости, честный и мужественный человек. При этом он сослался на такие... авторитеты, как мнение повешенных С.Муравьева-Апостола и М.Бестужева-Рюмина”. “Пушкин... явно стремился войти в его круг (тайного общества – авт.). То, что он не получал приглашения и даже наталикивался на вежливый, но твёрдый отпор со стороны столь близких ему людей, как Пущин, конечно, его безмерно уязвляло” [7, с.46-47]. Эти люди хорошо его знали и поэтому не доверяли. Следствие, суд, казнь пятерых декабристов, для многих – каторга. А Пушкин? В сентябре 1826 года его доставили из ссыл-

⁵ “Господь назвал диавола ЛОЖЬЮ, ОТЦОМ ЛЖИ И ЧЕЛОВЕКОУБИЙЦЕЮ ИСКОНИ. Начало зол – ложная мысль! Одержимые “мнением” по большей части преданы сладострастию, несмотря на то, что приписывают себе возвышеннейшие духовные состояния.

Заражённые “мнением” о достоинствах своих... способны и готовы на всякое лицемерство, лукавство и обман, на все злодеяния. Непримируемой враждой дышат они против служителей истины, с неистовой ненавистью устремляются на них... Находящийся в прелести “мнения” стяжает ложное воззрение на всё, окружающее его. Он обманут и внутри себя и извне” [8].

ки в Михайловском к царю, в Кремль. Долгий разговор за закрытыми дверями. В результате Пушкин на свободе, избавлен от цензуры, “на высшей степени своей популярности... Во всех обществах, на всех балах первое внимание устремлялось на нашего гостя, в мазурке и в котильоне наши дамы выбирали поэта беспрерывно” [10, с.28]. “Жизнь, которую вёл Пушкин в эти годы, была шумной и беспорядочной” [7, с.146]. Но и о друзьях-декабристах он “заботился”: писал им стихи – “во глубину сибирских руд”.

Но быть может он искренне раскаялся, понял свои заблуждения? Ничего подобного. За спиной царя, пользуясь его доверием, А.П. продолжал свою линию вероломства: иначе он не мог, натура такая. По решению Государственного совета за ним был установлен секретный надзор, поскольку он представлял опасность для самодержавного государства, коварно и прельстительно подрывая в сознании людей самые основы жизни ⁶.

Произведения, воспевающие страсти, пороки, призывающие к внутреннему безпределу под видом “свободы”, направлены против самодержавия ДУХА. “Дворовые люди штабс-капитана Митькова подали жалобу на своего барина, развращающего их чтением “Гавриилиады”. Началось расследование, которое грозило Пушкину самыми неприятными последствиями. Вызванный к петербургскому военному генерал-губернатору, Пушкин отрёкся от авторства поэмы... и в неопределенной форме назвал автором Д.Горчакова, который давно уже был в могиле. Однако III отделение было хорошо информировано. Провести его не удалось. Пушкину пришлось вступить в личные объяснения с Николаем I, после чего дело прекратили” [7, с.153].

3. Продажность. Он мечтал стать писателем-профессионалом, но желал, чтобы продажность выглядела красиво. Дар

⁶ Основы эти: любовь к Ведущему, почитание Его, любовь к ближнему, самодержавие духа. О самодержавии духа:

“Не думайте, что можно позволять вольность мыслям, чувствам, словам и движениям. Надо держать все на привязи и управлять собою. Самоуправление есть достоинство человека. ...Сядьте и обдумайте все. И воспримите бразды самоуправления, не позволяя ничему втесняться в вашу область и возмущать ваше правление. С нехорошими внутренними движениями поступайте как с нахалами, вторгающимися в дом ваш против вашего желания. Гоните вон... Опять придут – опять гоните, только без саможаления. Отстанут...” (Феофан Затворник).

Слова на Руси всегда считали Божиим даром, на котором невозможно наживаться. Совесть не позволяла брать деньги за то, что тебе не принадлежит – озарение свыше. Пушкина мало заботили подобные соображения, у него было другое затруднение: поза романтического страдальца плохо согласовывалась с платой за эту красивую позу. Отрепённый изгнанник, гордый и непонятый, презирающий низкую толпу, – и вдруг – на тебе: денег требует! “Борьба за права литератора предстояла жестокая и длительная”, но Пушкин “её выиграл, заложив основы профессиональной литературы... ⁷” [7, с.75]. То есть продажной.

А.П. – А.Казначееву: *“Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их... дабы существовать на это...”* “Если я ещё пишу по вольной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку”. А.П. – Гречу (1821 г.) предложил “кусоч” “Кавказского пленника” “длиною в 80 стихов; стих шириной – 4 стопы; разрезано на две песни. Дешево отдам, чтобы товар не залежался”. “Но зачем ты поёшь?” А.П. – брату: *“На сей вопрос Ламартина отвечаю – я пел, как булочник печёт, портной шьёт... – за деньги, за деньги – таков я в наготе моего цинизма”*. А.П. – Вяземскому – с просьбой скорее прислать гонорар: *“Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег...”*

⁷ “Писатель-профессионал” – такого явления просто нет в природе. Ведь “литература” – это учение, слово, несущее Свет. А слово такое можно получить только через озарение, через молитву. Содержание литературы – правда. И писатель пишет только то, что должен передать другим: откровение или собственный трудный, но полезный опыт. Такие книги питают дух энергией, расширяют сознание, дают крепость и радость.

Но если человек пребывает в состоянии хронического неизлечимого безделья, если его писательство стоит в одном ряду с вином, картами, развратом и злословием, как это было у Пушкина, если у него внутри раздрызг и “переливы чувств” и всё это он безостановочно переносит на бумагу, да ещё и денег за это требует, а от количества этих денег зависит его материальное благополучие, то какая же это ЛИТЕРАТУРА? Такой “писатель”, начав с благих намерений, непременно закончит продажностью. Ведь публике-то надо угождать, потакать самым ее низменным прихотям – а то денег не даст! А угодишь – заплатят побольше, да еще и восславят. “Профессионал” начинает с угождения публике, переменчивой, безпамятной и легкомысленной, а заканчивает рабом того, кто платит ему и держит в кулаке и “писателя” и через него публику.

Третью поэму, “Бахчисарайский фонтан”, издавал Вяземский. “Пушкин добился исключительно высокого по тем временам авторского гонорара. Русские журналы ... особо отметили гонорарную сторону как начало “европейского” отношения к поэзии в России”.

“Не продаётся вдохновение, Но можно рукопись продать”. Ну уж нет! У человека, который начал собой торговать, продаётся ВСЁ. Но как хотелось ему найти себе оправдания.

А.П. – Нащокину (1836 г.): *“Денежные мои обстоятельства плохи – я принужден был приняться за журнал”*. Денежные его обстоятельства как раз были великолепны ⁸.

А если к доходам, которые шли в расход, прибавить чужие деньги, взятые в долг и тоже отправленные в расход – более 133 тысяч, то становится ясно, что не в порядке были не денежные дела, а дела совести. “Бог дал денежку, а чёрт дал дырочку, и пошла богова денежка в чёртову дырочку”.

В 1820 г. он проиграл в карты тетрадь своих стихов: она пошла за 1000 рублей. А.П. – Вяземскому (1826 г.): *“Во Пскове, вместо того, чтобы писать седьмую главу “Онегина”, я проигрываю в штосс четвёртую”*. А.М.Загряжский: Пушкин в Москве *“предложил в виде ставки пятую главу “Онегина” и проиграл”*. Сам-то он знал цену своим писаниям ⁹...

А.П. всю жизнь играл, просаживал в карты огромные деньги. *“Проиграл (в Боровичах) 1600 р... взял займы 200 р. и уехал” (1827 г.)*. В 1829 г. он признался Яковлеву, что проиграл около 20 тысяч рублей. Во время сватовства он вдруг уехал на Кавказ: *“Какая-то неопределённая тоска гнала меня из Москвы”*. Определённая! *“Можно сильно утверждать, что его путешествие по Кавказу устроено игроками, у коих он в тисках...”* (Донесение помощника Бенкендорфа – шефу). *“Поездка Пуш-*

⁸ “За 1831 – 1836 гг. Пушкин получил свыше 160 тысяч гонорара”. Другие доходы – 85 тысяч. “Постоянную и существенную помощь оказывала тетка Гончаровой, фрейлина императрицы Е.Загряжская. Утверждают, что все дорогие туалеты племянницы шились на ее деньги. Она находила поводы для хороших подарков членам семьи Пушкина, ему самому. Как в прорву!” [11].

Даль: “Прорва – пропасть, бездна; изъян, беда, убыток, напасть.

Прорва, юж. – прожёра, обжёра, объедала, ненасыть; мот, расточитель.

⁹ Царь указом запретил азартные игры, видя, что они – инструмент, используемый для разрушения дворянских родов, для разорения и закабаления наследников.

кина на Кавказ могла быть устроена действительно игроками. Они могли угощать его, проиграв ему деньги на его путевые издержки в простом расчете, что встретят скучающих богатых людей, которые с игроками не сели бы играть и которые охотно будут играть целыми днями с Пушкиным, а с ним вместе со встречными и поперечными его спутниками” (Пав. Вяземский). В поездке он действительно много играл – и проиграл [12]. А.П.: “Я бы предпочел умереть, чем не играть” [13]. Игра стала дороже жизни ¹⁰.

Прорва ненасытна, она требует всё больше денег – любой ценой. В Михайловском – время напряженной борьбы за гонорары. Несколько раз Пушкин пересматривал свои стихи и переиздавал их, сам готовил сборники. То есть, он не раскаивался в том, что когда-то написал, а снова и снова одобрял. Так появился сборник “Стихотворения А. Пушкина”, в который он включил и “Андрея Шенье”, и “Вакхическую песнь” (“Полнее стакан наливайте!.. да здравствует разум!”...) “Наполеон” и др. и угодил публике.

4. Магический дар, врождённый ¹¹ дар обольщения необычайной силы.

Есть свидетельства его магического таланта. Читал он в Тригорском “Цыган”. А. Керн: “Восторг охватил мою душу. Я была в упоении как от текущих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения”. [13, с.137] “При первом чтении мы беззащитно отдавались обаянию стиха...” [6, с.408]

¹⁰ Даль: “Игрок кум вору” [5]. И это правда (см. слово “вор” в I части). Брать огромные деньги в долг и не собираться отдавать – это тоже воровство, которое сводится к энергетическому вампиризму. Не возвращать долг значит тянуть энергию из того человека, который по наивности дал в долг. А надежд на возвращение не могло быть: деньги уходили на игру.

¹¹ Пушкин родился в год Козы. Характерные черты: беспокойство, кокетство, недовольство своей участью; человек считает, что достоин большего, чем получает, ищет виновных на стороне. Умеет нравиться, капризен, непостоянен, чувствителен к лести. Есть художественный вкус и талант. Но есть и безответственность.

Под знаком Близнецов. Черты: острый язвительный ум, дар слога, литературный талант, способности к языкам, дар убеждать кого угодно и в чём угодно (“самые абсурдные идеи звучат разумно, а ложь кажется правдой”). В характере притворство, коварство, ненадежность, легкомыслие, отсутствие терпения и настойчивости. Холодное сердце. Обаятелен, душа компании.)

5. Он являлся проводником и проповедником масонских идей, последствия которых, он, возможно, и не осознавал до конца. Идеи:

Идея	Результат
Уничтожение самодержавия	Несамодержавный человек сразу становится рабом людей или идей
Уничтожение веры	Человек без Господа беззащитен и беспомощен
Разрушение любви и чистой семьи	Нет крепкой семьи — народ вымирает
Подмена великого русского языка выхолощенной иностранной смесью	Без языка народ становится массами
Подмена литературы тьмой и смутой	Вместо знания — пустые выдумки
Подмена образования	Утрата смысла жизни

6. Он был крупнейшим мастером формы.

“Отчего Пушкин сравнительно мало известен европейскому читателю, гораздо меньше, чем Толстой, Достоевский, Тургенев?” Его очень трудно перевести, потому что *“форма слишком много значит в его произведениях: она являет собой не оболочку, а подлинное существо пушкинской поэзии. Пушкин изумился бы, если бы ему стали внушать, что, взяв перо в руки, надо думать о том, ЧТО писать, а не о том, КАК писать”* [13].

“Она духов молитвой уклоня, С усердием перекрестит меня...” Разница между духами и духами всё же есть. Но для А.П. это не важно и он с лёгкостью переставляет ударение: ведь главное – форма! Другой пример. *“Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой...”* Далее – список народов, которые должны будут восхищаться Поэтом: славяне, финны, тунгузы, калмыки. Но в черновиках ещё киргизы, грузины, черкесы. Народы как средство перечисления – опять же для рифмы и ритма.

Божество назначено. Оно сказала то, что умело... А дальше – осечка: эти слова никак не желала Россия признавать “мудрыми”, поскольку читала Слово Божие, рядом с которым любое слово падшего человеческого естества ничего не стоило. Нашим предкам было с чем сравнить писания А.П. и увидеть их истинную цену.

Энгельгардт, директор Лицея: *“Пушкину никогда не удастся дать своим стихам прочную основу, так как он боится всяких серьезных занятий”*. *“Его высшая и конечная цель – блистать и именно поэзией”*. *“Его сердце холодно и пусто”* [14].

Кюхельбекер: *“Господина Онегина (иначе же нельзя его называть) читал, есть места живые, блистательные, но не ужели это поэзия?”* Он не принял тона Пушкина в *“Онегине”*. *“Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, важнейшие источники для нашей словесности”*. *“Перечитал “Руслана”. Стихи необычайной лёгкости, прелести и отчётливости. Последнее не безделица. Содержание, разумеется, вздор; создание ничтожно, глубины никакой. Один слог составляет достоинство “Руслана”, зато слог истинно чудесный”*. *“Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей... Мы шли с 1820 г. совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя за приверженца школы так называемых очистителей языка, а я вот уже двенадцать лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова”*. *“Мы, то есть Грибоедов, я и даже Пушкин точно обязаны своим слогом Крылову”*.

Н.М.Карамзин – П.Вяземскому (1822): Пушкин написал *“Узника”*: *слог жив, черты резкие, а сочинение плохо...*

Жуковский – Пушкину (1836) о *“Маленьких трагедиях”*: *“Возвращаю тебе твои прелестные пакости”*.

Так писали люди, которые входили в число его друзей, они ещё на что-то надеялись. Противники выражались прямее. Пародируя его писания, подписывали: Обезьянин, Пустоцветов, Безсмыслов, Безмыслин, Африкан Желтодомов.

В.Ключевский о *“Евгении Онегине”*: *“Забав и роскоши дитя”* и сын промотавшегося отца, 18-летний философ с охлаждённым умом и угасшим сердцем, ... устал, прежде чем принялся за работу; суетливо бездельничал в столице, лениво бездельничал в деревне; из чванства поспешил влюбиться, когда это стало преступно; мимоходом, без цели и даже без злости убил своего приятеля; от делать-нечего вернулся в столицу донашивать истощённые разнообразным бездельем силы. И здесь, наконец, сам поэт, не кончив повести, бросил его на од-

ной из его житейских глупостей, недоумевая, как поступить дальше с таким безтолковым существованием”.

И вот в этом нравственном гнилье копаются поколение за поколением: заставляет школьная программа.

В прошлом веке отношение к подобному герою было иным. Даже Ключевский, признаваясь, что они, молодые, беззащитно отдавались обаянию стиха, то есть, подпадали под магическое воздействие, дальше пишет: *“Может быть, такое отношение к роману было педагогическим недосмотром наших воспитателей или нашим эстетическим пороком”*.

Чтобы педагогический недосмотр превратить в педагогическую обязанность, а эстетический порок переименовать в достоинство, потребовались колоссальные столетние усилия целой армии продажных людей. А тогда называли вещи своими именами. Киреевский: *“Онегин есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное... пустое”* [15]. Н.И.Надеждин (1804-1856): *“Стихотворный талант Пушкина есть сокровище неподдельное, ...но ему не дано видеть и изображать природу поэтически – под прямым углом зрения: он может только мастерски выворачивать её наизнанку... “Евгений Онегин” есть арабеск мира нравственного”* [16].

Прямому взгляду и прямым словам нечего было возразить. Приходилось ругаться ¹².

А дальше пошло легче. Противник был уничтожен физически, великая русская литература замурована, Пушкина называли “наше всё”, его писания велено было изучать и востор-

¹² А.П. (“Поэт и толпа”) воспроизвел вопросы, которые ему часто и прямо задавали люди, не подпавшие под магию его сочинений: *“к какой он цели нас ведет? о чем бренчит? чему нас учит? свой дар... во благо употребляй...”* Возразить нечего, остаётся клеветать (“чернь тупая”, “безсмысленный народ”, “каменейте в разврате”, “малодушны, неблагодарны, злы, безстыдны”) и воспевать себя, столь же бездоказательно утверждая, что “мы”, поэты, рождены *“не для корысти, не для житейского волнения”*, а совсем даже наоборот, *“для молитв и сладких звуков”*. Образ вдохновенно молящегося поэта Пушкина, чуждого страстей и корысти, так же мало соответствует истине, как и образ охаянного им народа.

Вторил Белинский. (В строчку, поскольку столбиком ругаться не умел.) *“Благая, благотворная, полезная деятельность! Зачем не предался ей Онегин? Зачем не искал он в ней своего удовлетворения? Зачем? зачем? – Затем, милостивые государи, что пустым людям легче спрашивать, нежели делом отвечать...”*

Вот так и отбивались, один довод противника забрасывая десятком своих ругательств...

гаться красотами их слога, равно как и безстыдством содержания многих. А клевету, написанную в рифму и столбиком, считать не уголовщиной, а, наоборот, “поэзией святой”.

Им надо было, чтобы народное сознание приняло раковую опухоль за свою родную здоровую ткань, чтобы признало: никогда и ничего не было у России хорошего и достойного в области литературы, а был только Пушкин, вот с него и началась литература. И писателей не было, писателей породил тоже Пушкин. И русский язык – тоже его изобретение. Он велик и абсолютен. Он – *единица измерения всего, что выражено в слове*, а потому словарь надо составить “от Пушкина”. Его мнение – закон для потомков. Люди, которые ему были близки – хорошие только по этой причине; других причин их хорошести искать нельзя, это неприлично. Люди, которых он ненавидел, которых оскорблял – плохие, без доказательств и вопреки всяким фактам. Пушкин воспевал смертные грехи (смертные – потому что несут смерть духу) – значит это вовсе и не грехи, а достоинства. Надо идти за ним во всём.

Поколения, которым он был отвратителен, уйдут, связь поколений искусственно будет разрублена, а новые поколения вырастут безпамятными, лишёнными ориентиров. Надо добиться, чтобы маленькие дети на вопрос “назови великого русского писателя”, не задумываясь, как автоматы, восторженно кричали хором: “Пушкин!!!” и получали конфетку или восторженный же ответ: “Молодцы!! Правильно!!” И чтобы на всю жизнь они это запомнили. Тогда, став взрослыми, они никогда не станут разыскивать других писателей непушкинского направления: ведь их же не бывает! Они как норму примут то, что научный институт русской литературы назвали Пушкинским домом. Они поверят, что для развития русской литературы абсолютно необходимо проводить многолетние исследования, делать доклады, писать диссертации о том, какой именно даме Пушкин посвятил стишок. Они как нечто совершенно нормальное примут строки маститых пушкинистов: “Лобанов М.Е. – поэт, драматург и переводчик, **ОЧЕНЬ НЕВЫСОКО ЦЕНИМЫЙ ПУШКИНЫМ**, позднее биограф Крылова и член Российской Академии”.

Надо, чтобы эти выросшие во взрослых дети сами захотели почитать национальной святыней безбожного, запутавше-

гося во лжи поэта, чтобы называли его именем города, улицы, музеи... Это гораздо важнее, чем называть именами политиков: сегодня политик обременён всеми титулами и наградами, а завтра умер – и таблички сняли и выкинули. Так было почти со всеми политиками, но так не должно быть с сочинителем: он как бы “вне политики”, а потому его должны почитать при любом режиме, тем более, что режим-то не меняется, меняются только ширмы и вывески. Путь – всё тот же, путь лжи и беззакония, насилия, обмана: путь во тьму. (Почему не пойти в “почитании” до конца? А.П. принимал вместо имени и клички: “Сверчок”, “Француз”, “Обезьяна” – почему бы не назвать что-нибудь: “Имени великого русского писателя Француза”.)

Было выгодно – и А.П. представляли революционером, который ненавидел царя и издевался над в верой в Бога. И доказательств этому предостаточно в его сочинениях. Но вот приблизилось время Истины – и политики пытаются опять забежать вперёд и возглавить. Но кумира другого у них нет – значит надо изобразить святым того же самого ¹³.

Вот как это делается.

“Никто из русских литераторов не вызывает такого всеобщего почитания, почти обожествления, как Пушкин”. Пушкин “поклонялся Байрону, ...но оставался при этом русским человеком”. “Патриарх русской словесности...” “При чтении Пушкина, вглядывании и вдумывании в его поступки, облик, ауру охватывает огромное чувство радости, что Земля и Россия предоставили возможность воплотиться такому совершенному типу человека” ¹⁴.

¹³ И – надо же! – опять найдены доказательства в его сочинениях! Так кто он – революционер-разрушитель или молитвенник? Нет, он просто лицемер. Только лицемер может соединять на одном листе богохульства и молитвы.

¹⁴ Придётся и нам остановиться и посмотреть на причину столь бурной аурической радости автора. Какие поступки кумира его так обрадовали? Слово современнику Пушкина, знавшему его очень близко: *“В Лицее он превосходил всех чувственностью, а после, в свете, предавался распутству всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий...образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни... Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удовлетворение чувственным страстям и поэзия. В нём не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части: злые насмешки, часто в самых отвратительных картинах, над всеми рели-*

Слово солисту: “Однажды во сне явился ему старец и спросил: “Тебя гнетёт вопрос, заслужил ли ты царствие Небесное?” “Да”, – ответил Пушкин. “Так вот отвечаю тебе – заслужил”. После этого видения поэт якобы стал спокойнее” ¹⁵.

Опять солист: “Пушкин полностью выполнил свое земное предназначение. Оставалось завершить его блистательной точкой. И дуэль за честь...” И т.д. “Пушкин скорее всего сделался бы старцем-праведником. Но пояись на Руси ещё один святой праведник, страна бы потеряла удивительное явление праведника грешного”. (Высоко-низкого, чисто-грязного... и правда, удивительное явление!) “...Это и был Бог живой”. “Можно ли к Пушкину обращаться молитвенно, как к замечательным святым старцам?” [18].

Можно и помолиться, и поклониться – всё можно, кто же запретить-то в состоянии, кроме своей совести. Но, молясь, человек стремится уподобиться предмету своего поклонения, потому что только тогда и получает ответ. Это надо учитывать тем, кто верит литературным политикам.

А они ещё и не то придумали: А.П. – великий целитель, великий пророк, великий мистик и даже великий математик...

“Пушкин – наше всё”. Откуда взялась эта дикая фраза? Ведь всё – это Бог. Оказывается, её придумал Аполлон Григорьев ¹⁶.

Вот ложь, на которой производили раскрутку А.П.:

гиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями общественными и семейными – это было ему нипочём... Вечно без копейки, вечно в долгах, с безпрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата” [17]. Что ж, у каждого свой повод для радости...

¹⁵ Св. Феофан Затворник: “Плотская любовь, пьянство, ревность и бес равны между собою. К кому пришли они, у того погублен ум”.

¹⁶ Ю.Нагибин об Ап.Григорьеве: “...исполненный высоких нравственных требований к себе и к миру. ...Пьяные загулы, скандалы, бытовое разгильдяйство, дикие выходки. ...При этом он всегда стремился к гармонии. Литература – трезвое дело, под мухой Григорьев пел, плясал, пропадал у цыган, спал на бильярдных столах в трактире или клубе, водился невесть с кем, шлялся неведомо где, а к письменному столу садился с ясной головой, в полном сборе чувств...” Если бы Ю.Н. сообщил читателям, что запойный пьяница, проспавшись в канаве, вылез оттуда трезвый и белоснежный, ему бы никто не поверил. Но ведь внутренняя-то грязь отмывается ещё труднее и медленнее, чем внешняя. Откуда же ему было взять “ясную голову”?

1) “Пушкин создал русский язык и русскую литературу”.

На самом деле изобретать легионерский язык начал не Пушкин, а Вяземский (см. 2 часть, как Вяземский переводил “Адольфа” Констана). Баратынский: *“Для меня ...любопытен перевод светского... “Адольфа” на наш необработанный язык”*. Пушкин советовал Вяземскому (1823) заняться прозой и *“образовать русский метафизический язык”*. Баратынский пророчествовал: *“Трудно переводить светского Адольфа на язык, которым не говорят в свете... им будут когда-нибудь говорить. Со временем они (выражения – авт.) будут приняты и войдут в ежедневный язык”*.

На заметку Пушкина в “Литературной газете” по поводу перевода ответил насмешкой рецензент “Московского вестника”: князь Вяземский *“хочет быть Петром Великим русского языка, создать его и подарить нам”*. Подобное намерение у современников Державина и Крылова могло вызвать только удивление или смех, как любая нелепость.

На самом же деле Пушкин в детстве не владел русским вообще, потом изучил его в том объеме, в котором знал его Петербургский полусвет, и только после знакомства с Далем начал изучать язык страны, в которой родился и из которой мечтал уехать в Европу. *“Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы, парижские театры и б... (да, вот такое “дум высокое стремление! – авт.), то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство”* [13] (1826 г.). Существовать в столь чуждой стране он мог только в “капсуле”, то есть быть постоянно в окружении таких же душ, общаться почти исключительно с ними. И на их языке, составленном из родного французского, заимствованных русских слов и терминологии дохристианских времён и времён ренессанса по-европейски. Эту кашу нам подают под именем русского литературного языка, который якобы создан Пушкиным. То, чем он блестяще владел, не было *литературной* гениальностью. Он был в необычайной степени одарён талантом магическим и подражательским. Почитания Света не было в его душе, следовательно *литературы* (то есть Молитвы, Слова, несущего Свет) никак не могло быть и в том, что он переносил из души на бумагу. Было только мастерское, тонкое, обольстительное притворство – в лучшем случае, не так уж и

часто, а в основном – позёрство и пошлость. Всю свою жизнь этот человек писал “здорово, но не о том”.

2) “Истина, добро, любовь, красота, радость жизни – всё это есть в поэзии Пушкина”. И это — ложь.

Передать в своих произведениях писатель может только то, что сам имеет: как передать то, чего у тебя нет! Душа человека и его разум питаются впечатлениями, почерпнутыми из тех источников, к которым человек тянется. Напитался сам – поделился с другими. Чем же питал свою душу А.П.? Какие впечатления вбирал ¹⁷?

Блуд, разврат, пьянство в масонских кружках, каковым являлся “Арзамас”, было делом обыкновенным, и смотрели на такие вещи как на нормальное явление. Пример – письмо А.Тургенева П.Вяземскому 18.12.1818 г. о Пушкине – “Сверчке”. Предельный цинизм. Позорные болезни – результат разврата, в котором пребывал Пушкин, – являлись поводом к его “писаниям”, вдохновляли его на новые грязные похождения и новые романтические поэмы.

Великому и единственному критерию ЛИТЕРАТУРЫ его произведения не соответствуют. Критерий этот применяли святые отцы: взяв книгу, стоит спросить “ЧТО ОНА ДАСТ ДЛЯ МОЕГО СПАСЕНИЯ?” Сочинения А.П. учили губить душу.

3) “Пушкин – народный поэт, народ любит Пушкина и его творения”.

¹⁷ А.П. – Льву П.: “Беседы Байрона! Вальтер Скотт! Это пища души”. Россини и итальянская опера – “представители рая небесного” [20]. А.П. – Вигелю: “Я пью, как Лот Содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки. Недавно... я был президентом попойки; все перепились и потом поехали по...” [13].

“Поехать по ...” была не разовая акция. “С.А., содержательница веселого дома, ...хорошо знала Пушкина. Он появлялся и в первые годы своего петербургского жителя, и много позднее, накануне женитьбы и даже после нее”. На похождения Пушкина полиция смотрела сквозь пальцы. Но “в 1829 г. с... князем Вяземским стряслась очень неприятная история: тайные агенты донесли, что князь – человек женатый и солидный – провёл с Пушкиным ночь в веселом доме... Князь по возвращении в Москву получил от московского генерал-губернатора бумагу, в которой говорилось, что правительству известно его развратное поведение, и что в случае, если он будет вовлекать в пороки молодежь, против него будут приняты меры строгости. Вяземский страшно вознегодовал и собирался даже ехать навсегда за границу” [13]. (Вечно это царское самодержавие мешало проявляться свободолюбию поэтов! Ведь поэтам требуется вдохновение. Его надо где-то черпать).

И снова ложь. Нам от него просто некуда деться. Попробовал бы какой-нибудь школьник “не полюбить” великого русского, отказаться его изучать! Последствия легко предвидеть, и они не будут иметь к литературе никакого отношения. Вот на этом-то примере сразу и выясняется его принадлежность не к литературе, а к политике.

Русский народ – православный. Пушкин же всю жизнь во-евал против Бога. Русский народ – великий труженик, а Пушкин не работал, не служил, вёл жизнь беспорядочную. Народ стыдился греха и каялся, а А.П. в своих писаниях или оправдывал и украшал порок, или проводил масонские идеи, служащие разрушению своего отечества. Он переворачивал всё, к чему только прикасался. Пугачёв, “вождь кровопролитной и длительной крестьянской войны впервые был изображён не злодеем и извергом, но могучим, красивым человеком, вызывавшим не просто сочувствие, но “пиитический восторг” [10]. На самом деле Пугачёв выступал в качестве самозванца, под именем царя Петра Фёдоровича, а войну вёл на польские деньги. Так что Пушкин действительно впервые изобразил самозванца и преступника – красавцем, да ещё приписал ему “русский дух”, который якобы выражается в “мятежной жажде воли” ¹⁸.

Так называемая “всеотзывчивость” – не что иное, как большие способности имитатора. Он мог изобразить что угодно, но, опять же, не мог создать подлинник, а только способен был показать очень похожее, но ненастоящее. (И восковые фигуры в музее похожи на людей, да что толку.) С русским народом он не имел никаких соприкосновений, кроме функционально-потребительских. В последние годы жизни пробовал писать письма жене по-русски и в “русском духе” – получилось *a la rus* ¹⁹.

¹⁸ Скорее всего, во многих случаях он сознательно не лгал, просто он так воспринимал явления, так видел мир, не мог отличить подлинник от подделки. Специфичность его восприятия подтверждается историей с “Песнями западных славян”. Известный мистификатор Мериме решил насочинять “народных песен” и продать: задумал с другом путешествие, а денег не было. Мериме: “Я хотел посмеяться над “местным колоритом”. Пушкин восхитился “народностью”, не сомневался в подлинности песен. Соболевскому пришлось просить самого автора разуверить Пушкина.

¹⁹ О письмах. От защитников версии о “великом русском...” приходилось слышать, что читать письмо неприлично. Совершенно верно. Но здесь другой случай. Авторы писем из окружения Пушкина, как и он сам, писали, сохраняли, продавали, издавали их, рассматривая как особый, эпистолярный жанр сочинительства. Но то, что могло повредить планам или ему самому, Пушкин тщательно уничтожал, как и

Если учитывать письма, как один из жанров прозы, то мы увидим своеобразные пары: на каждую поэтическую “преlest” приходится одна или несколько прозаических мерзостей. Наиболее яркий пример – стихи, посвященные А.Керн и проза, письма ей и о ней.

Похабные писания в отношении А.Керн не были исключением. (Они, кстати, подтверждают правоту современников Пушкина, которые видели, как он использует свой поэтический талант для обольщения женщин.) Похабно ²⁰ отзывался он и о великих русских писателях Державине, Шишкове, Крылове и других.

Порвав с Источником знания, Пушкин потерял опору жизни. Обратился к суевериям, приметам, предрассудкам, гаданию, талисманам, картёжной игре. Во всём пытался найти закономерность, опору, но опора оказывалась гнилая, всё рушилось, ему казалось, что весь мир случаен, состоит из неожиданностей, что события в нём непредсказуемы – и пытал судьбу. Существовать в хаотичном мире, который он сам и создал себе, оказалось ему не под силу. Пушкин – Нащокину: *“Сейчас еду Богу молиться и взял с собой последнюю сотню... достань тысячи две”*. По контексту – играть в карты. “Обычно игра ассоциируется с дьявольским началом” [12]. Так что и тут мимо: русский народ, представителем которого хотят показать Пушкина, дьяволу не молился, и с Богом его не путал.

Ещё одно несоответствие. Русский народ никогда не был болтливым попрыгунчиком. На Руси ценили слово краткое, сильное, точное. Твёрдо выразил это качество русского сознания И.А.Крылов в своих баснях (притчах) – они сразу же расходились как афоризмы, – ведь были подлинно народными по духу и языку. У Пушкина же была какая-то неодолимая тяга к много- и пустословию с применением разнообразных красот. Украшения до такой степени затмевали всякое содержание, что и до сих пор многие его писания требуют перевода на

его друзья. Так он уничтожил многое, когда узнал о провале масонского выступления на Сенатской площади. Уничтожены были и письма Н.Н.Пушкиной к нему. Но зато потом написано по-французски письмо Н.Н. второму мужу, П.П.Ланскому (1849 г.) [20], в котором она попыталась отредактировать свой светлый образ, но попытка оказалась неудачной и даже неуклюжей.

²⁰ Даль: Похабный, – наглый и безстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный. Похабить — что портить, гадить.

простой русский язык. А главное — писания праздные, от нечего делать. “Переливы чувств”, пустые речи, желание привлечь внимание читателей к тому, от чего как раз надо бы отвернуться, попытки развлечь и таким образом ОТВЛЕЧЬ от важного, — всё это показывает, что А.П. — прямой продолжатель линии Карамзина с его “безделками”. В его писаниях сплошная подделка: под правду, под “народность”, под историю, под любовь. Но подделки “под святое” — самые страшные, они хуже, чем его кощунства. **“Господь на языке — чёрт на сердце”**.

Суетливость, болтливость — не русские черты. Русские выражения краткие и сильные: **“Брехать — не топором махать, брехнул да и отдохнул”, “Голосиста пташка, да черна рубашка”, “Был бы сват насквозь свят, кабы душа не просила барыша”, “Начал духом, а кончил брюхом”**.

Народ стремился к смирению, — А.П. воспевал гордыню; в русском человеке напрочь отсутствует желание властвовать над кем-то, и русский принимает власть над людьми как одно из самых тяжёлых послушаний, а А.П. изо всех сил рвался в профессиональные писатели, стремясь получить власть над умом и сердцем человека.

И отношение его к женщине тоже не соответствует русскому духу. На женщину он смотрел, как на вещь. На тех, которые его отвергали, выливал своё “поэтическое негодование”, не жалея грязи. К любви он был не способен, видимо, даже не знал, что это такое, как и всякий человек с холодным эгоистичным сердцем. **“Отношение к женщине — один из критериев доброкачественности любой цивилизации. Взгляд на женщину как на объект потребления — верный признак вырождения и злокачественной духовной болезни”** [21].

Много можно привести примеров, доказывающих полное несоответствие лозунгов, под которыми продолжается пропаганда пушкинизма, — истинному положению дел. Главные доказательства содержатся в самих произведениях Пушкина, если читать их непредвзято, избавиться от столетнего гипноза пушкинистики, а главным критерием считать не заклинания литературоведов, не “мнения” критиков, но только Закон.

Итак безмерное восхваление А.П. не имеет отношения к литературе. Это — политика. Тогда вопросы:

1) Знал ли про масонские планы сам Пушкин?

2) Не была ли его странная смерть составной частью плана?

Стать “властителем умов” он мечтал в течение всей жизни: в этом легко убедиться, стоит только перечитать его сочинения. Он без конца рисовал себя, свой профиль, что говорит о редком тщеславии и самолюбовании. Но главное, это история с созданием журнала. И если самовоспевание можно ещё отнести к личным качествам, то здесь уже налицо выполнение продуманного плана. “Пушкин начал пропагандировать идею создания толстого литературного журнала”. Он “смотрел на себя как на главу русской (читай: легионерской - авт.) литературы, чувствовал личную ответственность за её будущее, а в журнале видел средство осуществления своего влияния на развитие словесности в России”. “Руководство журналом он явно хотел сосредоточить в своих руках”, но при этом понимал, что “журнал должен говорить не от лица какой-либо группы, а быть авторитетным законодателем литературных мнений” [7].

Но то, что, возможно, прошло бы беспрепятственно до 1825 г., в новых условиях стало невыполнимым. Тайное стало явным, заговор раскрыт, ряды масонов поредели: очень многие отправились на каторгу и в ссылку. Вот как этот факт преломился в подаче “литературоведения”: “Русская литература понесла значительные потери”. Никаких потерь русская литература не понесла, русские писатели не устраивали переворотов. “Петербургская словесность – наибольшие потери”. Это значит только, что “петербургская словесность” занималась вовсе не словесностью, а политическими заговорами под маской литературы и к Слову истины, добра, и красоты она не имела ни малейшего отношения.

Поредели ряды сочинителей лжи, отвернулось от них общество, в 1826 г. умер Карамзин, а другие масоны, поутратив влияние, вынуждены были притихнуть.

Вот в таких условиях *“Пушкин хотел связать себя с журналом, на курс которого он мог бы оказывать определяющее влияние”*. В “Современнике” он особое место отводил критике, потому “начал осторожные переговоры с ведущими критиками двух враждующих литературных группировок: Вяземским и Катениным, подготавливая их объединение в одном журнале” [7].

Затея с влиянием на “литературные мнения” через журнал с треском провалилась: если первый номер “Современника” публика приняла с интересом, то последующие... Тираж упал, изданные экземпляры пылились на прилавках. Журнал начал выходить в 1836 г., разрешён он был с условием, что исключена будет всякая политическая информация. А.Тургенев – Вяземскому (25.04.1836 г.): *“Как-то странно будет, если Пушкин совершенно исключит этот элемент из своего “Современника”: литература без политики не будет уже СОВРЕМЕННОЮ нам литературою”* [20]. Они настолько привыкли политические ужимки и подстрекательство называть литературою, что совсем перестали уже понимать, а чем на самом-то деле занимается литература. А.П. – Чаадаеву: *“Наша общественная жизнь – грустная вещь. Это отсутствие общественного мнения...”* [20].

Обидно, конечно: “общественное мнение” получилось какое-то совсем не такое, как было задумано масонами. Его, самого А.П., публика никак не желала признавать “властителем умов”. Журнал не покупали, более того, в это же самое время процветали издания его противников. А над ним... смеялись. Вот что печатала “Северная пчела” Ф.Булгарина (11.03.1830 г.): Пушкин изображен под видом некоего французского поэта, который *“бросает рифмами во всё священное, чванится перед чернью вольнодумством и тишком ползает у ног сильных, чтобы позволили ему нарядиться в шитый кафтан; который марает белые листы на продажу, чтобы спустить деньги на краплёных листах, и у которого одно господствующее чувство – суетность”*.

Но Пушкин понимал, что будущее “третьей” литературы зависит от его усилий. Похоже, что в планы масонов он был посвящён. Но когда они просчитали последствия, они должны были сделать однозначный вывод: если Пушкин будет жить дальше, весь план рухнет. Кроме того, что он утратил былое влияние, которое держалось на заблуждениях, он ещё, видимо, шёл к истинной славе, мог стать действительно гением слова. Он в последние годы сблизился с великим Далем, влияние которого было довольно ощутимым, наметилось его движение к русским писателям.

Теперь о дуэли с Дантесом. Дуэли в России были строгойше запрещены, за нарушение запрета полагалось тяжкое

наказание. Но они продолжались, поддерживаемые байками самих записных дуэлянтов о якобы защите чести. Настоящие умные люди знали цену дуэлям – вспомним точку зрения А. Болотова! – и не шли на провокации, но какая-то группа людей (возможно, людей заинтересованных) крепко “держала” мнение и навязывала его легкомысленным головам: дуэль престижна, кто не согласен участвовать в дуэли, того не станут уважать в обществе.

А кроме того, существовали ещё так называемые “бретёры”²¹.

Задиры, иначе говоря, провокаторы. Не была ли часть этих бретёров попросту убийцами-профессионалами? Ведь финансовые их дела часто были запутаны, не были ясны источники средств к существованию, однако жили они на широкую ногу. Дуэль – самый удобный легальный способ убить неугодного человека по заказу, при этом убийца в том самом организованном “общественном мнении” будет выглядеть не преступником, не уголовником, а вроде даже благородным защитником своей или чужой чести. В таких оранжерейных условиях можно свободно убивать. А не последовать ли древнейшему правилу римского права, не поискать ли, кому выгодно (*qui prodest*)?..

Кто такой Дантес? По отзывам современников – “Дантес был пустым мальчишкой, когда приехал сюда”. Прибыл он в Петербург на пароходе “Николай I” 8.10.1833 г. “Был совершенным ничтожеством как в нравственном, так и в умственном отношении” [20]. Усыновлён Геккерном, записан в кавалергарды. Стал проводником и исполнителем коварнейшей интриги, которую никто не смог тогда разгадать: непонятно было, зачем ему нужно изображать страсть к жене Пушкина, преследовать её с таким упорством? Зачем Геккерт поддерживал и раздувал эту легенду о якобы безумной влюблённости Дантеса? Но если предположить, что этой французской парочке нужна была дуэль и только дуэль, причём, с правом первого выстрела для Дантеса, чтобы убить Пушкина “на законных основаниях”, порожденных “общественным мнением”, то всё становится на свои места. Оба противника пришли на ду-

²¹ “Бретёр (*фр.*) – охотник драться на дуэли по всякому поводу; задира”.

эль не пугать друг друга, они пришли убивать. Но Дантес выстрелил первым – по правилам дуэли. Смертельно раненный Пушкин выстрелил тоже. “Пуля пробила руку Дантеса, но только в мягких частях, и остановилась против желудка – пуговица на сюртуке предохранила его и он получил только лёгкую контузию в грудь” [20].

Дантес, уже барон Геккерн, уехал из России, стал пэром Франции, жил до 1895 года, до глубокой старости. Он получил свою награду за чисто выполненное задание?..

В последние сутки жизни рядом с Пушкиным неотлучно находился В. Даль. *“На слова мои: “Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!” – отвечал: “Нет, мне здесь не житье; я умру да, видно, уже так надо”. В ночи на 29 он повторял несколько раз подобное...”* [22]. Эти слова в устах верующего звучали бы естественно и означали бы: всё в воле Божией. Но их говорил человек, который всю жизнь боролся против Бога. Что он имел в виду, говоря “так надо”?

“Пушкин ещё не испустил последнего вздоха, а уже сделалось ясно, что он родился для новой, легендарной жизни...” [7]. Да, создание нового божества тотчас пошло полным ходом.

Проститься с телом погибшего на дуэли известного поэта пришло много народу. Побуждения были разные: одни люди были с ним знакомы – таких было немало, другие читали или слышали, третьи из простого любопытства, которое тянет зевак к месту трагедии, чтобы потом посудачить. Но больше было тех, которые жалели его. В день похорон, собралась несметная толпа, “целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться” [20], потому что православные знали: молитва облегчит его тяжёлую посмертную участь.

Возможно, что в нём незадолго до гибели началось прозрение. *“Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить”* (Пушкин). О прозрении свидетельствует его заочное прощание с царём, с Е.А. Карамзиной. *“Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: “перекрестите ещё...”* [20].

О вере, о молитве “литературоведение” потом не упоминало, а толпу народа подавало под соусом “всенародной люб-

ви к великому русскому поэту”. Тут же появилось стихотворение Лермонтова “На смерть поэта”, в котором Лермонтов заявил себя достойным представителем провокаторского направления. В этом стихотворении не было искреннего чувства, не было правды, но зато проглядывало желание автора мутить и возбуждать страсти читателей.

С удвоенной энергией пошла подготовка кадров, стремительно выпекались и выходили на большую дорогу кадры критиков и литературоведов ²².

Все они делали одно: внедряли сочинения А.П. как МЕРУ ВСЕХ ВЕЩЕЙ, как ОБРАЗЕЦ.

Они твердили одно и то же “мнение”: “Пушкин — наше всё”. Твердили, пуская в ход все средства для морочения голов, твердили до тех пор, пока у читателей (то есть у всего населения России) не произошла в мозгу странная вещь: им стало, в конце концов, казаться, что “мнение”, повторенное тысячи раз, стало истиной, фактом действительности. (Хотя все изучали математику и должны бы знать, что нуль, умноженный на что угодно, всё равно останется нулём. А “мнение” — это нуль информации.)

“Мнение” высказывали при жизни Пушкина его приятели, — но они не были уважаемыми людьми. Требовались профессиональные “мнениеносители”, люди безпредельной гордыни и безпредельного цинизма. И они нашлись. Они ссылались друг на друга, превозносили друг друга, создавали авторитет один другому — и все хором кумиру. Так был создан дурной хоровод: горстка людей делает рекламу друг другу и кумиру, а кажется, что его образ заполнил всю Вселенную.

Белинский о Пушкине: “...общий голос нарёк его русским национальным народным поэтом”. Хочется узнать, как выглядит “общий голос”.

Герцен о Пушкине: “Незадолго до мрачного царствования появился великий русский поэт Пушкин, а появившись, сразу

²² На самом деле, повторяем, легионерство никогда не имело отношения к литературе, все игры в “критику” и “литературоведение” — это политика, это старание определенной группы людей подчинить себе стремления, мысли, волю народа, то есть поработить его, обманом и прельщением завладев его ЭНЕРГИЕЙ. О своих крайне далеких от литературы целях они сами много раз открыто и безстыдно заявляли.

стал необходим, словно русская литература не могла без него обойтись. Произведения Пушкина в руках у каждого образованного русского, и он перечитывает их всю свою жизнь” [23].

В.Брюсов о Пушкине (1922 г.): “Последнее время замечается новое оживление в изучении Пушкина”. Далее про “ценные работы”, новое издание “Гавриилиады”... “В наши дни никто уже не сомневается, что Пушкин – величайший из наших поэтов, ... историко-литературное изучение Пушкина необходимо и плодотворно” [19]. Стоит упомянуть, что В.Брюсов, поэт, член ВКП(б), был ещё и масоном (ложе “Люцифер”), а у масонов отсебятина не принята, они проводят только ту линию, которую велит хозяин [4].

На создание легенды “Пушкин – наше всё” потребовалось больше ста лет – пока подобная нелепица улеглась в головах читателей. (Нам не удалось услышать от искренних и честных защитников этой идеи хотя бы одну собственную мысль; все они дружно повторяли мысли, навязанные литературоведами, причём считали их своими.)

“Благодаря мастерству рекламы, некоторые плохие произведения получают не оправдываемую своими достоинствами большую известность. Слава ничтожной, часто вредной, книги, как снежный ком, всё вырастает и вырастает, и в головах огромного большинства людей образуется всё большая и большая путаница понятий и совершенная неспособность понимания достоинств литературных произведений. Всё ниже спускается уровень достоинства печатаемого и всё больше погружается большая масса так называемой образованной публики в самое безнадёжное, довольное собой и потому неисправимое невежество” (Л.Н. Толстой).

Кое-что о критике

и критиках

Глава

Вторая

Общеизвестно выражение: “властитель умов”. Властителями ЧИХ именно умов называются критики? Что общего в их характерах и мировоззрениях? По какому главному качеству идёт отбор в легион “властителей умов”? Вот некоторые детали биографий, помогающие понять суть “критики”.

В.Г.Белинский (1811-1848). Знаменательна рифма дат с его кумиром. Родился ровно через 12 лет после Пушкина, умер точно в день его рождения (26.05). Прожил 37 лет. Образование получал в уездном училище, в гимназии, учился на словесном отделении Московского университета, но был отчислен. Посещал кружок Станкевича, стал сотрудником журнала “Телескоп”. В 1839 г. — Петербург, литературно-критический отдел журнала “Отечественные записки”, в 1847 — отдел критики журнала “Современник”¹.

Поскольку именно критик определял направление журнала, то Белинский, недоучившийся студент, и стал “властителем умов”. “Доселе Макар огороды копал, а ныне Макар в воеводы попал”. Он не получил и не стремился получить систематического глубокого образования, в нем кипели страсти, часто затмевая разум, он по этой причине совершенно не ориентировался в действительности, зато высказывался охотно и с большим апломбом и горячностью по любому вопросу. Конечно же, для легиона это просто находка!

Вот как И.С.Тургенев описывает Белинского: среднего роста, некрасив, нескладен, худощав, с впалой грудью и понурой головой. Одна лопатка заметно выдается больше другой. Все признаки чахотки, постоянно кашлял. Лицо бледно-красноватое, нос приплюснутый, рот слегка искривленный, особен-

¹ “Современник” (Петербург) — основан Пушкиным, потом редактор Плетнев, с 1846 г. Некрасов и Панаев. С журналом сотрудничали Герцен, Чернышевский, Добролюбов, И.Тургенев, Л.Толстой, Салтыков-Щедрин и др. Когда журнал начал активно превращаться в “орган революционной демократии”, с ним отказались сотрудничать Л.Толстой, И.Тургенев, А.Н.Майков, А.Фет, Д.Григорovich.

но когда раскрывался, лоб низкий. Глаза полузакрытые, расширялись и сверкали в минуты воодушевления. Походка неровная и торопливая; озирался с пугливой суровостью. На улице между чужими людьми робел и терялся.

Сведения Белинского были не обширны, он знал мало: бедность, плохое воспитание, несчастья, болезни, работа ради куска хлеба... [1].

Тургенев написал его портрет доброжелательной и жалостливой рукой. Тем ценнее его сведения. *“Его мучили сомнения, лишали сна, пищи, грызли и жгли. Он бился над разрешением вопросов (разрешенных почти две тысячи лет назад – авт.), исхудалый, больной. Поговорив часа два-три, я ослабевал...”* Действовал, жил только по своим принципам. (Жаль, что не по Закону Божьему...)

“Неверный учению Христову, последующий своей воле и разуму, подчиняется врагу, и из состояния самообольщения переходит к состоянию бесовской прелести, теряет остаток своей свободы, вступает в полное подчинение дьяволу ... Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину” [2].

Вот в этом состоянии Белинский жил и проповедовал ложь, которую принимал за истину. По свидетельству Панаева, *“перед смертью он говорил часа два, не переставая, как будто к русскому народу”*.

О его писаниях. Начал он со статьи “Литературные мечтания” (“Молва”, 1834 г.). Мечтания эти печатались в течение нескольких месяцев и подписаны были “...он ...инский” (знаменательно был задан тон всей творческой жизни: иллюзии плюс огрызки имени и фамилии, да ещё вдобавок из имени получилось местоимение). Действительно, Белинский поразительно умел промахиваться, но промахи подавались напористо, они поддержаны были всем легионом – и начинали казаться чуть ли не истиной.

Вот некоторые его мысли и идеи.

О Байроне, который стал критиком в 19 лет: *“...эта личность, столь колоссальная, гордая и непреклонная, стремилась к суду над его [человечества] прошедшею и настоящею исто-*

рией". Глядя на славу Байрона, хотелось и самому переделывать народы, звать за собой человечество, указывать ему путь. Сокрушался: *"Я родился быть трибуном, а пишу о повестях и романах"*. "Белинский работал как бы со связанными руками... Не было арены для политической деятельности, и Белинский шёл в журнал. Журнал заменил ему политическую трибуну, стал кафедрой, с которой он призывал русское общество идти вперед" [3]. Правда, где находится это самое "вперёд", он точно не знал. Ему мнилось, что вперёд – это догоняя Запад, вместе с ним отрицая дух и Бога. В своих промахах критик порой признавался: *"Ну и врал же я чушь!"* И тут же говорил новую.

В "Мечтаниях" он изложил свое кредо критика: *"...разбирается дух его (писателя) творений..."* критик будет *"решать, какое место он должен занимать в литературе и какою славою должен пользоваться"*. (Легионеры, наверное, ахнули от восторга: студент-недоучка 23-х лет от роду вознамерился оценивать писателей! судить их произведения! раздавать "места"! Появился свой заведующий Парнасом! Эту чудовищную идею надо было срочно сеять в умы, что и было сделано. И уже к середине XX века все настолько были приучены ссылаться на мнение Белинского, что считали это нормальным.)

Не будем забывать, что именно Белинский "раздал места" Пушкину и Лермонтову. И.С.Тургенев: Пушкин *"испытывал охлаждение к себе современников; последующие поколения ещё более удалялись от него, перестали нуждаться в нём, воспитываться на нём, и только в недавнее время снова становится заметным возвращение к его поэзии"* [4, с.131]. Сказано это в 1880 г., а "недавнее время" точно совпало с так называемым "революционным движением", то есть усилением тайных и явных атак на основы Руси. Руки у террора были "народовольческие", а головы – масонские. Уступки либералам со стороны Александра II окончились его гибелью менее чем через год после открытия памятника Пушкину. Пушкин, о котором почти забыли, срочно понадобился.

Русским было важно только то, О ЧЁМ писал Пушкин. И его мысли, как ничего не дающие для спасения души, оказались никому не нужны. Но легионерам было важно, КАК он умел ПРЕЛЬЩАТЬ и уводить с пути. И они его всеми силами проталкивали в гении.

Но вернёмся к Белинскому. Увидев, как было принято его заявление, он пошёл дальше. В следующем году он уже писал: *“Мир журнальный есть мир политический в миниатюре...”* *“У нас ещё мало читателей...”* Задача – *“умножить читателей”*. (Читателей чего? Высоких мыслей или словесного поноса? Читателей мудрых книг всегда было именно столько, сколько было готовых к этому сознаний. А вот читателей пустословия и злословия можно было попробовать *“умножить”*...) Белинского несло неудержимо: *“Наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережевывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости, соображаясь с ними, действуйте на них”* [3].

Действовал и сам, утверждая, что критика стоит и над литературой и над *“общественным мнением”*. При этом тешил себя мыслью, что *“критика”* – он сам. Но стоило ему немного отклониться в русскую сторону, как он тут же почувствовал на себе узду, которую держала некая твёрдая рука. И потом уже он до конца служил критике. И когда Гоголь отклонился, пересмотрел свои прежние взгляды, признал их неверными – он тут же получил удар от Белинского: не отклоняйся от курса! (*“Письмо к Гоголю”*, 1847 г., Зальцбрунн.) Письмо не как дружеское сообщение, а как жанр критики. (Какая уж там свобода мысли!)

Белинского называли *“неистовый”*² Виссарион”. Звучало это чуть ли не похвалой.

Для этого прозвища имелись основания. Белинский страстно предавался азартной картёжной игре, *“на лице – выражение страдания, отчаяния, опустил голову, как к смерти приговоренный”* [1]. Кипение страстей порождало и творческую безталанность Белинского (он как-то сочинил комедию – получилось слезливо-добродетельно, натянуто, фальшиво), и безграничную критически-публицистическую болтливость: *“не имел времени вычищать слог, взвешивать и обдумывать”*, и тягу к театральности, и донельзя фальшивые позы: *“Социальность, социальность – или смерть! Вот девиз мой. Что мне в*

² Даль: *“Неистовый – изступленный, свирепый, зверский, бешеный яростный, беснующийся, лютый, дикий; лишённый всякого смысла, разсудка, разумного начала... вышедший из себя, неукротимый во гневе своём, без памяти злобный, бессознательно неудержный в своеволии, неукротимый... Неистовая сила – неразумная, зверская; нечистая, дьявольская”*.

том, что живёт общее, когда страдает личность?.. Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце моё обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу...” По причине той же склонности к позёрству и фальши он не мог отличить истинное от притворного, настоящее от поддельного и в литературе. Белинский – И.С.Тургеневу: “Мне кажется, у Вас чисто творческого таланта или нет, или очень мало, – и Ваш талант однороден с Далем” (1847 г.). Но зато каждое новое стихотворение Лермонтова “приводило Белинского в экстаз” (И.Панев). Всё чертовское и демоническое находило в нём самый быстрый отклик. И.С.Тургенев: единственная мелодия, которую он басом подвывал в минуты отличного расположения духа, – хор чертей из “Роберта-Дьявола”.

Любые необузданные страсти как раз и приводят к такому хору...

“Помрачение ума происходит от страстей: от многословия, от суетливости, от безмерной заботы, от скорби, от мечтания, от объедения, от многоспания; часто и от бесов оно бывает, то есть от смущений их, когда они приближаются к нам. От входа в нас сих страстей, душевное око наше закрывается, то есть притупляется зрение ума, и он уже ничего духовного не видит и не имеет рассуждения... человек, имея потемнённый ум, впадает в яму различных страстей...

Не вселится Дух Святой, пока человек не очистится от страстей душевных и телесных. Одному можно пребывать внутри человека: или Духу Святому, или страстям; где Дух Святой, туда страсти не приближаются, а где страсти, там пребывает не Дух Святой, а лукавый” [5, с.24-25, 21].

Белинский воевал против накопленного веками ДУХОВНОГО ОПЫТА, противопоставляя ему своё МНЕНИЕ. А мнение было такое: страсти – штука замечательная! Церковь имела практику, опытное знание, Белинский – мнение и, как он сам утверждал, “врождённый инстинкт истины”, (от которого оставался один шаг до “революционного и классового чутья”).

Учение Христа помогало человеку побеждать свои страсти и становиться сильным и свободным: “кто кем побежден, тот тому и раб”, побеждён страстями – раб страстей; Учение

указывало путь из рабства. Белинский, сам пребывая в рабстве, соблазнял других. Писал: *“...страсть есть источник всякой живой, плодотворной деятельности, ...ею сделано всё великое и прекрасное... зло не в страсти вообще, а в дурных страстях”*. Распределять же страсти по категориям Белинский, видимо, собирался по собственному разумению, пользуясь всё тем же “врождённым инстинктом”: хорошо то, что нравится Белинскому, а плохо то, что ему не нравится. А не нравились ему Православие, Самодержавие и русский народ. Всё остальное нравилось: преферанс, французская литература, у которой *“основное двигательное начало – одушевление страсти, цель – возбуждение страсти...”* [6, с.351], нравился Байрон, песенки Беранже, нравился Лермонтов. Нравился Герцен, которому он писал: *“У тебя страшно много ума, так много, что я и не знаю, зачем его столько одному человеку...”* (1846 г.). А ещё ему нравилось очень многословно, кудряво и цветисто писать, писать... и всё мимо. Любил он фразу и позу, искренне полагал, что не просто является писателем (ничего за свою жизнь так и не создав), но ещё и стоит НАД литературой. Называл себя *“человеком, у которого литературная деятельность была призванием, страстью, который никогда не отделял своего убеждения от своих интересов, который, руководствуясь врождённым инстинктом истины, имел больше влияние на общественное мнение, чем многие из его действительно учёных противников”* [6, с.360]. (Это вечная болезнь невежества: всё-то ему хочется взять верх над мудростью.)

В конце концов Белинский высказал удивительную мысль: *“...за исключением Гоголя, пишущего в последнее время мало и редко, в русской литературе теперь нет великих талантов, но зато есть теперь у нас литература”*. Признал существование литературы без писателей! Но это и есть главный признак легионерской литературы! А про русскую литературу он ничего не мог сказать по одной простой причине: он в ней ничего бы не понял даже если бы стал читать: **ЧТО МОЖЕТ ПЛОТЬ ПОНИМАТЬ О ДУХЕ?** Ведь ему не под силу было даже понять то, что понимал любой русский: народное творчество. Белинский: *“Одно небольшое стихотворение истинного художника-поэта неизмеримо выше всех произведений народной поэзии, вместе взятых!”* [7, с.309]. (Ф.И.Буслаев утверждал

обратное: народная поэзия выше любой “искусственной” литературы.) Для Белинского *“люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении со страданием миллионов”*. В 1841 г. он признавался: *“Я начинаю любить человечество по-маратовски; чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную”*.

Такой белинско-маратовской любви мешала Церковь. Белинский о Церкви: *“Она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма...”*, *“Царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами..., а террористами...”*. Белинский о России: *“Ей нужны не проповеди..., не молитвы..., права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью...”*, *“Наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа”*, *“У нас... награждается общим вниманием... либеральное направление, ...падает популярность великих поэтов, отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности”*.

Судя по всему, он тоже писал “для потомков”, возможно, был посвящён в антирусский заговор. Современники-то видели в его писаниях ложь. И сам он не мог быть настолько уж слепым, чтобы не видеть, что действительность совсем не такая, какой он её рисует. Вся надежда была на будущие времена, когда огромное число русских деятелей будет вычеркнуто со страниц истории, другие будут ошельмованы и оклеветаны. Негде будет прочитано ими написанное, чтобы сравнить и составить истинную картину того времени. А вершину этой пирамиды лжи и оговоров увенчает собой именно Белинский, воспевавший Пушкина и Лермонтова. Его многомудрые писания будут затверживать школьники и студенты в качестве истины последней инстанции. И он старался...

А ведь тогда ещё зачитывались Державиным, живы были Шишков и Крылов — и трудились, как и другие русские писатели светские и духовные. Писатель (сам он говорил, что он не писатель, а просто любитель) В.Соллогуб оставил воспоминания. О Белинском он даже не упоминает. Тот просто не существовал для русской литературы; он был тем, кем был — недо-

учившимся студентом. Хотя сам Белинский и Соллогубу пытался “выдать место”: поставил его на второе место после Гоголя.

А Белинский всё писал и писал. То призывал просвещать народные массы, то предлагал заводить свои идеалы, то указывал, по какому пути должен идти художник, чтобы получить всемирное признание, то *“разъяснял читателю значение великих русских писателей”*, он даже предлагал ввести строгое выполнение законов! (А то законы ввели, а их выполнение ввести-то и позабыли.) Но главная его работа — создание миража в головах читателей: он шил “новое платье короля” для Пушкина и Лермонтова. И воевал со славянофилами, как их называли легионеры. На самом деле братья Киреевские, Аксаковы, Ю.Самарин, А.Хомяков были просто русскими писателями.

Так что же скрывается под загадочной фразой о том, что Белинский стал “властителем дум” молодого поколения и всех передовых людей”? Выясняется, что “молодое поколение” — это студенты; *“которые “судорожно ожидали” статьи Белинского (как утверждает Герцен) и “проглатывали с лихорадочным сочувствием”*”. (Им бы начала успокоиться, избавиться от судорог и лихорадки, да потом бы и почитать на свежую голову и трезвый ум.) И не надо забывать, что в течение семи лет в России заведовал просвещением и духовными делами крупнейший масон А.Н.Голицын. Было предостаточно времени и возможностей, чтобы и подготовить кадры и внедрить их на ключевые места, главным из которых, конечно, является просвещение. А уж перебаламутить горячие студенческие головы для профессионалов не составляло труда. Молодые люди всегда были их самой лёгкой добычей. У молодых душа полна ожиданий, жаждет возвышенного, благородного самопожертвования ради светлых идеалов. Мечты, порывы, бурлящие силы, которые требуют выхода, тяга к добру, истине, свободе... И никакого опыта! Стоит их оторвать от Бога да внести в их сознание яд недоверия к опыту и мудрости предков — всё, бери их голыми руками. Они очарованно пойдут за любым пройдохой, стоит только ему страстно потрещать высокими словами. **“В чём молод похвалишься, в том стар покаешься”**³.

³ Человек верующий имеет Учителя и каждый свой жизненный шаг сверяет с Его учением. Это позволяет не допустить очень многих ошибок, за которые пришлось бы тяжело расплачиваться. У такого человека развивается чувствознание, которое

Слова его были мёртвыми... Но распознать мертвечину молодые не могли, если не было внутри крепкой веры. А если была хоть в малой степени врождённая склонность к фразе, позе, безделью и безответственности, то они тут же могли быть причислены к тем самым “передовым” и “прогрессивным”, которых и водят на поводке. Они же “общественное мнение”, они же “публика”. И тогда уже от их имени Белинский провозглашал *“Она [публика] видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности...”* [6, с.308].

А русские писатели и были теми самыми православными и самодержавными и являлись тем самым народом (Аксаковы, Даль, Игн. Брянчанинов, Крылов и многие другие).

Он призывал отбросить *“закоптелые очки морали”*, которая *“устарела”*. Сам и пример подавал: лгал, переворачивал слова и мысли русских писателей, мало того, обвинял в этом их самих. Он действительно имел странное представление о чести и совести.

Что же получается?

1) Белинский твёрдо проводил антирусский план, воевал против России и Православия.

2) Сам он был бесплоден и пуст, ничего так и не создал, но с апломбом *“выносил приговор”* тем, кто писать умел.

3) Написал много томов вокруг и около литературы – цветистых, многословных и бездарных. Пребывал в хроническом заблуждении, которым навязчиво делился со всеми, кто соглашался его читать.

4) Сегодня о нём бы давно уже никто не вспоминал, если бы не “линия”: его “мнения” утверждены в качестве законодательных. До сих пор история литературы, оценка произведений, биографии писателей, их роль в литературе подаются с позиции Белинского.

позволяет ему легко отличать слово живое от мёртвого. Слова же эти отличаются друг от друга тем же, чем отличается живой человек от мертвого – духом. Мертвый лежит нарумяненный, приукрашенный – ну совсем как живой, но – не живой. Точно так же и слово. Увидеть разницу иногда бывает трудно, но почувствовать очень легко, если есть опыт. Простой человек мог сказать пословицей о речах Белинского: *“И речисто, да не чисто”*, *“красиво говорит, а слушать нечего”*.

А он был, да и остался студентом-недоучкой.

Представим, явился в монастырь юнец, который учился в духовной семинарии, да был отчислен “за свободомыслие” и провалы на экзаменах. Придя, заявил старцам, что решил стать для них и всего монастыря “властителем умов”, поскольку имеет “врождённый инстинкт истины” – такое его “мнение”. Кроме духовного руководства готов взять на себя обязанность “обличать и клеймить”... Можно ли нарисовать более немыслимую картину?! Ни одному юнцу не придёт в голову даже приблизиться к мудрым честным людям с подобным предложением “услуг”. Но в редакциях он был принят, обласкан, возвышен...

Воспевая Пушкина и Лермонтова, Белинский пророчествовал: *“Придёт время, когда он [Пушкин] будет в России по-этом классическим. Придёт время, когда потомство воздвигнет ему вековый памятник”*. Его пророчество сбылось: памятник воздвигли, поэта назначили классиком, пытаются обожествить. Но сбылось тем самым другое пророчество, апостола Павла, сделанное без малого две тысячи лет назад:

“Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; И от истины отвратят слух и обратятся к басням...” (2 Тим. 4:3-4).

Но может, дутый авторитет Белинского – это какая-то ошибка, случайность? Рассмотрим пристальнее других “знаменитых” критиков, которые тоже именовались “властителями умов”.

Герцен А.И. (1812-1870) Незаконный сын богатого помещика И.А.Яковлева и немки Луизы Гааг. Фамилию Герцен придумал отец (от нем. Herz – сердце). Таким образом, ребёнок вступил в жизнь, не имея законного рода, родителей, фамилии, имени. Его отца Наполеон посылал в ставку Кутузова с поручениями. В детстве и юности Герцен напивал свою душу писаниями Рылеева, Пушкина, Руссо, Шиллера. Напивавшись таким образом, он в 14 лет, присутствуя на молебне в Кремле в честь воцарения Николая I, поклялся всю жизнь бороться против Самодержавия, Православия, России. Клятву он исполнил: усердно служил началам лжи и беззакония; главным оружием Герцена всегда были хитрость, лживое слово, провокация и

шпионаж. В “Колоколе” он публиковал секретные государственные документы.

Всё остальное — как и в биографии Белинского: университет, студенческий кружок, ссылка, публикации в журнале “Отечественные записки”, бурление в кругу таких же “передовых” и т.п. Писал, конечно же, обо всём: философские статьи, беллетристику, статьи на морально-этические темы, фельетоны, пародии, рецензии, заметки. Белинский писал о его публикациях: “Умно чертовски”, “прелесть” — и был прав, поскольку и в чертовском и в прелестях разбирался. Родился в год Обезьяны ⁴.

Всю жизнь изображал “передового борца за”, а также “борца против”. В 1846 году умер его отец, оставив порядочный капитал, который, понятно, не был заработан его мозолистыми помещичьими руками. Герцен в 1847 г. уехал за границу, вывез капитал ⁵. Сам он никогда не управлял имениями отца, был в стороне от хозяйственных забот.

Его ловкость и сообразительность, хитрость и расторопность, его желание бурлить, кривляться и казаться, при отсутствии истинно творческих способностей и трудолюбия, соединенные с лютой ненавистью к Святой Руси, конечно же, не могли остаться без внимания со стороны Запада. Он получил поддержку в своих провокаторских начинаниях. С 1855 г. он начал издавать альманах “Полярная звезда”, с 1857 г. — “Колокол”. Мог ли человек, живущий ненавистью к России, трудиться на её благо, желать ей блага? (Как в анекдоте: прошел слух, что клоп решил стать донором...) Своё бегство за границу Герцен объяснил “красиво”: “Я здесь (в Ницце — авт.) полезнее, я здесь безцензурная речь ваша, ваш свободный орган...” [8, т.VI, с.16-17]. Орган, свободный от организма, — штука любопытная... ещё любопытнее с точки зрения энерге-

⁴ Год Обезьяны: взбаломошный характер, хитрость, лукавство, корысть. Презирает всех в глубине души, хотя внешне — игривость, любезность. Умеет вывернуться из трудных ситуаций. Независим, может быть недобросовестным, солгать, если увидит в этом свою корысть. Если уверен в безнаказанности, может совершить нечестный поступок. Но на него редко сердятся. Обладает ловкостью для предприятий большого размаха, в которых проявляет сообразительность и осведомлённость. Прекрасная память, изобретательность, он в курсе всего, что где происходит.

⁵ По некоторым данным, Николай I, после эмиграции Герцена, приказал конфисковать имущество и капиталы. Герцен обратился за помощью к Ротшильду. В результате царь отдал капиталы.

тики: *“Ядвигаю своё “я” во всё окружающее, борюсь с ним, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь мир, переплавляю его, как в горниле, сознаю связь с человечеством...”* [8, т.I, с.258]. Хотелось изобразить тонкость и трепетность, а получился вампир. Такие промашки у Герцена на каждом шагу: хочется изобразить высокое – получается низость, хочется поразить иронией – получается тупая злоба. Причина одна: Герцен не мог создавать, он умел только подражать и изображать. Но низость не может правдиво подражать высокому, как обезьяна не сумеет изобразить профессора.

Вот образцы: *“Прострадать феноменологию духа, исходить горячею кровью сердца, горькими слезами очей, худеть от скептицизма, жалеть, любить многое, много любить и все отдать истине...”* [8, т.III, с.68], *“Больно свято звонишь, чуть на небе не слышно”*. Вот ещё звон: *“...раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями и наслаждениями современности... развить эгоистическое сердце во всех скорбящее, обобщить его разумом и оживить им разум”* [8, т.II, с.63-64]. На подобное пустозвонство ответил С.Шевырёв: *“Г.Искандер (псевдоним Герцена – авт.) развил свой слог до чистого голословного искандеризма, как выражения его собственной личности”* [9]. В том же номере “Москвитянина” помещён был “Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы”, открывался он словом “искандеризмов”.

В своей провокаторской работе Герцен был более конкретен. *“Мы кладём у порога России первую книжку “Полярной звезды” и ждём с доверием и самоотвержением, усыновите ли вы её...”* [10]. Помнится в давние времена был подобный случай: троянцы “усыновили” подарок – деревянного коня с головорезами внутри. Так что русские не приняли подарка: *“Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение”* [11]. А у легионеров он конечно же нашёл поддержку: статья так и называлась “К нашим”. В №2 “Полярной звезды” уже был напечатан ответ “своего”, если даже не свой собственный ответ. (У “ихних” это принято. Как, например, “Капитал” Маркса не вызвал ни у кого интереса, что очень огорчило революционных “отцов”, и они

сами писали под чужими фамилиями отзывы на “Капитал”, создавая тем самым некоторое бурление и видимость “общественного мнения”). На эту мысль наводит поразительное сходство стиля Герцена и стиля ответившего ему анонима из России. Начинается письмо, естественно, кощунственным сравнением журнала с Вифлеемской звездой. В письме разлита невыразимая сладость — тоже как у Герцена. А по патоке рассыпаны риторические перлы, опять же характерные для манеры Герцена. Но главное — письмо анонима рисует не реальную картину, а хрустальную мечту того же Герцена: вся Россия с нетерпением ждёт мудрого слова эмигранта и недоучки, готова отвернуться от всего святого и начать молиться на него. *“Если бы вы видели, с каким энтузиазмом читают её, переписывают статьи, пересказывают их содержание, повторяют выражения ваши, это доставило бы вам не одну сладкую минуту в печальном изгнании... Все благородные сердца молодого поколения, жадно чувствующие потребность свободного слова, вам сочувствуют... Свято оберегаются у нас ваши рукописи”* [12]. Новая святыня появилась в России — писанина Герцена... Герцен — Н.Р.Цебрикову, декабристу: *“вы... — наши святые отцы”* ⁶.

“Под влиянием “Полярной звезды” много тяжёлых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове” (Добролюбов) [13]. Да, только идеологи да профессиональные революционеры и могли всерьёз читать его излияния. У любого нормального человека они могли вызвать только отвращение своей немислимой фальшью и нахальными провокациями. Вот таким образом, например, Герцен признаётся в любви к России: *“С детских лет я бесконечно любил наши села и деревни, я готов был целые часы, лёжа где-нибудь под березой или липой, смотреть... слушать песни...”* Что и говорить, необременительная любовь: лёжа под березой. Трудиться для России он даже и не пробовал, поскольку ещё в отрочестве избрал путь разрушения ⁷.

⁶ Так что не просто свое писали legionеры; нет, они именно стремились ПОДМЕНИТЬ своим словом Слово Учителя.

⁷ Интересная профессия — профессиональный революционер. Любой профессионал должен находиться на том месте, где он трудится: лётчик за штурвалом, швея за машинкой, врач возле больного, садовод в саду, учитель в школе... И только революционер, сидя в Ницце или в Лондоне, убеждает всех, что трудится для России.

Любой труд имеет продукт и результат. Продукт — урожай, результат — накормленные люди, сыгранная симфония — и просветлённые слушатели. Продуктом уси-

Герцен эмигрировал уже в качестве предателя своего отечества. На Западе продолжал начатое дело. “В Европе создание Вольной русской типографии вызвало большой интерес, **НО РОССИЯ МОЛЧАЛА**. Молчали и московские друзья, на содействие которых в налаживании связи с родиной рассчитывал Герцен”. Либералов останавливало “глубокое неприятие его агитационной деятельности, носившей революционный характер” [14]. Герцен кипел: “*Их трусость заставляет меня краснеть перед поляками здесь...*” Поляки помогали ему основать типографию в Лондоне, были связными между предателями в России и Лондоном, распространяли подрывные писания. А друзья Герцена отказались стать предателями. И за этот отказ он их стыдил ⁸!

Объяснить столь перевёрнутую мораль Герцена может, пожалуй, только принадлежность его к международному масонству: он жил и действовал в полном подчинении их программе. А там сказано следующее: “...не надо останавливаться ни перед чем для того, чтобы вести человека к счастью, на ко-

лий Герцена и К° было создание и распространение ядовитой лжи, подстрекательских писаний, провокационных заявлений и призывов. Результатом – дезориентация большого числа читателей, кровопролитие, братоубийство. Он сознательно и злобно лгал – ему верили, шли на смерть – к его ликованию.

⁸ Нравственный закон, данный человеку Богом, столь прекрасен, несёт в себе такую силу и привлекательность, что тянется к нему каждое человеческое сердце. Враг знает это, и чтобы соблазнить человека к падению и гибели, поначалу привлекает его своим законом, который похож на Божий, как труп на человека. В любом преступном сообществе его члены имеют кроме псевдоимен-кличек ещё и псевдозакон. Каждая статья такого закона (неважно, написан он или нет) внешне бывает очень похожа на настоящий, но за одним исключением, которое и выворачивает весь смысл наизнанку. Например, вроде бы хорош масонский закон “один за всех и все за одного”, но в нём не сказано, ради какой цели: ради подвига или ради преступления все сбегаются помогать одному?

Преступные сообщества пытаются навязать всему человечеству свою перевёрнутую мораль. Ею они хотят укрепить и поддержать свои беззакония. Больше всего они боятся света Истины, потому всякий, говорящий правду про их тёмные делишки, объявляется врагом и подлежит моральному осуждению. Например, украсть – это доблесть, заявить о преступнике – позор. Предать своё отечество – героизм, отказаться сотрудничать с предателем – стыдно. Разоблачать предателя в печати – донос. В доносах legionеры всегда обвиняли русских писателей, которые открыто печатали правду об их подлости и беззаконии.

Но главным преступлением legionеры, как и другие преступники, всегда считали “сотрудничество с властями”. С теми самыми, которые охраняли и защищали людей от преступников. Высший бандитский шик – склонить жертву стать сообщницей бандита!

торое он имеет право, и если кто-либо становится поперёк дороги к прогрессу, то он должен быть уничтожен”⁹.

“Присоедините ваши усилия к усилиям ваших братьев, и вы ускорите наступление всеобщего блаженства. Ваше новое назначение (посвящение в новисиат – авт.) налагает на вас страшную обязанность формировать людей и вознаграждать признанные вами добродетели. Вы выучитесь, чем можно связать руки и ноги узурпаторов прав человека, управлять и властвовать человечеством не страхом, а уважением к вашим добродетелям” [15].

Что касается добродетелей самого Герцена, то их – по цепочке – умело создавали легионеры. Делается это просто, тем же образом, как и в случае с Пушкиным, Белинским и т.п. “гениями”. В печати постоянно появляются ссылки типа: Герцен сказал, Герцен подумал, Герцен заклеил и т.д. Когда эти пустые фразы повторяются много раз, в разных печатных изданиях и разными авторами (а кто знает, что из одного центра?), неискушённым читателям начинает казаться, что, и правда, это очень важно, ЧТО сказал Герцен; более того, весь мир замер, не дыша, ждёт мудрого слова великого Герцена.

Потом к этой мысли привыкают, и в следующем поколении уже как бы само собой разумеется, что Герцен – “великий” критик, борец и т.д. Никто не требует доказательств его великости, да их и нет в природе...

Теперь о формировании людей. Из людей они пытались сделать нелюдь, а из тех, кто оставался человеком, – еду для паразитов, источник энергетического питания. Для этого толкали на преступления, но главное – на убийства. Столкнуть, натравить друг на друга русских, чтобы они сами поубивали себя и своих братьев – в этом и состояла главная “работа” Гер-

⁹ Необходимо напомнить: всё человечество делится на два совершенно непримиримых класса: тружеников и едоков, то есть паразитов. Паразит не может стать человеком точно так же, как клоп не может стать донором. По причине своего безделья паразиты имеют время и охоту заниматься “героическим социальным протестом”, поскольку: а) больше ничего не умеют, б) от успешности “протеста” зависит их питание, а кушать-то хочется! Таким образом, картина “прогресса” и “всеобщего счастья”, с точки зрения клопа, такова: рядками лежат связанные люди, а клопы их едят. Пока у людей свободны руки, чтобы прихлопнуть паразита, для клопов продолжается “героическая борьба” за пропитание, “за права и свободы народа” клопиного кушать, сколько влезет, и чтоб жертвы не сопротивлялись.

цена. Преступивший Заповеди становится несвободным, сознание у него переворачивается, одним преступлением он пытается прикрыть другое и увязает всё глубже – к злорадству герценов. Но человека может спасти вера, обращение к Богу, поэтому столь яростно бросался Герцен на Православие.

Первый этап закабаления – расковать в человеке звериное начало, выпустить его на волю: такого легко подчинить себе и управлять им. *“Человек не должен иметь над собой никакой власти, кроме своих желаний, и он имеет право повиноваться лишь своим инстинктам”*, – твердят масоны [15]. Вся культура – это предрассудки, а ты выше их, вытворяй, что хочешь. Православие учит: **“Не думайте, что можно позволять вольность мыслям, чувствам, словам и движениям. Надо держать все на привязи и УПРАВЛЯТЬ СОБОЮ. Самоуправление есть достоинство человека”** (Феофан Затворник).

Страсти ведут человека в рабство. Смирение – погубление страстей. **“В ком обузданы страсти, не может действовать и прелесть: потому что прелесть есть страстное или пристрастное уклонение души ко лжи на основании гордости”** (Св. Игнатий Брянчанинов).

Человека безстрастного уже никто не обманет и не поработит.

Герцен сбивал с толку незрелых юнцов своим апломбом, страстью, лживыми призывами к свободе, ложной “мудростью”. Он писал: *“Может быть высокий эгоизм... эгоизм развитого, мыслящего человека благороден... Вырвать у человека из груди его эгоизм – значит вырвать живое начало его...”* [8, т. II, с. 97]. Ну да, как у клопа вырвать хоботок – самое что ни на есть живое начало! Куда же кровосос без хоботка! Вспомним заодно воспеваемых Герценом эгоистов типа Евгения Онегина. Эгоисты литературные и жизненные принимали позы не дома в пустой комнате, нет, им требовались зрители, да побольше, чтобы было к ним проявлено со всех сторон внимание. А внимание – это энергетическое подсоединение – и кушай, поправляйся.

Итак, раздуть зародыш эгоизма, выпустить на волю все тёмные, злобные страсти, подстрекнуть к незаконным речам и действиям, научить самооправданию: я ни в чём не виноват,

я жертва самодержавия, во всём, что я вытворяю, виновато правительство, – вот программа Герцена. Её не приняли русские, но в каждом народе есть элементы незрелые, неустойчивые в добре, и ещё есть негодяи, отходы. На них и была рассчитана агитация Герцена. Он писал: *“Современная мораль не имеет никакого влияния на наши действия; это милый обман, нравственная благопристойность, одежда – не более”*. *“Мы посмотрим, кто сильнее – власть или мысль. Мы посмотрим, кому удастся – книге ли пробраться в Россию или правительству не пропустить её. Да здравствует свобода книгопечатания!”* [8, т.VI, с.149].

Мало того, что Герцен обращался по точному адресу: к публике, духовно близкой ему самому, он ещё подстрекал на беззакония, хвалил за беззакония, выдавал на них разрешение и нравственное оправдание. При этом он хорошо знал и чувствовал своих адресатов и умел с ними говорить: знал, что ни о какой логике и ни о каком разуме там и речи быть не может, поэтому дёргал за эмоции, волновал страсти и увлекал выгодой. И тонко подсказывал, как эту подлость прикрыть высокими словами. Некрасов: *“Герцен умел провести черту по сердцу читающих”*. Обручев, революционер: *“Это чёрт знает что такое. Каждое слово вас бросает то в смех, то в слезы”*. Е.А.Штакеншнейдер: *“Искандер теперь властитель наших дум...”*

Как он достигал цели? Оттачивал логику? Искал доказательства каких-то положений своих статей? Ничего подобного. Он лил грязь ушатами на Россию, оскорблял, обвинял, подтасовывал и передёргивал: считал, что все средства хороши. Это был настоящий террор. Он захватывал в заложники сознание людей, толкал их к гибели. Они разрушали свою Родину и погибали сами, а он ликовал, наслаждаясь своей недосыгаемостью для русского правительства, своей безнаказанностью.

В листовках и прокламациях Герцен подстрекал: *“Ну, братцы, к топорам теперь... постойте за святую волю, довольно натешились над нами господа. Ну-тка, детушки, солом, солом к господскому дому, пусть баричи погреются в последний раз!”* [8, т.XII, с.85]. Рядился под народность, употреблял просторечия, пословицы, поговорки – свой “братец Герцен”... Применял церковную лексику, высокий штиль, но, конечно же, не в их высоком значении, а только по-обезьяньи,

чтобы покривляться, вызвать низкопробный смех. Заходилась в ненависти к России.

Роль Герцена в войне против России станет понятнее, если вспомнить, что это было за время. Крымская война 1853–56 гг., в которой против России воевала чуть ли не вся Европа, – та самая, по которой перед этим прокатились волны революций. А до России эта мутная, ядовитая волна только что дошла. Страну наводнила масса листовок, прокламаций, газет, журналов: организовано было разжижение мозгов у населения. Листки выпускались за границей, с их помощью создавался в России, за спиной воюющей на фронте армии, легион предателей и провокаторов.

Смерть Николая I в 1855 году вызвала у изменников ликование: Герцен, получив в Англии известие о смерти самодержавного царя российского, напоил пивом лондонскую шпану и кричал вместе с ней “ура!”

Невозможно сказать, сколько тысяч жизней погубил Герцен своими листовками, разнося лживое слово. Почти все студенты, которых привлекли к ответственности за противоправительственные действия, хранили или распространяли лондонские издания Герцена – Огарева. Их призывали “идти в народ”, “на великое дело”, называли “изгнанниками науки” – и это нравилось недоучкам.

Бунтовали толпы, убивали, грабили, жгли. Власть пыталась остановить разбой. Герцен ликовал: *“Третья кровь!”*, *“Да, русская кровь льётся рекой!”*, *“кровь дымится”*... и упражнялся в риторике: *“Несчастливая Русь! Сколько страдальческой крови пролито на пажитях твоих! Твои нивы – поля битвы...”*

Чем он достигал эффекта? Он смачно описывал действительные беды и неурядицы – и сердца людей открывались этой правде. Но тут же он давал лживое объяснение причин (виновато правительство, Православие, помещики и вообще все остальные, кроме тебя, читатель!) и указывал ложный “выход”: надо убить своих братьев и разорить свою родину, тогда, якобы, наступит свобода и равенство. Ему верили: он ведь сначала сказал правду!

Его коварные и вероломные приемы насквозь видел П.Вяземский. Да, тот самый, друг Пушкина и всех масонов, тот са-

мый, который печатал свои политические сатиры в “Полярной звезде” Рылеева и Бестужева. Герцен потом назвал свой журнал тоже “Полярной звездой” – в их честь. Вяземский в молодости активно помогал высвобождению того самого зверя, с которым ему теперь пришлось столкнуться. “В отпёрты двери лезут звери”. Теперь он стал товарищем министра народного просвещения и цензурой ведал именно он. Вяземский старался закрыть дверь, которую открывал раньше. Но зверь лез... Вопли Герцена о наблевшем — “долой дикую цензуру!”, “освобождение слова от цензуры!” — сменялись сладким пением: “...о, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской... как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей...”¹⁰.

Вяземский, лучше других понимавший опасность открытых дверей, подал “Записку о цензуре”, текст которой был опубликован впервые только в 1969 г.

Вот некоторые положения: *“Мысль, когда она облекается в слово, а слово — в печать, становится действием. ...Каждое выражение вредного мнения, опасного направления, когда оно облечено силой печати, есть уже покушение всеобщее, не ограниченное ни пространством, ни временем. Непонятливая и ненадежная цензура может поколебать безопасность целого государства. Вред, от нее происходящий, действует не только на настоящее поколение, но заражает и будущее.*

*...Цензурный устав... мёртвая буква. Дух его в применении, то есть в людях. Мысль неуловима и слова могут быть двусмысленны... В самом строгом уставе найдутся лазейки, чрез которые могут прокрасться мнения противозаконные и пагубное учение. Следовательно, главное дело не в цензурном уставе, а в выборе цензоров”*¹¹.

“...До сих пор ограничивались запретительными средствами. Обращали внимание на отдельные слова, но дух литера-

¹⁰ Точно по сказке “Волк и семеро козлят”: “Козлятушки, ребятушки, отопритесь, отворитесь, ваша мама пришла, молочка принесла”, — столь же сладко пел Волк. А не перечитать ли нам, взрослым и умным, все народные сказки?..

¹¹ В хороших цензорах Вяземский разбирался. Вспомним его столкновение с цензором С.Т.Аксаковым: “Если не заставят Аксакова образумиться, то положу перо: делать нечего”. Это было в 1827 г., а цензором Аксакова назначил А.С.Шишков. — Авт.

туры ускользал. Литература наша и петербургские журналы исполнены обиняков. Власти высшие лица не занимаются ею. Большая часть писателей ...этим пользуется и обращается к низшим слоям общества ...действует на молодежь и на СРЕДНИЙ КЛАСС, то есть на небогатых офицеров, канцелярских чиновников, мелких провинциальных помещиков, а что всего прискорбнее, особенно переводом безнравственных французских романов, и на лакейские. Молодежь везде легковерна и уносчива. Средний класс везде враждебен установленному порядку, потому что он перешёл с низшей ступени, но не взошёл на высшую. При оценке положения своего редкий благодарит Бога за то, что ему ХОРОШО в сравнении с другими, кому ХУЖЕ, но почти каждый негодует на то, что ему жить ХУДО сравнительно с другими, которым ЛУЧШЕ. На это НЕРАВЕНСТВО СОСТОЯНИЙ всеми возможными раздражительными мерами действует большая часть литературы нашей посредством романов и повестей" [16].

Вяземский ужесточил цензурные требования, чем привёл в бешенство Герцена. Тот обрушил на него ушат оскорблений и отправил Вяземскому его старое стихотворение богохульного содержания с прибавлениями о нём же.

Так перед Вяземским возникло вдруг его собственное порождение — исполнился Закон. Закон мироздания исполняется всегда и обязательно, от него нельзя скрыться, его невозможно удержать, и каждый человек непременно встретится со своим собственным порождением: "что посеешь, то и пожнёшь", "вашиими ножами да вас же и режут".

Крепкий цензурный забор был совершенно необходим, чтобы уберечь шаткие незрелые сознания от вражеских совращений. А в лагере предателей вовсю шла подготовка. Огарев распространял прокламацию "Что нужно народу?" (Свой мужик Огарев...) Она была принята преступной организацией таких же ряженных "Земля и воля" в качестве программы. В листке Огарев обращался к крестьянам с полезными советами о том, как правильно ...нет, не пахать, не сеять, в этом он сам ничего не смыслил, а как создавать революционную организацию, чтобы потом терзать свое Отечество и самих себя. Спецы выпустили листовки "Что надо делать войску", "К молодому поколению". Чичерин называл призывы Герцена и К° безумны-

ми воззваниями к дикой силе. Часто на безумные воззвания следовал безумный ответ. Герцен обращался к “изгнанникам науки”, то есть двоечникам (только у них было время и была охота бунтовать, вместо того, чтобы учиться). Откликнулись студенты Заичневский и Аргиропуло П.Э. Они организовали революционный кружок, писали прокламации (К.Маркс одобрил). Заичневского ссылали, возвращали, перемещали, но он, бедолага, ничем другим не мог заниматься, только революционной “работой”. *“Для него ничего, кроме революции, не существовало; даже в бреду, на смертном одре, он кому-то всё доказывал...”* (про человечество, которое шагнёт в социализм.) Наряду с безумным ответом был и лукавый, ради выгоды. (Списочный состав “революционных организаций” демонстрирует подозрительную однородность фамилий и отчеств участников.)

В очередной раз враг учил Россию не верить краснобаям, отличать слово лживое от Слова спасающего. И русские очнулись, увидев плоды своей слепой доверчивости. Герцен в ужасе: *“повальный патриотизм”, “эпидемия национализма в России”*... Опять обидели!

Да, эти русские отвернулись от него, Герцена, который умел так кудряво, цветисто, смачно, резко выражаться. Вот как, например, он описывал исполнение “Марсельезы” Рашелью: *“...мучительная скорбь этих звуков доходила до отчаяния... вдруг вопль, крик, полный ярости, опьянения...”*, *“Пусть нечистая кровь оросит борозды наших пашен”*... (“Наших” – это, видимо, тех, на которых пахала Рашель. – Авт.), *“Она бросается на колени, кровавый призыв делается молитвой... она плачет, она прижимает к груди знамя...”* Понятно, что за таким художником слова должна пойти Россия. Но она не идёт... *“Дёшево волк в пастухи нанимается, да мир подумывает”*. В это трудное время падает спрос на издания “Колокола”: был тираж 3000, а к концу 1863 г. стал 500. Герцен: *“Если наш вызов не найдёт сочувствия, мы останемся одни с нашим протестом, но не оставим его”*. И добавляет для истории: все в *“опьянении узким патриотизмом”*, но есть *“люди”*, которые отреклись от *“гниющей империи”* во имя будущей России. *“Будущую Россию”* Герцен видит так: она *“тесно связанная с народом, образованием, наукой”*. *“Она должна спасти народ русский от императорского самовластия и от НЕГО САМОГО”*. Эта “но-

вая Россия” – “свободна от обязательств и исторических пут”, от родовых воспоминаний и родового имущества, от привязанности к тому, что есть. (Какое точное описание легионерской рати – “новых русских”!)

Ю.Самарин – Герцену: *“Ваша пропаганда подействовала на целое поколение, как гибельная, ПРОТИВУЕСТЕСТВЕННАЯ ПРИВЫЧКА, привитая к молодому организму, ещё не успевшему сложиться и окрепнуть. Вы иссушили в нём мозг, ослабили нервную систему и сделали его неспособным к сосредоточению, выдержке и энергической деятельности... Причина всему этому злу – ОТСУТСТВИЕ ПОЧВЫ, заставляющее вас продолжать без веры какую-то РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЧЕСОТКУ...”*

Убедившись, что на сей раз всё-таки номер не прошёл, лукавая рать, так называемые “молодые разночинцы” хлынули из России и Польши в Женеву. Герцен перенес типографию в Женеву. Но никому он не был нужен, кроме таких же ¹².

Почему мы столько внимания уделили Герцену, человеку, который принёс России столько зла? Да потому, что остались его политические наследники, продолжающие его дело – дело разрушения России.

Всё здание сегодняшнего легионерского литературоведения стоит на оценках и суждениях Белинского, Герцена и К°. Детей в школах, студентов в вузах учат смотреть на литературу с позиций Белинского и Герцена. Упоминают или нет их самих, но именно их МНЕНИЕ навязывают нам до сих пор в качестве ГОСПОДСТВУЮЩЕГО.

У человека должна быть свобода выбора. Наши взгляды были основаны на незнании. Любой из нас вправе любить

¹² Александр II проводил реформы, в России оживление, строительство. Того и глядишь, герои-революционеры будут забыты или осмеяны за свои высокие лозунги и низкие дела. “Земля и воля” (1861-64 гг.), сеть революционных кружков, – детище Герцена и Чернышевского, распалась. Отпочковались ишутинцы – тайное преступное общество. Оно имело узкий центр “Ад”, тайное общество “Организация” и легальные “Общества взаимного вспомоществования”. Главная цель была – цель “Ада”: убить царя. Каракозов стрелял в царя. Суд над организацией. Каракозов казнён, Ишутин приговорён к каторге. Сошёл с ума, умер на Каре.

Ф.И.Буслаев, рассматривая славянские эпические произведения, отметил, что война, битва в них уподобляется шествию адскому. С точки зрения энергетики это надо, видимо, понимать не в переносном, а в прямом смысле: паразитические сущности во время кровопролитий имеют возможность пировать, незаконно поглощая чужую энергию.

писания Пушкина, “обожать” его самого, или не читать его вовсе, но при этом выбор должен быть свободным, то есть основанным на знании истины.

До сих пор нам преподносили деятельность разрушителей с позиции самих разрушителей. Понятно, что они не скупились на похвалы и прославления в оценках, а также на подтасовку и переворачивание фактов. Но иначе и быть не могло! Они действительно ТАК все воспринимают.

Представим себе многотомную трагедию “Генеральная уборка”, написанную уцелевшим клопом-эмигрантом. Сколько там будет стенаний и слез по безвременно ушедшим соплеменникам, сколько найдётся величаний и стенаний в адрес тех, кто геройски погиб под вражеской метлой! А сколько проклятий в адрес хозяина дома, сколько едкой критики и пламенного возмущения. И кто заподозрит автора в неискренности?! Но стоит развести в доме грязь, перестать следить за чистотой, как глядишь – опять по всем углам лозунги типа: *“Наш дом – Диван”*...

А должен ли хозяин дома оглядываться на мнение “жильцов” и считаться с их “литераторами” и “властителями умов”?.. Даже если они его любят? (Герцен: *“Я страшно люблю Россию и русских...”* (1848).

Кроме Белинского и Герцена была ещё и К°. Немного о ней.

Огарёв Н.П. (1813 – 1877). Родился в богатой семье. С 12-ти лет сдружился с Герценом. Был студентом, тайный кружок, арест, ссылка на Кавказ, знакомство с Лермонтовым. С 27 лет – за границей. Присоединился к Герцену, вместе с ним выпускал антирусские провокаторские издания, создавал революционные организации “Земля и воля”, активно поддерживал польское восстание. С 1865 г. в Женеве. В 69-70 гг. участвовал в прокламационной кампании Бакунина и Нечаева ¹³.

¹³ Бакунин – террорист, идеолог бандитизма. *“Отправляя Нечаева в Россию, Бакунин благословляет его на террор... “Нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли”. “Разбой – одна из почетнейших форм русской народной жизни...” “Данное поколение... должно разрушить всё существующее сплеча, без разбора, единым соображением “скорее и больше”... яд, нож, петля и т.д. Революция всё равно освящает в этой борьбе... Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть! Нам всё равно!” Бакунин призывает поддержать “инициативу Каракозова” – “инициативу цареубийства”.*

Таковы были симпатии и пристрастия Огарёва. А трудовое поприще его выглядело так. Огарёв, проповедуя освободительные идеи, в отличие от других “борцов за”, попытался превратить свои идеи в жизнь. Он освободил часть своих крепостных крестьян, при этом бедные, за которых заплатили выкуп богатые, быстро попали к ним в кабалу. Крестьянам остальных своих имений (около 2000 душ) барин свободы не дал. Попытался сам управлять, собирался строить школы, фабрики, но все благие начинания или замирали в зародыше, или заканчивались неудачами: его не поддерживали ни друзья, ни соседи, ни сами крестьяне. Принудить русский народ жить по своим выдумкам не получилось, и тогда Огарёв решил стать теоретиком: “брехать — не топором махать...” Он стал распространять свои красивые идеи через печать (вместе с Герценом), те самые идеи, которые — он-то знал! — оказались на деле нежизнеспособными. Но зато как завлекательно все выглядело на бумаге, да ещё записанное столбиком! К освободительным идеям, записанным в столбик, демократическая литературная традиция рекомендовала добавлять “кровь сердца”, писательскую слезу, пролитую по поводу размышлений о страданиях народа, и список виновников. А виноват во всём был, разумеется, Царь. И ещё — Православие. Это они мешали Огарёву и К° сеять западное просвещение ¹⁴.

Нечаев — организатор тайного общества “Народная расправа” (судили потом 77 человек). “Применял методы мистификации и провокации”. В 1869 г. организовал убийство студента И.И.Иванова, сам тоже в убийстве участвовал. Бежал за границу, но был властями выдан России. Приговорён к каторге. Сочинил “Катехизис революционера” — проповедь сатанизма.

Ф.М.Достоевский: *“Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки “передовых”, которые действуют с определённой целью, и та направляет весь этот сор, куда ей угодно...”* [17]. Роман “Бесы” был написан под впечатлением нечаевского процесса.

¹⁴ О просвещении.

Киреевский утверждал: истинное познание дается только тому, кто подходит к объекту познания с любовью, со спокойной, гармоничной, не волнуемой страстями душой и отдаётся постижению истины всем существом, при созвучии ума и сердца. Более того, залогом истинного познания он считал *“чистую цельную жизнь, которая ручается за цельность разума”*. А нравственно нечистый, раздёрганный, дисгармоничный человек, у которого ум нацелен на одно, а сердце — на другое, правильно познать мир не в состоянии... Эти условия истинного познания были давно известны

Найдя виновных, Огарёв принялся их клеймить и обличать.

*“Я помню, как квартальный надзиратель,
Порядка русского блюститель и создатель,
Допрашивал о чем-то бедняка,
И кровь лилась под силой кулака.
Я годы, годы не забыл, как этот вид противен был...”*

*И после мы – друзей в беседе пылкой
О родине скорбели за бутылкой!..”*

Получилось и трогательно, и грамотно...

А вот “Деревня” – о том, как Огарёв просвещал и перевоспитывал Россию:

*он “думал, взяв терпенье,
Что разум как подземный крот,
Невидим вроеется в народ
И чтоб продвинуть просвещение,
Хотя б чрез барский произвол,
Он школу тотчас же завел...
Чтоб труд начатый продолжать,
Я должен был людей стращать!”*

“Просвещение” никак не прививалось. Осталось герою... бежать за границу:

*“Уйду, чтоб в каждое мгновенье
В стране чужой я мог казнить
Мою страну, где больно жить...
Вдали от всех тупых рабов,
От всех властителей-глупцов...
Я стану в чуждой стороне
порядок, ненавистный мне,
Клеймить изустно и печатно,
И, может, дальний голос мой,
прокравшись к стороне родной
Гонимый вольности шпионом,
накличет бунт под русским небосклоном” [18].*

Таким вот образом личная бездарность, неистребимая страсть к позе и фразе, ненависть к Православию определили жизненный путь ещё одного “борца за...”. И столь же далеко от России. “Труженик”, который с революционной скоростью покидает поле своей деятельности, вообще-то называется террористом. Заложил мину – и за границу...

мыслителям Византии и Древней Руси. Атеизм же в принципе исключает любовь как неперемное условие познания истины, потому и выводы атеистических систем будут ложны.

Л.Н.Толстой: *“Я знал самого Огарёва и Герцена, и людей того склада... Во всех этих людях было поразительное отсутствие последовательности в делах жизни. ...Полнейшая распущенность личной похоти, которая, казалось им, не может мешать ... произведению ими добрых и даже великих дел. ...Добрая жизнь не выходит у них, и они предаются пессимизму и говорят: “таково трагическое положение человека”. ...Огарёв [в письмах Герцену] высказывает свои задушевные мысли, выставляет свои высшие стремления... Он говорит о самосовершенствовании, о святой дружбе, любви, о служении науке, человечеству и так далее. И тут же спокойным тоном пишет, что часто раздражает приятеля, с которым живёт, тем, что, как он пишет: “возвращаюсь [домой] в нетрезвом виде или пропадая долгие часы с погибшим, но милым созданием”. ...В следующем письме он пишет, что жена его родила... Ему в голову не приходило, что пока он не начал бороться и хоть сколько-нибудь не поборол своего поползновения к пьянству и блуду, ему о дружбе, любви, а главное – о служении чему бы то ни было и думать нельзя” [19]. Такое “служение” очень быстро становится сатанинским.*

Чернышевский Н.Г. (1828 – 1889). Родился в семье священника. Окончил историко-филологическое отделение Петербургского университета. Убеждённый революционер, безбожник. В 24 года стал постоянным сотрудником журнала “Современник”, “развивал традиции Белинского”. “Его статьи по широкому кругу вопросов философии, экономики, культуры определяли лицо журнала”. Брался судить обо всём, поскольку в отличие от других выдающихся критиков, был студентом доучившимся. И даже более того, сочинил магистерскую диссертацию – сборник совершенно фантастических заблуждений. В среде недоучившихся невежд он был невеждой-магистром, потому его апломб вырос до размеров, превосходящих всякое воображение. *“Чепуха в голове у людей, потому они и бедны, и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чём истина, и как следует им думать и жить” [20].* Чувствуя распирающую его мудрость, Чернышевский взял на себя задачу – научить человечество. И даже составил рабочий план: *“Окончательно обдумал планы трудов, о которых давно мечтал: много-томная “История материальной и умственной жизни челове-*

чества", "Критический словарь идей и фактов", где "будут перебраны и разобраны все мысли обо всех важных вещах и при каждом случае будет указываться истинная точка зрения". На основе двух этих работ он собирался составить "Энциклопедию знания и жизни" – "это будет уже экстракт небольшого объема, два-три тома, написанный так, чтобы был понятен не одним учёным, как предыдущих 2 тома, а всей публике. Потом я ту же книгу переработаю в самом лёгком, популярном духе, в виде почти романа с анекдотами, сценами, остротами так, чтобы её читали все, кто не читает ничего, кроме романов"[20]. (Бог миловал, пронесло...)

На самом деле подобные труды уже были составлены не раз, имели они только одно употребление: их изучали психиатры – по долгу службы. Истину таким путем не передают: океан Божественной мудрости нельзя поместить в литровую банку. Каждый из нас берёт столько знаний, сколько может вместить, потому и требуется от нас только пламенное желание знать истину и работа над расширением своего сознания, чтобы суметь побольше вместить. Но речь идёт о мудрости Божией, но никак не о мудрости Чернышевского, магистра, которая бурлила в той самой банке, и которую он считал океаном.

"Я учёный. Я один из тех учёных, которых называют мыслителями". Его последователь подтверждает: "Круг его научных интересов почти безграничен: история России и всеобщая история, политическая экономия, эстетика, философия, теория социализма, история русской литературы, литература народов Европы и всего мира, литературная критика". "Маркс назвал его великим русским учёным и критиком". "Его страстно увлекали естественные науки; немало дней и ночей просидел он над изобретением вечного двигателя". (Наверное, изобрёл... Почти.)

Чернышевский – жене, Ольге Сократовне (5.10.1862г.): "Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена всё ещё будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя... перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь" [21].

Современниками Чернышевского, которым он предрекал забвение, были: святитель Игнатий Брянчанинов, В.И.Даль,

Ф.И.Буслаев, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, Аксаковы и многие другие. После переворота 1917 года их имена были вычеркнуты, после этого выросло много безпамятных и не знающих поколений, но дела их остались – и с этим ничего нельзя поделаться ¹⁵. И сегодня к ним потянулась вся оболганная и обманутая, измученная Россия: началось ВОСКРЕСЕНИЕ.

Чернышевский – жене (3.04.1872): *“Благодарю Сашу за желание ехать с тобой, когда ты поедешь. (К нему в Вилуйск. - Авт.) Тем, что он бросил бы университет для этого, нечего смущаться: хоть я и порядочно много отстал от учёного движения, но смею полагать, что всё ещё остаюсь человеком обширной и глубокой учёности и что в беседах со мною Саша нашёл бы достаточно замену университетских лекций. Поживши со мною 2-3 года, он мог бы вернуться хорошим соискателем на профессорскую кафедру в Петербургском ли, в каком ли угодно другом университете”* [22].

Годы шли, самомнение разрасталось. *“Что касается основных законов и важнейших фактов естествознания”*, то, как мнил Чернышевский, он знал это самое естествознание лучше ВСЕХ учёных, специалистов – теоретиков и практиков (1877 г.).

Как же он довёл себя до такого тяжёлого состояния?

Точно так же, как и все остальные “вожди народов”: он был безбожником и бездельником: суэта, связанная с “революционной деятельностью”, не является делом, созиданием. Это разрушение. После окончания университета Чернышевский два года преподавал словесность в гимназии, на чём и кончился его труд: он *“вступил на революционный путь политической борьбы с царизмом”*. В двадцать лет он записывает: *“Мне кажется, что мне суждено... двинуть вперед человечество по*

¹⁵ Вытравливание великих имен из народной памяти началось не в 1917 году, оно шло всегда – то открыто и нагло, то скрыто и коварно. Например, вот так. “Энциклопедический словарь” Ф.Павленков, Спб, 1907.

А.Т.Болотов – 9 строк	—	А.С.Пушкин – 65 строк;
А.С.Шишков – 11 строк	—	Герцен – 30 строк;
В.И.Даль – 14 строк	—	Огарёв – 25 строк;
Ф.И.Буслаев – 14 строк	—	Чернышевский – 45 строк.

Пушкин, по словарю, *“отвоевал для поэзии подходящее ей место как высшей деятельности человеческого духа и требовал для нея полной независимости и свободы”*, а Шишков *“известен как противник Карамзина и его последователей по вопросу о литературном языке”*. Так фальсифицируют историю.

дороге несколько новой” [22]. Через год, узнав об аресте группы Петрашевского, написал: *“Эти скоты, вроде этих свиней Бутурлина, Орлова и Дубельта и т.д., – должны были бы быть повешены”* [22]. Вешать защитников России – дорога как раз не новая... А вот власти поступали иначе: готовых законченных революционеров чаще всего отправляли в ссылку в провинцию – это для них было трагедией. Любить Россию и русский народ для них было сподручнее в столице. Или ещё лучше за границей. (Белинский – П.Н.Кудрявцеву: *“Хочется мне смертельно, до бешенства, съездить на полгода за границу – посмотреть на божий мир и человеческую жизнь”* [23].) Для самых отъявленных революционеров казнь заменяли каторгой – и часто это помогало одуматься. Для революционеров начинающих была очень хорошая мера воздействия: их пороли – не очень больно, но очень обидно... Молодым невеждам, которые собирались *“двигать вперед человечество”* за прозу полагалось 25 розог, а за стихи – 50, поскольку стихи – *“язык богов”* и *“поэзия святая”*. В 1-м кадетском корпусе были такие расценки, в 1824 г. [24]. В своё время Ф.Толстой-Американец пустил слух, что А.Пушкина выпороли в полиции. Разгневанный поэт хотел вызвать его на дуэль за такое оскорбительное сообщение, но потом не только помирился, но и просил его быть сватом. *“В царской России студента или гимназиста за выступления в печати могли исключить из учебного заведения”* [24]. Словом, не было никакой свободы публично нести чушь и распространять её печатным способом.

Но зато они потом навёрстывали упущенное. Писали, в основном, под псевдонимами. (Лучше спрятаться на всякий случай, а то мало ли...) Чернышевский, например, рецензию на свою диссертацию написал сам (1855 г. “Современник”) и подписал “Н.П-ъ”. Отклик “народа”... Потом много чего писал, в результате после ареста в 1862 г. ему было навсегда запрещено выступать в печати. На каторге он написал роман “Пролог”, переправил его в Лондон по революционным каналам. Там роман напечатали с ведома и одобрения К.Маркса. **“Рыбак рыбака видит издалека”**.

Чернышевский в своей диссертации ничего не доказывал, он только отрицал закон мироздания. В ней нет ничего, кроме голословных лжемудрствований, которые взяты за основу ис-

кусствоведением и литературоведением. А автору присвоили звание “учёного”, раздули его “авторитет”, цитировали его, ссылались на него, проталкивая в жизнь очередную чёрную идею. *“Чернышевский – великий учёный, революционер, человек высокого духа. (Ни одно положение, кроме “революционера”, не доказано ДЕЛАМИ. – Авт.) Каждый, кто стремится стать настоящим человеком... берёт его в учителя”* [22]. А кто были его учителя? *“С детских лет [он] очень много читал, особенно любил Пушкина и Гоголя, знал наизусть чуть ли не все стихотворения Лермонтова”* [22]. Всё та же семья... Друзья его – Герцен, Огарёв, Добролюбов. Кумиры: Гегель, Фейербах, Белинский, Герцен.

Каковы же его идеи, за которые так крепко держится легионерская рать?

1) Прекрасное – субъективно. (Вывод: Прекрасно то, что лично мне нравится.)

2) Между идеями возвышенного и прекрасного нет ни связи, ни противоположения, они совершенно различны. (Вывод: Раз возвышенное и прекрасное никак не связаны, значит низость и пакость тоже могут быть прекрасны, но очень по-своему...)

3) Возвышенное действует на человека вовсе не потому, что пробуждает идею абсолютного, напротив, оно почти никогда не пробуждает её. (Вывод: Прекрасное не пробуждает мысль о Боге, не ведёт человека к тому, чтобы самому стать выше, оно только для того, чтобы поволновать чувства и дать повод поболтать о прекрасном.)

4) Трагическое в жизни – случайность, оно безпричинно. В искусстве трагическое – простая традиция “развязка должна вытекать из завязки” или неуместное подчинение поэта понятиям о судьбе. (Вывод: За преступлением наказание может последовать чисто случайно, оно не является следствием преступления. Искусство веков не о том предупреждает, что человек сам порождает свои трагедии, а просто принцип сложился, привыкли так. Неуместно. Значит можно и по другому: никаких причин, никаких следствий – получилось течение абсурдистов, у которых собственная глухота является творческим методом. Или так: наплевал ядом в колодец, напился – вкусно!

Срубил сук, на котором сидел – и ничего, обошлось, полетал, успокоился.)

5) Сущность искусства – воспроизведение жизни, объяснение жизни, приговор о явлениях жизни. (Вывод: Искусство нам всё объяснит, что в нашей жизни происходит, растолкует, покажет, как надо, то есть, смоделирует жизнь более настоящую, чем наша. А нам надо слушать и подражать, выполнять приговор. Например, делать жизнь с Евгения Онегина. Или подражать Печорину. Или ещё каким крутым ребятам, которых нам сегодня покажут по TV. То есть не Божий мир постигать, а свой конструировать, получше.)

Понятно почему Чернышевского провозгласили гением: он “научно” обосновал безумие. Но он и дальше пошёл: провозгласил человека как сырье, материал для промышленного производства. *“Более всего добра приносит промышленное направление. Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности (!) нужна наука и умственная развитость, из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно безпрепятственное обращение капиталов и людей... Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки зрения мы ... и радуемся усилению промышленного движения у нас”* [25].

Чудовищные идеи он провозгласил. Сатанинские.

Серафим Роуз: “С Богом можно бороться, и в этом состоит содержание современной эпохи, но Его нельзя победить, и от Него никуда нельзя скрыться: Его Царство будет длиться вечно, и все, кто отвергает призыв к Его Царству, должны будут вечно гореть в адском пламени” [26].

Чернышевский был прямым последователем своих кумиров – Пушкина, Лермонтова и им подобных. Те сеяли соблазн подражать дьяволу в его гордыне, в совершении смертных грехов, в богоборчестве, – кадры выращивали. У людей, начитавшихся легионерских писателей, созревали страшные, смертоносные качества души и ума. Кадры подрастали. Критики их звали на большую дорогу: созрел – действуй. “Чернышев-

ский – признанный вождь революционной России. Он участвовал в составлении и распространении прокламаций¹⁶. В его публицистике – мысль о необходимости создания революционной организации” [27]. Выглядит почти героически, если не знать точного перевода слов.

Добролюбов Н.А. (1836-1861). Родился в семье священника, учился в духовном училище, в духовной семинарии, да так ничему и не выучился. Потом в пединституте (Петербург), где тоже наука ему впрок не пошла: организовал тайный политический кружок. Зачитывался Белинским, Герценом. В 1856 г. познакомился с Чернышевским, начал сотрудничать в “Современнике” (с 20-ти лет) – делиться своей мудростью с соотечественниками. Хотел было начать просветительскую деятельность пораньше, прямо на студенческой скамье, да Чернышевский отсоветовал – не потому, что нашёл мало мудрости, нет, а потому, что ректор мог из института исключить за выступление в печати. (Очень царское самодержавие обижало своим гнётом недоучившихся студентов!) Но зато потом Добролюбов писал и печатал в свое удовольствие – до сих пор школьникам заставляют изучать, например, про луч света в тёмном царстве. Пропагандировал идеи революции, писал статьи, стихи, пародии. Поработать так и не успел. Его высоко ценил Маркс.

Вот что представляли из себя в духовном плане люди, названные “критиками” и “властителями умов”. И если и дальше их “мнение” будет для кого-либо важным, то это уже станет результатом СВОБОДНОГО ВЫБОРА самого человека, а не результатом политического насилия и обмана. Выбора, на который имеет право каждый из нас.

“Назначение критики в том, чтобы находить в написанном самое важное и хорошее и обращать на него внимание читателей. От того, появится ли такая критика, зависит вся будущность просвещения образованного класса нашего европейского мира” (Л.Н. Толстой).

Такая критика была, но её вытеснила критика совсем другого рода. В моду вошли подделки “под высокое”, “под истинное”. Это устраивало и новых “критиков” и их читателей.

¹⁶ Прокламация – (лат. proclamatio) – воззвание, листовка агитационного характера”. (КСИС) “Proclamator (лат.) – крикун, горлан. Agito (лат.) – с поспешностью, усердием приводить в движение, усердно гнать; подстрекать...”

Кое-что о литературоведении¹ и литературоведах

Глава

третья

Литературоведение – дело совершенно необходимое. Писатель слышит и записывает Слово, литературовед заботится о Слове: разыскивает, восстанавливает испорченные тексты, дает пояснения к забытым словам и понятиям, хранит Слово, рассказывает о нём, распространяет. Но и в этом важном деле произошла подмена. Главную работу оттеснили в сторону, назвали “вспомогательной”, а на первый план вылезли всё те же продажники-легионеры, которые взгромоздились и над литературоведением и над литературой. Словом, явились комиссары. Ну а кто пошёл в комиссары – это понятно ...

У новоявленных комиссаров не было ни образования, ни мудрости, ни честности признать их отсутствие. Не было силы духа, которая бывает только в истине. И вся их сила и власть заключалась только в том, что их СОГЛАСИЛИСЬ СЛУШАТЬ. А наслушавшись и начитавшись, согласились поддакивать. И тем самым пошли войной против САМИХ СЕБЯ. Ещё сто лет назад враг признался:

“Если золото первая сила в мире, то пресса – вторая. Мы достигнем нашей цели только тогда, когда пресса будет в наших руках. Наши люди должны руководить ежедневными изданиями... Нам нужны большие политические издания – газеты, которые образуют ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, уличная литература и сцена. Этим путём мы шаг за шагом вытесним христианство и продиктуем миру, во что он должен верить, что уважать, что проклипать. С прессой в руках мы можем неправое обратить в правое, безчестное в честное. Мы можем нанести первый удар... СЕМЕЙНОМУ НАЧАЛУ, которое

¹ “Литературоведение – наука, изучающая художественную литературу. Составляет из трех основных разделов: теория литературы, история литературы, литературная критика. Вспомогательные дисциплины: текстология, палеография, библиография и др. ...Как самостоятельная наука Л. оформляется в 19 в. Русское Л. сложилось в 19 в. в работах рев.-демокр. критиков (Белинский, Добролюбов) и исследованиях учёных (Веселовский, Потебня)... На рубеже 19-20 в. складывается марксистское Л. (Плеханов, Ф.Меринг, Луначарский)” (СЭС).

необходимо довести до РАЗЛОЖЕНИЯ. Мы тогда уже будем в состоянии вырвать с корнем веру в то, пред чем до сего времени благоговели ... и взамен этого воспитать армию УВЛЕЧЁННЫХ СТРАСТЯМИ...” [1].

С каким усердием добивались выполнения этого пакостного плана “властители умов”!

Даже по определению СЭС, критика ² — область политики, отношения к Слову не имеет никакого. Да и так подумать: появилась она недавно, но до её появления и книги были, и писатели, и читатели. Никто не чувствовал в ней необходимости. Настоящее не нуждается в “истолковании” и “переоценке”. Но зато в критиках и “ведах” очень нуждается лжелитература: помойку нужно чем-то украсить, прикрыть, иначе все увидят, что это такое.

В нашей стране спешно начали готовить легион. Занимался этим Луначарский. В Ленинграде до 1930 г. был Государственный институт истории искусств, при нём Высшие курсы искусствознания. (Словесное отделение закончил Лев Успенский, который воспел сражение матросов Балтики против буквы Ъ — см. 1 ч.) Этот институт пользовался огромной поддержкой и защитой Луначарского. Курсы выпустили “многочисленный отряд специалистов по истории и теории литературы и искусства, особенно много литературоведов, литературных и театральных критиков, деятелей театра, музыки, кино... Занимаясь на словесном отделении, можно было стать и писателем, и языковедом”. Так появились толпы “профессионалов” — исполнилась мечта Пушкина. Заняты они тем, за что им платят, — созданием дутых авторитетов, мыльных пузырей. Приведём несколько излюбленных их приёмов.

1. Хоровод. Критики пишут о критиках, которые написали о критиках... Вот пример. Тяжелобольной, с помрачённым сознанием, Гоголь написал “Мёртвые души”. Набоков написал о том, как Гоголь писал “Мёртвые души”. Залыгин написал о Набокове, который написал о Гоголе, который... Мыслей там

² “Литературная критика... Занимается истолкованием и оценкой произведений литературы... оказывает активное влияние на литературный процесс, а также непосредственно на формирование общественного сознания. ...Отражает позицию какого-либо класса... Как самостоятельная профессия сложилась в Европе в 1-й половине 19 века” (СЭС).

нет, только поток слов: *“Каждое слово его [Набокова] прозаических произведений... поставлено на своё собственное место, и его ни на сантиметр нельзя сдвинуть ни вправо, ни влево, тем более, вверх или вниз, ...каждое выбрано из огромного ряда себе подобных, выбрано с художественной точностью, едва ли доступной и самым совершенным устройствам с механической памятью”*. (Сомнительный комплимент!) Листаж, тираж, гонорар, престиж – вот и весь интерес...

Почему о Гоголе, а не о Дале, предположим? *“Первое, что он [Гоголь] сделал, приехав в столицу, был визит к Пушкину, которым он бурно восхищался, не будучи знаком с великим поэтом”*. Гоголь – Плетневу (март 1837 г.): *“Всё наслаждение моей жизни, все моё высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою, ...тайный трепет не вкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу. ...Нынешний труд мой (“Мёртвые души”), внушённый им, его создание”*. Восхищался Пушкиным и не любил Россию – причины достаточные для прославления. Кроме того, был талантлив, мог писать “вкусно”, то есть воздействовать на чувства и страсти, любил писать о нечистой силе, изображать уродов и уродства, сам был психически больным человеком. Гоголь: *“Почему я не избирал в мои герои добродетельных людей? Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь постоянством и не завоеуешь силою в душу несколько добрых качеств, – мертвечина будет всё, что ни напишет перо твоё”*. Он, как и другие, мог только правдоподобно описывать болезнь, порок, отклонения нравственные и психические. Мог описывать их смачно и увлекательно, но не мог назвать причин и указать выход из тупика, поскольку сам его не знал.

Никто из сочинителей не мог правдиво описать ДОБРО и ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, по той самой причине, что “придумать” его нельзя, а когда такой человек встречался в жизни – бери, пиши с натуры, вот он! – само его существование вызывало ярость: он был живым укором. Вспомним, с какой безумной яростью бросался “Арзамас” на Шишкова и его друзей. Он был ПРОТИВЕН, потому что недосягаем.

Гоголь не хотел работать или служить, начал печататься в журнале у Дельвига, главы неоконченного исторического романа подписывал вместо своего имени знаком “0000” (четырёхкратная пустота?) Гимназическое образование считал достаточным, чтобы стать писателем. Настойчиво пытался поучать других, за что получил резкую отповедь Аксакова. Умер психически больным, в 42 года.

Почему о Набокове? Он писал о Гоголе, сочинил “Лолиту” — плод нечистой души и развратного ума. Продолжил ту же линию, что и другие антирусские сочинители. Играл в рафинированное эстетство, поэтому критики назначили его выдающимся стилистом. Рассуждал заумно-холодно, любил словесные выкрутасы, которыми прикрывал грязное содержание. Но о родном и наболевшем писал просто и без “лирики”: *“...знай он [Пушкин], что выйдет из этих дурацких придворных балов и яхшания с подлецами придворными под присмотром (здесь ругательства — авт.) ...царя, чьё царствование всё не стоило и страницы пушкинских стихов... Почти ничего стоящего [кроме прозы самого Пушкина] в ту пору не публиковалось из русской художественной литературы. ...Покладистый читатель жадно глотал из-за отсутствия настоящей духовной пищи”* подражания английским и французским романам.

То есть воспевал Пушкина, проклинал царя, давал ложную картину тогдашней духовной жизни России. Залыгин: *“Стиль Набокова — это аристократически изысканное письмо и по содержанию и, особенно, по языку.”* Привлечь внимание читателя к Набокову, увлечь им, “изысканным”, создать “имидж”: *“Как, вы не читали Набокова?! Вы — не аристократ! Вы упали в наших глазах!”* Хорошо налаженное производство “голых королей”...

2. Поиск рваной галоши. Выдающимся мастером этого дела был Ираклий Андронников. *“Откройте “Рассказы литературоведа”... Вы примете участие в разгадке увлекательных тайн, откроете россыпи сокровищ...”* [2]. Что же это за сокровища? Да та самая галоша. Но зато как подробно, увлекательно, интригующе, умело описывает её розыски автор! (Тираж только одной книги — 100 тысяч экземпляров). Он за свои литературоведческие труды удостоен звания доктора наук, ленин-

68

ской и государственной премии, назван народным артистом СССР. Писал книги, много выступал в прессе, по телевидению, на эстраде. (Заметим и запомним: вся эта бурная деятельность щедро оплачивается: поездки, командировки, выступления, книги).

Что же такое он нашёл?

1) “Портрет” (стр.33). Фотография с портрета, считалось, что Лермонтова. Автор провёл розыск с привлечением множества занятых людей, с применением рентгеновского, ультрафиолетового, инфракрасного просвечивания в криминалистической и других лабораториях, поездил по городам. Оказал ему помощь и директор Литературного музея Бонч-Бруевич В.Д. И вот тайна разгадана: портрет Лермонтова оказался портретом Лермонтова!

2) “Загадка Н.Ф.И.” (стр.30). Неизвестная Н.Ф.И., которой посвящал стихи Лермонтов, оказалась Нат.Фед. Ивановой, столь же неизвестной. А автор похвастался, как он в процессе поисков хитрил и обманывал (стр.62).

3) “Подпись под рисунком”. Автор был в санатории Ставрополье, потом решил “объехать все лермонтовские места на Кавказе” — 15 тысяч км, с рисунками Лермонтова в руках. Сверил: всё точно. “Рисунок помогает понять нам творческую историю “Демона” (стр.84). Того самого “Демона”, который нам и на дух не нужен...

4) “Земляк Лермонтова”. В 1948 г. чествовали Белинского, *“большая делегация писателей и учёных выезжала из Москвы в те места, где прошли его юные годы. ...Никогда и нигде не бывало — это бывает только у нас! — чтобы чествование памяти великих людей превращалось в событие такой огромной важности для каждого, кто принимает участие в осуществлении этих торжеств”*. Всё правильно: сами создавали кумиров, самим и поддерживать их искусственную славу. Ведь без этих обязательных торжеств с возложением венков от официальных лиц и организаций — но от имени народа! — никто бы и не вспоминал о кумирах ³.

³ А вот к Преподобному Сергию Радонежскому идут и едут уже более 600 лет! Идут непрерывно, ежедневно. Идут как к Отцу и Защитнику, Молитвеннику за Русь, великому Пастырю. Без всяких официальных мероприятий.

Так уж им хочется иметь своих “властителей дум”, похожих на настоящих, а получается опять карикатура: “дьявол — обезьяна Бога”.

Такое всё ненастоящее, что им и самим тошно бывает. Ехал Андронников на торжества в г. Чембар, переименованный в Белинский, как раз на торжественное собрание — посидеть в президиуме, но не доехал, отпросился у Фадеева, руководителя делегации, и остался в Тарханах, переименованных в с. Лермонтово.

“Сторожит часовню (где прах Лермонтова) и водит по ней экскурсии сторож-колхозник лет 70-ти...

— Замечательно вспоминают Михаил Юрича... Про бабушку плохо говорят... А чего её хорошо вспоминать? Кто она такая? Крепостница, властелинка и самодурка!.. Я эту бабушку ненавижу. Муж её ...тот от жизни с ней предпочёл принять отраву”. ...Лермонтов “не потому погиб, что на военной находился. Он бы и в гражданке погиб. Потому, что царь Николай его преследовал, он его ненавидел люто. Он бы его все равно погубил... Ходит сюда народ. Оставляет возле памятника знаки своего уважения к Михаилу Юричу. Вот знамена стоят... Это вот от районного комитета: “Поэту — борцу за свободную человеческую личность”. То знамя — от областной комсомольской организации. От наших колхозников... Пионеры приходили с барабаном — возложили цветы к подножию. От писателей желательно тоже... Прислать бы, знаете, небольшую делегацию — человека два, больше не надо, потому что ассигнований на это дело не отпущено в этом году, поскольку нет юбилея. И так подобрать писателей, чтобы один стихи почитал, а другой речь сказал. И возложили бы” [2, с.94-97]. Вылитый “старик Ромуальдыч”.

Андронников учился на том же самом словесном отделении того же самого ИИИ, где и Лев Успенский получил образование, и ещё в университете. Начиная работать в детских журналах “Чиж” и “Ёж”, которые были созданы по инициативе Маршака. Работал библиографом, потом в ред. “Литературного наследства”, затем зачислен на должность секретаря академического издания Пушкина. (Это же сколько существует теперь должностей вокруг кумира?!) Начал помогать своему учителю Б.М.Эйхенбауму собирать справки для комментариев к соч. Лермонтова. Это занятие “возбудило во мне желание и са-

70

мому открыть нечто новое” [3]. Открыть не важное, не высокое, не святое, не необходимое, а просто “нечто”. Так начался поиск “галоши” – дорогостоящее для нас и прибыльное для автора занятие. То, что автор собрался искать именно “галошу”, было ему ясно с самого начала, коли он занимался Лермонтовым: а что ещё можно найти в его наследии кроме того, что этот поэт имел? *“И очень скоро моё увлечение поэзией Лермонтова приобрело характер неугасимого азарта и страсти”*. Страсть, за которую платят деньги... *“Кроме Лермонтова и музыки, была ещё одна страсть – “изображать” и рассказывать. Никто меня этому не учил – я делал это по неисповедимой потребности перевоплощаться, становиться другим человеком...”* Его называли “имитатором”. (Родился в 1908 г. – год ОБЕЗЬЯНЫ). *“...Патологическая застенчивость... уживалась с безпечностью и безудержным стремлением смешить, лицедействовать”* [3]. Он нашёл своё место в “литературоведении”.

3. Кумироведение. В него входит “пушкиноведение”, “лермонтоведение”, “герценоведение” и прочие “кого-выгодно-ведения”. Приведём примеры.

М.Гиллельсон (доктор филологических наук): *“На мой взгляд, творчество Пушкина создало феномен русской интеллигентности... Необходимо воспитать высококвалифицированные кадры ⁴ молодых пушкинистов”*.

Похоже, что армия уже есть... Гиллельсон намечает следующие задачи: *“Нужно создать персональную пушкинскую энциклопедию и летопись жизни и творчества Пушкина. ... Надо поставить крест над дантесоведением и гончароведением”* [4]. Правильно, а то вдруг добросовестные литературоведы раскопают правду о кумире и всем расскажут! И тогда – прощай кормушка!

А.Битов (писатель): *“Когда я стал “пушкинистом”, я теперь знаю точно – в 1949 г. Это о пользе юбилеев. Я прочитал “все” Пушкина к 150-ти летию со дня его рождения, готовя порученный мне в школе доклад... Он вошёл в мою жизнь официально, я его праздновал со всей страной”*. (Рождество

⁴ Кадры (фр. cadre – рамка; личный состав) – состав работников какой-либо отрасли деятельности; КАДРОВАЯ АРМИЯ – постоянная регулярная армия.

Христово те “официальные” круги не только не праздновали, они преследовали тех, кто праздновал.) *“В Пушкине любишь всё... Пушкин – это единственный человек, в котором ВСЁ ГОДИТСЯ. ...Его духовное влияние, культурное воздействие самой личности столь же неоспоримо, как и подчинение законам природы: оно уже не просто влияние, а условие существования”* (вот-вот, от него просто некуда деться, тем более в преддверии юбилея). *“Полный, комментированный Пушкин... выведет науку о Пушкине на следующий уровень”* [4].

М.Цявловский (д.филол.н.): *“Пушкину посвящены сотни книг и многие тысячи статей... Самая замечательная особенность советского пушкиноведения – пропаганда творчества Пушкина среди самых широких читательских масс”* [4]. (Удивительно мёртвым языком выражались кумироведы!)

Вересаев о Цявловском: *“Неистовый священнослужитель (!!)* великого и безгрешного **БОЖЕСТВА**, как блюститель безусловного **ПОКЛОНЕНИЯ** Пушкину. Всякое слово критики его возмущало. Он прямо заявлял: *“У Пушкина всё хорошо!”* [4]. (Выделено мной. – Авт.)

Напомним, по словарю Даля, “неистовая сила – нечистая, дьявольская”.

Все эти “служительства”, “блюстительства” и “неистовства” можно бы было считать такими милыми чудачествами одного странного человека, который знает о Пушкине почти всё – и ему этот дух разврата и двуличия близок и мил. Ну нравится человеку в ЭТОМ копаться – пусть его, у каждого свой вкус. Но мешают некоторые обстоятельства поверить в чистоту намерений пушкиноведа:

1) Если бы он зарабатывал на жизнь, скажем, в шахте или в поле, а в свободное от тяжёлого **ПОЛЕЗНОГО** труда время своими мозолистыми руками доставал с полки кощунственную “Гавриилиаду” или фальшивые лирические излияния своего кумира и с наслаждением писал свои соображения по этому поводу, – тогда другое дело. **ЛИЧНОЕ** его дело. Но он был пушкиноведом-профессионалом, за это деньги получал, звания, льготы.

2) Писал он не для себя, не для души и не для своих домашних. Он активно распространял, пропагандировал пушкинские писания и своё “освещение” фактов его жизни, весьма далёкое от истины. А это уже не литература, а политика.

И вот что получалось в результате его “священнослужительства”, Цявловский: *“Советское пушкиноведение обогатилось ценнейшими новыми данными... две поэмы... и баллада фривольного ⁵ характера”* [4]. Когда неистовый доктор филологических наук вдруг переходит на французский, это потрясающе. А как это будет по-русски?

По-русски: пушкиноведение обогатилось пустой непристойной балладой.

Назовём вещи своими именами: огромное число “учёных” в течение долгих лет способствовало распространению мрака и лжи под видом правды и культуры. Они скрывали Великие книги, а вместо них проталкивали ЭТО, наводняли всю Россию: полное собрание сочинений кумира – с комментариями, примечаниями и т.п., словарь Пушкина, картотека “Летопись жизни и творчества Пушкина”.

“Накоплен интересный материал об адресатах лирических стихотворений Пушкина. Как ни странно, систематического поиска этих адресатов никогда ранее не производилось, а теперь его результаты будут включены в новое издание” [5]. (Что бы туда ещё навключать, столь же важное?!)

Цявловский о словаре: “Инициатором и руководителем был покойный Г.О.Винокур. ...Это будет первый в нашей стране словарь языка одного писателя. Как академическое издание сочинений Пушкина, так и издание словаря его языка (то есть, язык “его” и язык русский – разные вещи – авт.) – дело национального (а какой, интересно, нации? если русской, то у нас есть русский язык... – Авт.) значения, выполняемое, естественно, высшим научным органом страны” [4]. (Вспомним: против академиков “никто не посмеет сказать ни слова”, см. 1 часть).

Какую же ценность представляет этот словарь? “У кого что болит, тот о том и говорит”. В “Словаре языка Пушкина” такое меркантильное понятие как “деньги”, встречается 310 раз, а высшее для дворянина – “честь” лишь на 30 раз больше. Но если прибавить “рубль” (193), “золотой” (62), “червонец” (21), “ассигнацию” (19), “золото” (31), “серебро” (23) и прочие показатели “богатства” (34), то “честь” окажется далеко позади” [6].

⁵ Фривольный (фр. frivole < лат. frivolus – пустой) – легкомысленный, не вполне пристойный.

Летопись пушкиноведения

1) Лермонтов пишет “Смерть поэта” 28.01, ещё при жизни Пушкина. Напечатано оно впервые в 1856 г. в Лондоне, в “Полярной звезде” Герцена. Но по рукам разошлось тут же – среди своих.

2) Посмертное издание произведений Пушкина. “На типографские и прочие расходы царь пожаловал 50 тысяч. Кроме того, взял на себя его огромные долги и заботу о семье. Неудача. ...История его гибели и семейные дела интересовали многих больше, чем то, что он создал” [7]. Последние тома вышли в 1841 г. После этого 14 лет он не переиздавался вообще.

3) Через 10 лет после его гибели Н.Н.Ланская (Пушкина) попыталась что-нибудь издать – наследственное право на издание было 25 лет. Но не сторговалась с издателями: те помнили неудачу издания.

4) За подготовку издания взялся П.В.Анненков, знакомый Ланских. Вначале положение было такое: в 1847 г. его брат И.В. получил доступ к без толку лежавшим пушкинским бумагам. Сам П.В. в то время был за границей ⁶. Разбирать бумаги помогал третий брат, Ф.В.

⁶ Опять за граница, опять “властитель умов”... Случайное совпадение? Из Летописи Оптиной Пустыни: “С наступлением 1848 г. настали бедствия в Европе почти повсеместно. Во Франции 24 февраля – революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России. Везде мятежи, нестроения. В России: холера, засуха, пожары”. В Орле сгорело 2800 домов, в Ельце – 1300. 24 июня – буря, особенно большие разрушения в Оптиной Пустыни. “На церквах Казанской и Больничной разломало на части железную крышу, сорвало кресты...” Повреждены многие строения, поломаны плодовые деревья. “В монастырском лесу поломано и вырвано с корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страшная буря! Никто не запомнит такой...” [8, с.43].

Святитель Игнатий Брянчанинов: “Когда я услышал о происшествиях, изменяющих лице земли, я не почувствовал удивления... Я как бы услышал о смерти человека, давно-давно страдавшего и изможденного неисцельным недугом, заживо умерщвленного этим недугом прежде ущемления смерти. Такой всегда мне казалась образованная Европа, или так называемый просвещенный мир. ...Что меня поражало больше, нежели нынешние обстоятельства? Меня поражали причины этих обстоятельств: общее стремление всех исключительно к одному вещественному, будто бы оно было вечно, – забвение вечного, как бы несуществующего, – насмешки и ругательства над христианством, – утонченное и лютое гонение на Церковь, гонение на жизнь Её, на Святого Духа – замещение Духа и Его уставов лжеименным разумом и уставами, исходящими от миродержца – обман, всесветная молва, как бы при столпотворении...” [8, с.45].

П.В. – Ф.В. (Зальцбрунн, где был вместе с Белинским, 9.07.1847): *“Белинский говорил мне, что вы за них (рукописи – авт.) взялись весьма дельно...”* Они надеялись кое-что показать ему, когда он вернётся в Россию, – в ноябре.

Не забудем, что Герцен уехал во Францию в 1847 г.

5) Анненковы за 5 тысяч рублей купили у Ланского право издать соч. Пушкина. Они посчитали: чтобы окупилась расхо-ды, надо было распространить 2500 экземпляров. Они собира-лись издать 5000. Но к тому времени ещё не разошлось посмерт-ное издание – за 10 лет! И, тем не менее, они берутся за это пред-приятие. Что ими двигало? На что они рассчитывали? И.В – П.В. (12.05.1851): *“Насчёт Пушкина слушай, Павлуша, что я буду тебе говорить, основательно вникнув в дело. – Более чем сколь-ко ты думаешь, знал я, КАК ВАЖНО ЭТО ПРЕДПРИЯТИЕ...”* [7, с.490]. Получается, что братья считали крайне важным навя-зать публике Пушкина, который пылился на прилавках более 10 лет, во что бы то ни стало. Они наметили план: Пушкина надо было умело и ловко ПОДАТЬ, вызвать к нему интерес, а для этого нужна биография, отзывы друзей, родных и близких, неопубликованные произведения (у Пушкина было много та-кого, что не прошло бы цензуру) ⁷.

ТАК НАЧИНАЛОСЬ НАУЧНОЕ ПУШКИНОВЕДЕНИЕ.
Делалось такими руками и в таком кругу.

⁷ Немного об Анненкове П.В. Родился в 1812 г., но документы сгорели в пожа-ре вместе с церковью, где он был крещён. Отец – богатый симбирский помещик. П.В. учился в Горном институте, но курса не кончил, пошёл вольнослушателем фи-лософского и историко-филологического факультетов. Был близок к кружку Белинс-кого. Его духовным наставником был Гоголь. Притянулся к Герцену и Огарёву, пере-правлял им пушкинские тексты, “цензурно безнадёжные”. В 1846 г. познакомился с Карлом Марксом, два года переписывался с ним. “Влияние Маркса на Анненкова было значительным...” [7, с.496]. Белинский, “великий критик так любил его, что, даже вопреки своей обычной объективности, высоко оценил его совершенно беспо-мощные прозаические опыты”. Анненков сочинил повесть “Кирюша”, которая была до того плоха, что среди литературных критиков появилась новая поговорка: “что делать, у каждого есть свой КИРЮША”. Некрасов по дружбе опубликовал “Кирю-шу” в “Современнике”, за что его стыдил И.С.Тургенев.

И.С.Тургенев: *“...От Анненкова никогда не услышишь его собственного мне-ния о чем бы то ни было: он ограничивается только поддакиванием. ...С его бездар-ностью он всегда будет только повторять чужие мысли. Как он увивается за Бе-линским, точно мелкий чиновник за своим непосредственным начальством. ...Про-стодушие в его постоянном смехе, которым он старается замаскировать свою про-нырливую натуру”* [7, с.498]. →

6) Подготовка материалов и выход в свет труда Анненкова совпал с тяжёлыми для России событиями – Крымская война 1853-56 гг., в которой против России воевали Турция, Англия, Франция, Сардинское королевство. В разгар войны умер Николай I. После войны, в которой Россия потерпела поражение, страну наводнили листки, газетки, журналы. С июля 1856 г. начал выпускать свой “Колокол” Герцен, в том же году он издал “Смерть поэта” Лермонтова, издавал запрещённые в России писания подстрекательского толка. Бушевала “третья” литература, возбуждая тёмные страсти, толкал к революции Герцен.

Поскольку содержание писаний того времени (“критика впереди литературы”, “главное значение литературы – пропаганда”...) по духу было в полном соответствии с духом писаний Пушкина, можно предположить, что столь точное совпадение не является случайным. А если вспомнить консультации Анненкова с Белинским, Герценом и К°, то всякие надежды на простое совпадение и вовсе исчезают.

7) Если бы первый пушкиновед Анненков собирал среди бумаг Пушкина только высокое, мудрое, настоящее, его можно было понять и признать полезность его работы: он сохранил великое! Но на самом-то деле он занят был совсем другим. Анненков подбирал всё подряд, всякий хлам, показывающий разложение духа поэта, и виртуозно обосновывал “величие” любого слова Пушкина, следовательно, и необходимость своих трудов. Он, например, гонялся за письмом Пушкина брату Льву (за тем самым!): *“Может быть, ни в одном не выразился так полно весь он ... Замечательно, что Пушкин приказывал жене передать это письмо старшему своему сыну, когда ему исполнится 18 лет, – видно, он сам считал его образцом житейской мудрости, светским Кораном... Характеристика эпохи”* [9]. Выводить “характеристику всей эпохи” из письма од-

А.Я.Панаева: *“...В кружке Белинского он никогда не высказывал своих мнений, а лишь поддакивал авторитетным личностям; с остальными обходился как-то начальнически, говорил деловым тоном, но чуть только человек начинал приобретать известность в литературе, как Анненков тотчас же делался его другом”* [7]. Позже, когда прославился И.С.Тургенев, Анненков сумел стать для него незаменимым.

Друзья Пушкина помогали ему собирать материалы, писали свои воспоминания, таким образом он записывал биографию “из первых рук”, но довольно односторонне изложенную: Он *“стал словно душеприказчиком Пушкина в глазах его ближайших друзей”* [7].

ного развратника – такой “научный подход” мог придумать только недоучившийся студент, каковым и был Анненков. (Дружная и однородная подобралась компания – критики и пушкиноведы – “властители умов” чужих, не сумевшие образовать для начала свой собственный!)

Брат Пушкина Лев спился и умер, письмо попало к Соболевскому, его другу, тот его опубликовал в “Библиографических записках” в 1856 г., этот новый журнал “был многообещающим по своему свободомыслию изданием”. Вдова Пушкина и его младший сын обратились с протестом против опубликования к министру просвещения А.С.Норову. Тот поддержал. П.Вяземский о публикации писем: *“В них много неуместного и неприличного... Многие выходки его ...несколько кощунские, оскорбляют чувства приличия и уважения к самой памяти его”* [7].

Но у Анненкова были свои соображения о неприличном... И ещё свои планы.

“Имя Анненкова как литератора до сих пор никому не было известно, а тут он будет красоваться на каждом экземпляре Пушкина” [7]. Жажда славы, известности была в нём очень сильна. Другой побудительный мотив – выгода. Приятели, узнав, что Анненков купил право издавать Пушкина, потребовали угощения в ресторане. Анненков отбивался:

“Расходы по изданию будут так огромны, что вряд ли оно окупится.

– Ну, Анненков, ты тогда бы и не подумал издавать Пушкина! – заметил Некрасов.

– Я не о барышах думаю, – обидчиво отвечал Анненков. – Я не умею спекулировать литературой.

Некрасов... язвительно проговорил:

– Да, значит, ты с благотворительной целью предпринял это издание” [7].

До этого Некрасов предлагал брату Анненкова войти с ним в долю и говорил, *“что это есть отличное предприятие и весьма выгодное”*, но получил отказ: от него не ожидали пользы как от человека безденежного.

На этом издании братья Анненковы получили солидный барыш...

Только ли эти два мотива заставили Анненкова заниматься сотворением кумира или кроме личных планов и замыслов существовал ещё приказ, который он не мог не исполнить? На мысль о его связи с тайной организацией наводят как его личностные качества, в частности то, что он прилипал к любой знаменитости, стремясь присоединиться к “властителям умов”, так и детали его биографии: принадлежность к кругу “передовых”, тяга к Западу, способность оказываться в нужное время в нужном месте, а главное, то, что он, человек, не имеющий своей точки зрения вообще, оставил в своем “литературном наследии” ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ МНЕНИЕ, точно вписавшись таким образом в общую программу сотворения кумира. И ещё он получал мощную поддержку СВОИХ, которые делали то же дело. Н.Добролюбов: *“Это издание... было событием не только литературным, но и общественным. Русские, любившие Пушкина как часть своей родины, как одного из вождей её просвещения, давно уже пламенно желали нового издания его сочинений... и встретили предприятие г.Анненкова с восхищением и благодарностью”* [7]. Типичная реклама, в которой нет ни слова правды, но зато сквозит желание одурачить покупателя и всучить дрянной товар, да подороже.

8) В 1854 г. вдруг возник конкурент Анненкова – И.П.Бартенев (1829 – 1912), “самоотверженный служитель божества”, составитель издания “Русский архив”. Бартенев: *“Хочу с ним состязаться в любви к Пушкину и во внимательности к его творениям”*. И “состязался”. “Всё это выводило Анненкова из себя: цензура донимала, подписка не росла, обещая одни убытки, а тут ещё Бартенев “отбивал хлеб”. Анненков – Грановскому: *“Бестия (публика – авт.) ссылается на дурные времена и подписываться (на Пушкина – авт.) не хочет, а ждёт, чтобы ей товар показали”*. Жаловался на Бартенева: *“Мальчик сей напечатал стихотворение, мною отысканное, ... без малейшей оговорки, как свою собственность. ... Оный птенец вашего университета, которого биографию, вероятно, тоже опубликуют при юбилее, ответил, что получил право печатать всё, что только утащит от г.Соболевского”*.

“Охота” двух пушкинистов за современниками поэта... была увлекательной и достаточно нервной”.

Бартенев: *“Анненков поступил со мною по праву сильного и неблагодарно. ... Он выпрашивал у меня мои бумаги, ласкался ко мне... Исчерпав всё, что я знаю, он сделался со мною скрытен...”* и т.д. и т.п.

Остаётся добавить, что Бартенев был питомцем историко-филологического факультета Московского университета, преподавал в семействе дочери графа Блудова, был хром от рождения. В том самом круге он был своим человеком. “Соболевский давал ему множество советов – с кем поговорить, где добыть бумаги, всё тщательно проверял и отсеивал перед публикацией то, что казалось ему либо недостоверным, либо пятнающим честь Пушкина. В 1869 г. Бартенев отправился за границу – есть подозрения, что он передал Герцену ряд важнейших сведений и бумаг...” Он долго жил в Берлине, бывал в Лондоне, в Париже; работал заведующим Исторической библиотекой, начал под её эгидой выпускать “Русский архив”, в нём публиковал исторические документы, которые считал нужным публиковать. Брюсов В.Я.: *“Он многих привлекал к себе неодолимо, почти пленял, очаровывал, но во многих возбуждал чувства враждебные, почти ненависть”*. (Видимо, в тех, кого не удавалось очаровать...) *“Пушкина боготворил, часто говорил, что в одном Пушкине не только вся русская литература, но и вся русская культура”* [9]⁸.

9) Кумироведы насобирали пушкинских неопубликованных писаний, теперь надо было их каким-то образом протасовать через цензуру. Ту самую русскую цензуру, которая стояла на страже, не позволяя развращать православный народ кучке “передовых” и “образованных”. Анненков стремился любой ценой опубликовать лживые разрушительные тексты Пушкина и “отчаянно сражался с цензурой”: для текстов возвышающих и целительных не было ведь никаких препятствий!

Вот что проталкивал Анненков.

Наброски предисловия к “Борису Годунову”. Пушкин: *“В Дмитриии (Лжедмитрий – авт.) много общего с Генрихом IV. По-*

⁸ Вот что представляют собой истоки так называемого “пушкиноведения”. Организовывали кампанию по возвеличиванию Пушкина критики и литературоведы, которые, казалось, не имели отношения друг к другу, но на деле оказались одной тесной группой, связанной единым устремлением и одной целью. Все они были тесно связаны с заграницей.

добно ему, он храбр, великодушен и хвастлив, ... равнодушен к религии – оба они из политических соображений отрекаются от своей веры, оба любят удовольствия и войну... Но у Генриха IV не было на совести Ксении – правда, это ужасное обвинение не доказано, и я лично считаю своей священной обязанностью тому не верить”.

Великодушный и храбрый Самозванец, отрёкшийся от веры и продавший и Россию и себя самого... – подобное извращение истории и нравственных основ Анненков протаскивал через цензуру, не стесняясь в выборе средств – всеми неправдами, “проявляя чудеса дипломатии” – по словам его последователя.

Ещё перл. Пушкин – Погодину: *“Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики, и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени”*. Сплошные кощунства. Русские люди были воспитаны в страхе Божиим: старались следовать Закону Божию, а когда отступали от пути – исповедовались и каялись. Слова “страх Божий” имели глубокий сокровенный смысл. Пушкин же, спародировав форму, по сути, глумился над содержанием. Далее. Пушкин открыто признается, что не видит стыда следовать духу времени. Дух времени – это и есть дух злобы, дух мира сего, воюющий против Христа и Его учения. А что касается стыда, то Пушкин не видел его ни в чём: ни в двуличии, ни в продажности, ни в изменах... И вот эти-то “сокровища” пытался опубликовать Анненков. Удалось.

К великим ценностям легионеры относили, конечно же, и хулу на Державина и Суворова. Сам Анненков потом цинично писал: *“Сколько потребовалось труда на изобретение мотивов!.. В патетической речи издателя [это он о себе!] ему пришлось даже сослаться на чистоту и благонамеренность своих побуждений!”* [7].

“Мнение” Пушкина о Державине было опубликовано, а позже, всё больше завоевывая политической власти, легионеры постепенно убрали всё, что создал Державин, начиная с оды “Бог”, конечно, под прикрытием “господствующего мнения”, которое высказал “сам великий Пушкин”!

Анненкову удалось опубликовать все эти вещи не только благодаря своей энергии и ловкости, но и по причине измене-

ний в государстве: в 1855 г. после не совсем исследованной смерти Николая I на престол взошёл его сын Александр II. Он терпеть не мог Пушкина, но делал большие уступки либералам, а те требовали цензурных послаблений⁹.

Труд Анненкова оценил Герцен, назвал книгу “полной и превосходной”. Порадовался и Соболевский¹⁰.

Он написал Лонгинову о том, что про Пушкина не должны писать его друзья, потому что правду написать нельзя, а если оправдывать его, то тогда придётся обвинять других, ещё здравствующих лиц. *“Каждый друг Пушкина должен молчать. По этой-то причине пусть пишут о нём НЕЗНАВШИЕ его, и пишут так, как написал Анненков”*.

10) М.Н.Лонгинов (1823-1875) тоже начал собирать написанное Пушкиным, собирал и записывал в тетради то, что не было издано. Хотел издать. Но позже в его взглядах произошла перемена. Был он орловским губернатором, потом стал председателем Главного управления по делам печати. Он “запретил и приказал уничтожить “Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе” (1872 г.), чем очень обидел поклонников прогресса¹¹.

⁹ О цензурном уставе писал ещё А.С.Шишков:

“Сей устав должен быть таков, чтоб давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарований писателя, служил однакож к обузданию своевольных и неосновательных мыслей, предписывая о наблюдении, чтоб издаваемые сочинения были в правилах нравственности, в правилах истинного просвещения, никому не обидны, всякому для чтения полезны или... забавны, но без всякого вреда правам, наукам и языку”.

Цензура не позволяла подрывать основы нравственности – и вся компания правдами и неправдами пыталась сокрушить такую неудобную цензуру, чтобы наводнить Россию сочинениями, развращающими ум и душу.

¹⁰ С.А.Соболевский (1803-1870) – незаконнорождённый сын богатого помещика Самойлова. Родители его любили, но имя дать не могли и приписали к польской дворянской фамилии. Всю жизнь он это болезненно переживал. Учился в Благородном московском пансионе вместе с братом Пушкина Львом. В 1819 г. ему грозило исключение, но он обратился к А.И.Тургеневу – тому самому, крупному масону – и его оставили. Принадлежал к масонскому кругу, был крайне циничен, любил вкусно поесть, за что был прозван “животом”. “Пушкин любил Соболевского за неистощимое остроумие, ...неизменную весёлость и готовность кутить и играть в карты когда угодно” [9]. Женат не был.

¹¹ На самом-то деле никакого прогресса нет, а есть только эволюция мироздания – неуклонное неостановимое всеобщее восходящее движение от простого к сложному, от низшего к высшему – “волновое” движение духа и дискретное – оболочек. Элементы, уклоняющиеся от движения и труда, падают во тьму как отходы и

Лонгинов запретил и книги Дарвина, чем крупно обидел тех, кто произошёл от обезьяны. Те же, кто произошёл от Бога, ничего не заметили...

11) Книга Анненкова “многих побудила взяться за перо” (Анненковы, уплатив Н.Н.Ланской 5 тыс., заработали на издании 40 тыс.).

Началась широкомасштабная пропагандистская кампания. “Современник”: *“Творения Пушкина, создавшие новую русскую литературу (У нас в России как ни появится что новое русское, всё оказывается старыми отходами эволюции. – Авт.), образовавшие новую русскую публику, будут жить вечно (Это у них старая мечта – “зайцами” проехать в вечность. – Авт.)... “Отечественные записки”: “труд Анненкова должен служить началом других трудов о том же предмете, а сам г.Анненков хорошо сделает, если будет продолжать (а как же! – авт.)... свои исследования о жизни, характере, мнениях и занятиях усопшего поэта” [9, с.555]. Журнал вербовал “пушкиноведов” и отправлял их “по пушкинским местам”, намечал “краеведческий” путь, который “к нашему времени развился невиданно и небывало”. “Гениальное дарование”, “могучий ум”, “восторг молодёжи”...*

уничтожаются там. Эволюция человека – в расширении сознания, которое приближает к Истине, возвышает, открывает новые горизонты, дает возможность распоряжаться все большей энергией и действовать все более свободно. Человек начинает видеть действие закона Причинности (или Справедливости или Кармы), понимает, что любая причина порождает подобное же следствие – “что посеешь, то и пожнёшь” – и учится порождать только благотворные причины и в то же время терпеливо сносить печальные следствия им же посеянных негативных причин. Если какой-либо умник идёт против эволюции, у него неизбежно сознание сужается, и он перестаёт понимать самые простые вещи. Мир для него становится непредсказуемым, жизнь – случайной, беды – незаслуженными, сам он хорош, весь мир перед ним виноват, надо против него бороться... Понятно, что кончает он сумасшествием и гибелью.

Что же касается “прогресса”, то его выдумали те же умники, которые ничего не поняли в эволюции. У них прогресс всё лучше, а жизнь почему-то всё хуже. Но это их не смущает. Они продолжают “идти по пути прогресса” и ругают отсталыми тех, кто отказывается следовать за ними, передовыми на этом гибельном пути.

Прогресс. Progressio (лат.) – движение вперед.

Выражение “двигаться вперёд” или “двигаться назад” не имеет смысла, пока не определена цель. А ЦЕЛЬ “ПРОГРЕССА” – УНИЧТОЖЕНИЕ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ. Именно к ней ведут ВСЕ так называемые “прогрессивные” начинания в науке, технике, идеологии, политике... Происходит стремительная замена живого – механическим, искусственным. Но начиналось всё с подмены ИСТИНЫ – ложью. А ложь – в слове. Вот, оказывается, куда ведут вроде бы невинные литературные забавы, словесно выраженное вранье.

Оба журнала являлись трибуной всё тех же революционных демократов, и акция была чисто политической.

12) Анненков, конечно же, не расстался с темой. Теме прославления кумира, так удачно начатой, не видно было конца. (Бег по кругу – он же бесконечен!) Он писал: заслуги Пушкина *“делу воспитания благородной мысли и изящного чувства в отечестве”*... Пушкин – воспитатель отечества! Чем же, словами? личным примером?... Но ещё живы были люди, знавшие новоиспеченного кумира, потому Анненков оговаривается, что есть воззрение, представляющее его *“прототипом демонической натуры, не признававшей ничего святого на земле, кроме своих личных или авторских интересов”*.

Позднее были изъяты любые упоминания о подобных воззрениях, чтобы читатели невзначай не задумались и не полезли рыться в первоисточниках. И остался для изучения и прославления только тот гигант, “светоч” и т.д., которого своими перьями создала эта К°. Кроме продажных перьев там поучаствовали, разумеется, огромные деньги.

13) Анненков: *“Конечная цель всех его [Пушкина] рассуждений была всё-таки забота о народе...”* Под это цинично-лживое утверждение, по сути, была подогнана вся пушкинистика.

Сам Анненков насчёт Пушкина не обманывался, поскольку принадлежал той же духовной семье. В 1887 г., когда он умер, его наследием занялись “краеведы”. Комиссия побывала в его усадьбе. В богатой библиотеке он хранил то, что считал для себя ценным: журналы “Современник”, “Отечественные записки”, “Вестник Европы”, “Русская беседа”, “Русский вестник”. Там были посмертные маски Пушкина и Белинского, бюст Белинского. Три книжных шкафа: в первом – история, русская классика, его, Анненкова, издание Пушкина в дорогом переплёте с золотым обрезом; во втором – на французском и немецком иностранные авторы: история России и французская революция; в третьем – русские заграничные издания (Герцен и К°). А ещё несколько больших шкафов французской иллюстрированной порнографии – это уже для души. (Не всё же, как человеку, ходить, надо и расслабляться, вставать на все четыре...) Его библиотека была непротиворечива по духу: там были Пушкин, Герцен, французы и порнография, но Литература там не упоминается.

14) Свою часть работы по возведению кумира сделал некий А.Ф.Отто. Он не знал родителей, был подкидышем, носил фамилию Отто – женщины, которая его вырастила на деньги от неизвестного лица, прилепился к семье Жуковского, был неразлучен с его сыном. Нашли его младенцем, по его рассказам, в 1845 г., а собирать всё о кумире он начал в 60-х гг. В 1883 г. сын Жуковского передал ему большой пакет с рукописями Пушкина, потом бумаги отца о дуэли и смерти Пушкина, потом добавился архив Жуковского. Отто “во имя безкорыстной любви взял себе псевдоним Онегин, всю жизнь собирал, бережно хранил всё, что было связано с именем его кумира” – рукописи, переписку, документы, портреты и т.п. Вывез всё в Париж и в 1908 году согласился (!) завещать всё Пушкинскому дому за вознаграждение 10 тысяч рублей и 6 тысяч ежегодной пенсии. Договор соблюдался до середины 1917 г., потом связи прервались. В 1922 г. Большевики уговорили (!) Онегина продолжить выкачивание денег из России, они выплатили задолженность и продолжали платить пенсию: “18.03.1923 г. коллегия Наркомпроса постановила срочно перевести Онегину 15 тысяч рублей золотом”. Платили ему, “безкорыстному” почитателю самодельного кумира, до его, Онегина, смерти в 1925 г. Потом приняли “святую”, упаковали, вывезли в Ленинград 21.06.1927 г., в Пушкинский дом. Как видим, дорого стоили России литературоведческие игры.

14) 1880 год. Открытие памятника Пушкину. На открытии памятника И.С.Тургенев сказал: *“Он испытал охлаждение к себе современников; последующие поколения ещё более удалились от него, перестали нуждаться в нём, воспитываться на нём, и только в недавнее время снова становится заметным возвращение к его поэзии.”* Это “недавнее время” удивительным образом совпало с размножением революционных организаций в России, с покушениями на Самодержца.

15) Богатую пищу для размышлений дают воспоминания Анненкова. В закрытых учебных заведениях, где воспитывался цвет России, преподавали молодые учителя, бывшие выпускники университетов, заражённые масонской идеологией. Была наука о литературе, но эти учителя создавали новую струю преподавания, основанную на писаниях и оценках Белинского. Эта струя “постоянно смывала в молодых умах всё”, что давала

русская литература. Воцарялись легионерские “мнения” и оценки. Скоро этот яд распространился и на гимназии. Белинский как идеолог антирусского направления давал основной тон, который тут же подхватывался большим тайным “хором”. Он давал “поклонение безусловное, почти падение в прах пред святыней поэзии и перед ...художником (Пушкиным)”. Ничего, разумеется, не обосновывая: приказы не обосновывают, их исполняют... Вот пример. Он объявил его (“Каменный гость” Пушкина) произведением всемирным и колоссальности неизмеримой. Когда мы просили его разъяснить, в чём заключается мировое значение этого создания... он сконфуженно проговорил: *“Вот этак со мною всегда случается: примусь за дело, занесусь бог знает куда, да и опешусь: не знаю, как выразить мою мысль, которая, однако ж, для меня совершенно ясна”* [10, с.124]. (Надо же, вот так же обосновывают на экзаменах свои сногшибательные заявления студенты-двоечники! Кем он был, тем же и остался...)

Если бы такими курьезами и дело кончилось! Нет, критик выдавал ещё и идеологические программы. “Белинский сформулировал многие оценки, до сих пор остающиеся общепринятыми” [7, с.576]. Что же это за оценки?

“Белинский создаёт особые права, преимущества, даже **ОСОБУЮ НРАВСТВЕННОСТЬ** (выделено мною – авт.) для великих художников, великих законодателей, гениальных людей вообще, которые уполномочиваются изобретать особые дороги для себя и вести по ним современников и человечество, не обращая внимания на их протесты, волнения...” [10, с.130]. Вот для этого его и держали...

16) В “Русском архиве” № 2-1899 г. было напечатано стихотворное оскорбление 16-летнего А.Пушкина в адрес Шишкова, Шаховского, Шихматова.

В том же 1899 г., 4 мая было создано пушкинское лицейское общество. “По ходатайству прогрессивной общественности” на здании Лицея была установлена мемориальная доска. Цель общества: “§1. Всестороннее изучение творений Пушкина, разъяснение и распространение во всех слоях русского народа. Для достижения этой цели Общество должно было собирать сведения о жизни и деятельности Пушкина, рукописи, печатные издания и предметы, относящиеся к его жизни и твор-

честву; предпринимать исследования о значении Пушкина в историческом, художественном и нравственном (!) отношении; издавать сочинения Пушкина, а также произведения других русских писателей, являвшихся его предшественниками или продолжателями". Цель заявлена с поразительной откровенностью! Ещё цель: "проведение пушкинских вечеров, посвящённых чтению его произведений и их разбору, беседам о них. Предполагалось устраивать публичные пушкинские чтения, концерты, театральные представления.

Через 77 лет, 25.05.1976 г. "коллективу Всесоюзного музея А.С.Пушкина вручен орден Трудового Красного Знамени за большую работу по эстетическому воспитанию и пропаганде ¹² творческого наследия великого русского поэта".

17) И, наконец, в 1905 году (ни раньше, ни позже – надо же, опять совпадение!) организуется НИИ литературоведения, он же "Пушкинский дом", Институт русской литературы.

18) Масса кумироведения стала нарастать как лавина. Именем его называли города, улицы, станции, дома культуры и т.д. Начиная с 1899 г. выходят сборники, в которых напечатано всё, сказанное о кумире. Вот так, например:

"Русские поэты о Пушкине", "Пушкиниана", "Поэты – поэту", "Пушкин в русской поэзии", "Пушкин. Сборник критических статей", "Пушкин в советской художественной литературе", "Венок Пушкину", "Пушкин в стихах советских поэтов", "Рассказы о Пушкине", "Вокруг Пушкина"... Есть ещё книги о потомках Пушкина, есть тематические сборники, типа "Пушкин и медицина".

Тема "По пушкинским местам" просто необъятна: туда можно включить все места, где он был, где были его родственники, где он не был, но хотел побывать и т.д.

О нём писали Есенин, Маяковский, Брюсов, Зенкевич, Шенгели, Горький, Багрицкий, Антокольский, Вера Инбер,

¹² СЭС: "Пропаганда (от лат. propaganda – подлежащее распространению) – распространение полит., философ., науч., худ. и др. идей в обществе; ... политич., или идеологич. П. с целью формирования у масс опред. мировоззрения. Бурж. П. имеет целью навязывание массам ложных идей, теорий, необъективной информации в интересах господствующих классов..."

КСИС: "Пропаганда – ... идейное воздействие на широкие массы, носящее политический характер".

С.Маршак, М.Светлов, М.Пришвин, А.Слонимский, К.Паустовский, О.Форш, и многие, многие...

ЧТО ЭТО ДАСТ ДЛЯ МОЕГО СПАСЕНИЯ?..

А другие многие писали и продолжают писать о тех, которые писали о нём. Лавина – она так и выглядит: катится вниз, наращивая массу и скорость, пока на дне пропасти не успокоится.

Стоит отметить одну забавную особенность кумирологии. В глубине своей оно неизменно проводит определенную совокупность разрушительных, ядовитых идей, а на поверхности с необыкновенной гибкостью и лёгкостью меняет взгляды и оценки на все 180°, в зависимости от политических процессов и сиюминутной выгоды.

Вот примеры.

1. “В последние годы жизни, проникнутый живым и теплым религиозным чувством, Пушкин прилежно изучил ... Четьи-Минеи (написанные по-русски – авт.) и переложил на простой (на французский, что ли? – Авт.) язык, доступный всякому, повествование о житии преп. Саввы игумена. Участвовал в составлении исторического Словаря о Святых, прославленных в Российской Церкви, который предпринят был одним из бывших лицейских воспитанников (М.Л.Яковлев, в то время был директором типографии. – Авт.), и отдал об этой книге отчёт в “Современник”: здесь он удивляется людям, часто не имеющим понятия о жизни того Святого, имя которого носят... (Это говорит не столько о возвышенных его устремлениях, сколько о ещё одной грани большого лицедейского таланта: см. другие его занятия и высказывания, относящиеся к тому же времени. Кроме того, в эти же годы он пытался написать поэму о библейской героине Юдифи (Иудифи), которая проникла в стан врага и убила военачальника Олоферна. Коварно обольстить, войти в доверие и убить спящего – этот «подвиг» вполне в духе иудеев. А воспеть его в поэме – вполне в духе Пушкина [11]. – Авт.) ... Находил наслаждение в чтении Евангелия и многие места заучивал наизусть. Живо помнил молитву, произносимую в дни Великого Поста, и благоговейное сочувствие к ней выразил в стихотворении “Молитва” [12] ¹³.

¹³ Кошунственная идея прикрываться именем Господа не нова.

“Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!” войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. →

“Поэт имел намерение выстроить в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня, хотя ранняя смерть не позволила ему осуществить этого благого намерения” [12]. Та же причина ничуть не помешала осуществить намерение другое – отдать и свои и занятые, чужие деньги на служение извечному врагу. Вспомним: “богу молиться” – между приятелями означало играть в карты.

2. Но вот наверх вылезли революционеры, у которых вместо совести и веры имелся только “классовый нюх” и “классовая ненависть” ко всему русскому. И что же? Они тут же признали Пушкина своим!

В.Брюсов: *“Почему должно изучать Пушкина? Последнее время замечается новое оживление в изучении Пушкина. Появился ряд очень интересных, весьма ценных работ о Пушкине, его биографии, его творчестве, его рукописях. Таково издание “Атеней”, под заглавием “Неизданный Пушкин”, где впервые опубликованы пушкинские рукописи, хранящиеся в Париже, в “Онегинском музее”; таково новое издание “Гавриилиады”, проредактированное... Томашевским... В наши дни никто более не сомневается, что Пушкин – величайший из наших (то есть из ИХ – авт.) поэтов... Историко-литературное изучение Пушкина необходимо и плодотворно”. ...Из другой статьи: “Великому поэту приходилось искажать, вернее, маскировать свои мысли, чтобы исполнить долг журналиста и гражданина”.*

“Пушкин и царизм”: *“Меня упрекали за то, что я будто бы стараюсь выставить Пушкина революционером, чтобы “обелить” его в глазах современного русского читателя (писано в 1923 г. – Авт.), смыть с него клеймо монархических убеждений. Считаю такие обвинения глубоко ошибочными. Революционером Пушкин был не только безсознательно, в глубинах своего творческого понимания, но и сознательно, в своих логически обдуманых суждениях. Это твёрдый вывод из того внимательного изучения Пушкина, которое в моей жизни заняло вот уже почти 40 лет”.*

Многие скажут Мне в тот день: “Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?..

И тогда объявлю им: “Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие” (Мф. 7, 21-23).

Что ж, ему можно верить: он был профессиональным пушкинистом, состоял, как помним, в масонской ложе “Люцифер”, первые труды о кумире напечатал в 1899 г., состоя, видимо, в рядах той самой “общественности”, которая “не мыслила жизни без Пушкина”.

3. А вот якобы “народный” Пушкин. Б.Шергин записал рассказы северян. По сути это свидетельство того, как подействовала массированная пропаганда на умы простодушных северян, во что переплавилась.

“Вся история женитьбы доказывает, что узы брака были для поэта священны. Взял за себя великую модницу и был влюблен до ужаси. ... Жена Пушкина... Слово-то какое, ответственность какая! В ейны годы ПУШКИНУ надо было соответствовать, да ещё, как теперь выясняется, царскому настойчивому искательству противостоять”.

Этакая псевдонародная галантерейность получилась. Да ещё попорченная ложью. Откуда такое на Севере? Оказывается, жил в Петербурге ученик аптекаря, часто видел Пушкина, умел артистически его копировать. В середине века поселился в Архангельске, женился на северянке. Вот его дочь, уже старушка, М.Э.Генрихсен и разносила всюду эти рассказы.

Другой источник “народного Пушкина”. Сам Шергин в период подготовки юбилея в 1935 г. читал и рассказывал о Пушкине на квартире северянок, обладавших поэтическим даром. Они по-своему пересказывали то, что слышали и так, как понимали официальную версию.

“Он пусты книги наполнил, неустроену речь устроил... Теперешны писатели от Пушкина взялись да пошли. Вот газету добыла, почитай-ко, почему он на белом свете нажился скоро... Ужо молчи, я засказываю сама. Ноне досмотрелась в книгах, что царь кавалера-то подослал. Он давно Пушкина ненавидел, для того что Пушкин смала письмами да стихом властям задосадил. Этот Перьвой Николай терпеть не может людей, которы звыше его учёны. Укладывают с Дантесом:

— Женку мы у его урвали, тепере надо самого убить”.

“Народ — дитя”. Обманули его, а потом от его имени славили кумира. Так вот и получилась “всенародная любовь”.

Итак, есть Пушкин “глубоко верующий”, есть “борец-революционер”, есть “народный”, есть “мистический”. Появился “демократический”, “пророческий”, намечается “святой”. Дальше посмотрим, куда ветер подует.

Остаётся добавить: есть такая профессия – пушкиновед. Бывают пушкиноведы видные, это Цявловский, Борис Модзалевский (в 1908 г. ездил в Париж к Онегину вести переговоры о драгоценном наследии кумира. Онегин даже посвятил ему стишок: *“Тень Пушкина меня усыновила, Онегиным из гроба нарекла, Вокруг меня газетки возмутила И в жертву мне Бориса обрекла...”*), Томашевский (он посвятил жизнь разгребанию и воспеванию “Гавриилиады”)...

Но есть, наверное, пушкиноведы и невидные, которые проводят научные исследования, а потом излагают факты, называя вещи своими именами. И чёрным делам не изобретают белых имен. А невидные они, потому что за правду не награждают и званий не дают. Скорее, наоборот... И в школе их не изучают, и не очень-то печатают.

Губер П.: *“Гавриилиада”, напечатанная полностью в России совсем недавно (сказано это в 1923 г. - авт.), является памятником ... цинического нигилизма*. Она *“содержит не только издевательство над религией, но и яростное оскорбление любви. В прологе “Гавриилиады”, как в одновременных с нею непристойных эпиграммах... образ еврейки, за поцелуй которой Пушкин выражает готовность приступить к вере Моисея”* [13, с.74].

Гр. А.Ф.Закревская *“славилась в свете многочисленностью любовных похождений” и наглостью, “с которой она афишировала свой образ действий. О цинизме её рассказывали чудеса. Кроткие, благонравные души, вроде С.Т.Аксакова, глядели на неё почти с ужасом. Но весь нравственный облик её необычайно понравился Пушкину, которого она приблизила к себе летом 1828 г. и сделала поверенным своих тайн”*.

Пушкин – Вяземскому: *“Я ей пишу стихи. А она произвела меня в сводники (к чему влекли меня всегдашняя склонность и ...)”*. Дальше язык пушкинский на язык русский не переводится, поскольку мерзок. “А вот как развил он ту же тему на ЯЗЫКЕ БОГОВ, то есть в стихах: *“...Страстей безумных и мятежных Как упоителен язык!”*

Попробуем перевести с пушкинского языка на русский.

ДАЛЬ: “СТРАСТЬ – муки, маета, мученье... тоска; безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье. Страсти человека отделены от разумного начала, подчинены ему, но вечно с ним враждуют и никакой меры не знают. Всякая страсть слепа и безумна... Человек в страсти хуже зверя.

МЯТЕЖ – от слова мясти – приводить в смущение, мутить, смущать; тревожить, беспокоить, перебивать туда и сюда.

УПОИТЕЛЬНЫЙ – охмеляющий, опьяняющий”.

Таким образом, Пушкин воспевал безумие. Чтобы это скрыть, понадобились специальный словарь пушкинского языка и легион пушкиноведов – маскировщиков. Они стараются скрыть, что он сам себя разрушил, что продажность ВСЕГДА кончается так. П.Губер: *“В 1828 г. Пушкин был уже далеко не юноша, тем более, что после бурных годов... и после тяжких болезней он казался по наружности истощённым и увядшим; резкие морщины виднелись на его лице, но всё ещё хотел казаться юношей”* [13, с.169].

Видные пушкиноведы скрывали правду о нем и перетолковывали смысл его писаний, изображая их ещё более прельстительными. Это и было целью кумироведения.

Остаётся добавить: признание самих критиков в том, что *“критика активно влияла на развитие литературы”* является саморазоблачением. Дело в том, что на настоящую литературу никто не может влиять, так как Слово дается человеку свыше, по мере вмещения им Истины, по мере его собственного роста. Но если у них при писателе и над ним есть критик с функциями комиссара, то вся эта система является искусственной, мёртвой, обслуживает политические цели, а не несёт Слово Истины.

Они искали выгоды, служили неправде – и вот наступает расплата.

Литературоведы – не злодеи. Просто они ничего не смыслят в возвышенном, так как оно – вне сферы их узкого понимания. Раскручивают тех сочинителей, которые близки и понятны им самим. Копаться в низком и иметь с этого выгоду – это и есть их литературоведение.

“В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается), поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишённому поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Ал.Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину, а потом уже всё мешается, и являются стихотворцы, им же имя легион, которые даже не знают, что такое поэзия и что значит то, что они пишут и зачем они пишут” (Л.Н.Толстой).

Лермонтовведение

Глава

четвёртая

Сочетание “Пушкин и Лермонтов – великие русские писатели и поэты” давно внедрено в качестве штампа, неделимой единицы. Придётся внимательно рассмотреть и вторую фигуру.

Лермонтов М.Ю. (1814 – 1841). Даты рождения и смерти поразительно “рифмуются” с датами начала двух страшных войн – ровно через столетие.

1914 г. – первая мировая война.

1941 г. – Великая Отечественная война.

Более того, рифмуются и 150-летия:

1964 г. – переворот, Брежнев сместил Хрущева и занял его место.

1991 г. – опять переворот, развал Союза.

Предки Лермонтова. По отцу предками Л. считаются шотландские дворяне, которые происходили от Лермонта, поэта, прозванного Томасом-Рифмачом.

Мишей его называли в честь деда Арсеньева М.В. От деда он перенял характер, привычки, нрав. А тот был необуздан, непредсказуем. Он увлекался театром, у себя в имении ставил спектакли, устраивал маскарады. 1.01.1810 г. ставили “Гамлета”. М.В. (ему было 42 года) играл роль могильщика. В антракте подсел к жене и дочери и сказал: “Ну, любезная моя Лизанька, ты у меня будешь вдовушкой, а ты, Машенька, будешь сироткой”. Ушёл в гардеробную и отравился. Спасти его не удалось. Это была позорная, греховная смерть. Вдова не осталась на похороны, уехала. У Л. тоже была страсть к маскараду, мрачному театру, тяга к смерти и разрушению.

Один из братьев бабушки Л., Дмитрий, был командиром корпуса, другом Пестеля. Декабристы хотели его ввести в состав своего временного правительства.

Отец Л. был любителем вина, карт и женщин. Мать умерла от чахотки. Заболела же она после того, как муж ударил её

кулаком в лицо. Л. было 16 лет, когда умер и отец. Сын посвятил ему стихи:

*“Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной...”*

Писания Лермонтова. Домашние с удивлением отметили, что маленький Миша, только научившись говорить, стал сразу же рифмовать слова, а потом и фразы ¹.

В детстве он дважды был с бабушкой на Кавказе – и заболел Кавказом на всю жизнь. Тянуло его к Пушкину, восхищался Байроном. Начало поэтического пути: первая поэма – “Черкесы” (1828 г.), “Кавказский пленник” (1828 г.) – написал под впечатлением сочинений Пушкина, первое драматическое произведение – либретто к опере “Цыганы” по Пушкину (1829 г.). Пушкин напечатал “Мой демон” в 1824 г. в духе кокетливого заигрывания с нечистой силой, Л. начал писать своего “Демона” в 1829 г. и писал его 10 лет. Он сразу попал в его власть:

*“И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня...”*

Такова была питательная среда его творчества.

Л. имел музыкальные и художественные способности. Технично рисовал, но и тут имел все те же пристрастия: парус, береза в трещине развалин, слеза, лист, оторванный бурей, разбитый челн. И сюжеты: скачка, битва, дуэль, убийство.

То же самое и в слове: его тянула к себе тьма, а свет никогда не привлекал. В 14-летнем возрасте он пишет “Преступника”, писание, показавшее поразительное в таком возрасте внимание к грязи, пороку, разврату, склонность погружаться в злобные и соблазнительные переживания. С годами его страсть ко злу только увеличивалась, “видимо, питаемая нарастающими богатствами личного опыта” [1, с.202].

¹ Стоит поразмыслить о природе этого явления, когда рифмованные готовые строки сами лезут в голову. Всякий, кто изучал Л. в школе, знает, насколько навязчивы и прилипчивы его “На смерть поэта”, отрывки из “Мцыри”: он передал читателям только то, что получил сам. А получал он всё то же: гордый и надменный, эгоист, который не столько страдает сам, сколько изощрённо мучает других, получая от этого удовольствие садиста.

Но собственного погружения в грязь и тьму было ему мало, он заставлял читателя переживать все пороки и злобу героев. “Лермонтов систематически ПРИВИВАЕТ читателю жгучий яд страстей и страданий. Читательский покой ему также несносен, как покой собственный. ... Чем страшнее мытарства, тем выразительнее становится язык Лермонтова, тем, кажется, он полнее ощущает удовлетворение” [1, с.203].

Да, когда Л. пишет о вещах достаточно нейтральных или пытается изобразить нечто светлое и порядочное, получается у него неуклюже, коряво, фальшиво, мелодраматично. Но чем более поганым становится содержание, тем ровнее, увереннее и прельстительнее язык. А уж когда речь идет о своём, родном – о зле, тут ему и равных нет в умении подобрать поэтические красоты.

Пушкин и романтики отворачивались от прекрасного Божьего мира, от чистой лучезарной красоты. Они строили свой мир, в котором непременно должен быть порок, “украшали” мир безобразием, внушали себе и другим, что запачканная красота от грязи только выигрывает. (Параллель из области медицины: здоровый человек некрасив, а вот умирающий больной просто-таки прекрасен. Ах, какая у него интересная бледность!..) Лермонтов прошёл дальше по тому же пути, воспел страсти лютые, порок, злобу – словом, то, что носил в себе, в своей чёрной душе. Ему нравилась тьма, она для него прекрасна и притягательна.

Ломоносов, Державин воспели Творца, Жизнедателя и всё живое, послушное Его законам. Пушкин и К° воспевали тех, которые отпали от Творца и жизни не имеют, скачут и беснуются, прожигая остатки своей жизни. А Лермонтов воспевал тех, которые уже всё потратили и начали разлагаться.

Этот трупный яд литературоведы упаковывали в яркие обёртки из правильно-красивых слов, критики сочиняли рекламу (вот такую, например: “Кто не полюбил стихов смолоду, ... тот не человек”, Белинский), политики отправляли продукцию в школы и другие учебно-воспитательные учреждения и там кормили этим всех детей России. И продолжается эта диверсия до сих пор.

В Л. открыто проявлялась тяга к самоубийству и убийству (вспомним его наследственность!), что говорит о серьёзном

повреждении психики, о вырождении. На это стремление к смерти наложилась страсть к театрализации. Прочие его качества, как, например, коварство ² и жестокость, садизм, имели именно это основание.

Проявлялся этот отвратительный “букет” и в его писаниях, и в его поступках.

Дважды его ссылали на Кавказ. Однажды во время стоянки он предложил Л.Пушкину, Глебову, Палену, С.Долгорукову, Баумгартену и др. пойти поужинать за черту лагеря. Это было строго запрещено: опасно для жизни, неосторожных выслеживал неприятель. Они взяли денщиков и пошли в ложбинку за холмом, так как Л. сказал, что заранее поставил там часового. (Его было чуть видно в тумане.) Развели огонь, выпивали, ели, разговаривали о возможном нападении горцев. Л.Пушкин и Л. острили. Л. был в ударе, все хохотали, забыв об осторожности. Утром вернулись в лагерь. И там Л. признался, что вместо часового сам поставил чучело... [2]. За доверие к этому человеку можно было поплатиться жизнью. А быть его другом – смертельно опасно.

Л. искал смерти – неважно чьей. Сам спровоцировал дуэль, оскорбив публично Мартынова. “Мартынов подошёл к Лермонтову и сказал ему очень тихим и ровным голосом по-французски: “Вы знаете, Лермонтов, что я очень часто терпел ваши шутки, но не люблю, чтобы их повторяли при дамах”, – на что Лермонтов таким же спокойным тоном отвечал: “А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворения”. Друзья старались потом их примирить – бесполезно. Во время дуэли на горе Машук разразилась страшная гроза. Л. был убит наповал. Доктора не было: все доктора, которых просили присутствовать при беззаконии, наотрез отказались, а потом секунданты никак не могли найти извозчика – перевезти труп, извозчики отказались [3, с.241-242].

Ещё в 6 лет один из первых детских рисунков – памятник в цветах, урна.

Что он делал, о чём думал, чем жила его душа, о том он и писал. Порвав связь с Жизнедателем, он испытывал постоян-

² ДАЛЬ: “Коварство. Коварный – кто куёт ковы, нута. Лукавый, злорадный, хитрый, скрытный и злобный, замышляющий, двуличный, проискливый на зло”.

ный энергетический голод, который толкал его породить и распространять вампирические образы. Заявил он это прямым текстом, ничего не скрывая. *“...Она проведёт ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира”*. *“Я только удовлетворял странную ПОТРЕБНОСТЬ* (выделено мною. – Авт.), *с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться”*. (“Герой нашего времени”, Лермонтов.) У Веры чахотка, Мэри заболела, Бэла погибла...

“Образ Печорина”... Печорин – провокатор, существо опустошенное, низкое и злобное. Он замкнулся в “гордом одиночестве”³.

Письмо Веры Печорину надуманно, нелогично, фальшиво. Никакая нормальная Вера не могла написать ничего подобного, это ложь. Но зато письмо это – декларация самого автора, его вожаемая мечта. *“Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин... в твоей природе есть что-то особенное (хоботок, наверное? – Авт.), тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное... в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая, (вот-вот, иметь власть над жертвой – мечта любого кровососа – авт.) никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым (то есть хотеть “кушать” – авт.); ни в ком зло не бывает так привлекательно...”* (Мечты, мечты: к “привлекательному злодею” выстроилась очередь – кормить его.)

Как же столь дрянное существо стало “Героем времени”?

Да всё так же. Никому из православных не нужен был ни “герой”, ни его вечно голодный (энергетически) автор со своим позёрством, кокетством, чёрной злобой, кутежами, бретёрством (провокааторством), угрюмым развратом. Он не только был не нужен, он был отвратителен со своим воспеванием всякой гнили. И поэтому проталкивали его с боями. Бой “за Лермонтова” вела все та же компания: Белинский, Герцен и др.

³ Энергетический аспект. Замкнутая система энтропийна. При этом энергия для поддержания жизненных процессов может быть получена только незаконно, паразитическим путём, путём энергетического выкачивания жизненных сил из окружающих.

Возведение в кумиры. Белинский назвал Лермонтова поэтом русским, народным, “в высшем и благороднейшем значении этого слова” [4, с.521]. Как всегда, без доказательств. Зная манеру “великого критика” врать чушь – по его собственному признанию, мы не поверим ему на слово. а рассмотрим ФАКТЫ, оставив в стороне ОЦЕНКИ.

Что сочинял Лермонтов? “Кавказский пленник” (по Пушкину и Бестужеву-Марлинскому), “Черкесы”, “Цыганы” (либретто, по Пушкину), “Корсар” (корсар – морской разбойник, пират; по Байрону) “Каллы” (“Убийца”, черкес.), “Преступник”, “Ангел смерти” (восточная повесть, связана с “Каином” Байрона), “Измаил-бей”, “Литвинка”, “Аул Бастунджи”, “Хаджи Абрек”, “Беглец” (горская легенда), “Демон”, “Мцыри”, “Сашка” и т.д. Кому всё это нужно и зачем?

Для кого он это писал, для горцев? Нет, для русских читателей, которые не знают глубоко ни жизни горцев, ни их культуры. Чего, впрочем, не знал и сам Л. И не пытался узнать, судя по его писаниям. Ему нужен был только восточный колорит, чтобы как-то приукрасить разврат, гордыню, преступления, гибель.

Идеал русского народа – вера в Бога, следование Его заповедям, доброта, незлобливость, возвышенные мысли и чувства. Л. и его герои представляют собой полную противоположность, следовательно, ни русским, ни народным он никак не может быть назван. Кроме того, раз его приняли как своего и восславили те самые антирусские и антинародные круги, это может служить точной рекомендацией его как крупного легионерского писателя.

Возводить его на пьедестал было критикам ещё труднее, чем Пушкина. Тот писал, по крайней мере, кое-что развлекательное и развесёлое, хорошо владел формой. Так что и маскировать его писания под “возвышенное” было несравненно легче. И если страсти Пушкина ещё называли “знойными”, то страсти Лермонтова можно назвать только “гнойными”.

“Я не создан для людей: я для них слишком горд, они для меня слишком подлы...” “Собрание зол его стихия...” “Враждебной силою гоним, я тем живу, что смерть другим...” Всё-то у него демон, ад, смерть, гордость и одиночество, мщение и обман, Байрон, вампирские штучки, да трупный юмор.

Это сколько же пришлось потрудиться критикам, чтобы как-то оправдать и приукрасить это разложение духа! Поистине адский труд! Белинский: автор “Мцыри” *“брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров...”* Великий мастер пустословия! Но любил он — ох, любил! — и помудрствовать, правда, попадая всё мимо и мимо. *“Наш век есть век сознания, философствующего духа, размышления, “рефлексии”* [4, с.518]. *“Глубокий и могучий дух. Как верно он смотрит на искусство...”* (Напомним, по Белинскому, “верно” — это вовсе не то, что соответствует Закону, а, наоборот, то, что в данный момент кажется таковым ему, критику.) Ему старательно, на грани пародии, вторил Герцен: *“Он (Л.) влачил тяжёлый груз скептицизма... Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе...”*⁴.

Пробовал он писать “под настоящее”, но безуспешно. Всякий раз получалась то нелепость, то банальная безграмотность. Не надо забывать, что Л. получил традиционное легионерское образование: недоучившийся студент Московского университета, он окончил школу гвардейских подпрапорщиков. Вот и писал, как умел.

*“И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом”.*

*“...мой дух бессмертен силой,
мой гений веки пролетит...”*

“Печально я гляжу на наше поколение!”

“...из пламя и света рожденное слово”.

По поводу последней строчки, которую печатают везде недрогнувшей рукой. Лермонтов принёс стихотворение в “Оте-

⁴ Представим себе картину: идёт дурень, тащит на спине мешок камней. Лицо страдальческое, стонет, хнычет, да при этом ещё и стишок говорит о том, как ему тяжело ходить бесконечно по кругу и таскать на себе этот мешок, как ему одиноко — а ему действительно одиноко, потому что все нормальные люди делом заняты, никто на его, дурня, проблемы внимания не обращает. А если и обращают, то советуют бросить маяться дурью и взяться за работу. Но разделить с ним его “труды” и терзания никому и в голову не придёт. Так вот грехи и заморочки человека — точно такие же камни на душе, которые он по глупости таскает с собой, вместо того, чтобы покаяться, сбросить и дальше идти с лёгким сердцем. Грехи действительно тяжки, действительно причиняют страдания, но кто же заставляет человека за них цепляться! Но если он подбирает по дороге всё новые и новые камни, взваливает на себя, да ещё сочиняет про каждый стишок со слезой — это уже не трагедия, а фарс.

чественные записки”. Редактор Краевский сделал замечание: “из пламя” – не по-русски. Л. попытался переделать, ничего не получилось – бросил:

– *Нет, ничего нейдёт в голову. Печатай так, как есть. Сойдёт с рук...*”

Сошло...

В то время в “Отечественных записках” главным критиком был Белинский. И.И.Панаев свидетельствует: *“Каждое новое его (Л.) стихотворение в “Отечественных записках” приводило Белинского в экстаз”*⁵.

Белинский – Боткину (1840 г.): *“Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант!”*

России Лермонтов не знал и знать не хотел:

“Люблю отчизну я, но странною любовью...”

“Прощай, немытая Россия...”

Писал он о своём отечестве, как чужестранец, причём, недоброжелательный. (Кстати первое своё опубликованное стихотворение в 1830 г. он подписал так: “L”.)

Современники его не приняли, он со своими позами просто был не нужен никому. Тогда ещё все-таки проявляли внимание к тому, ЧТО человек написал, а не КАК, хотя ретивые критики старательно перевоспитывали читающую публику, чтобы иметь возможность сбывать свой залежалый товар. Но поскольку “свой” дружно проталкивали Л. в кумиры следом за Пушкиным, на это надо было как-то реагировать. Издатель журнала “Маяк” С.Д.Бурачек громил его писания, (“Маяк” 1840 г. определил Печорина как “эстетическую и психологическую нелепость”, а “Героя” – как “клевету на целое поколение людей”), С.П.Шевырев (1806 – 1864) (поэт, историк литературы, академик, вместе с М.П. Погодиным возглавлял журнал “Московитянин”) доказывал его несостоятельность. “Героя нашего времени” он назвал ученическим эскизом. *“Это просто неудавшийся опыт юного писателя... слабый, нетвёрдый очерк молодого художника, который обещал что-то, – великое или малое – неизвестно, – но только обещал. Тут на всяком шагу ви-*

⁵ КСИС: “Экстаз (гр. extasis – восхищение) – крайняя степень воодушевления, восторга; э. иногда принимает болезненные формы, переходя в исступление”.

ден ещё человек, который говорит о жизни БЕЗ ВСЯКОЙ ОПЫТНОСТИ, об обществе БЕЗ НАБЛЮДЕНИЯ, о своём времени БЕЗ ПОЗНАНИЯ ПРОШЕДШЕГО И НАСТОЯЩЕГО, о свете ПО СПЛЕТНЯМ юношеским, о страстях ПО СЛУХУ, о людях ПО КНИГАМ, и думает, будто понял сердце человеческое — ИЗ РАЗГОВОРА В МАЗУРКЕ, будто может судить о человечестве, потому что глядел в лорнетку на львёнков, гуляющих по тротуару”.

И самое главное, у Л. нет в сочинениях ДОБРА и нет ПРАВДЫ, без чего обезценивается любое даже талантливое по форме, даже хитроумно и умело построенное произведение. И вот именно поэтому вся компания критиков устроила ему такую шумную и крикливую рекламу. Критики не делали честного анализа, поскольку анализировать там нечего. Они действовали как ярмарочные зазывалы, давили на подсознание, соблазняли, завлекали, заклинали, не давали опомниться, заставляли раскошелиться замороченных читателей (они же покупатели!). Белинский: *“Всё написанное им интересно и должно быть обнародовано... Поэт гордо чувствовал в себе прозябание семян великих будущих творений... Публика многого, слишком много лишилась бы, если бы издатели стихотворений Лермонтова не сделали известными ей этих великих начатков будущей колоссальной славы будущего великого поэта... Новое издание... красиво и даже изящно, что составляет немалое достоинство”*. *“Нет нужды говорить и доказывать, что Л. был великий поэт: в этом уже давно и единодушно согласились все, кто только не лишён здравого смысла и эстетического чувства”*⁶.

“Один журнал жестоко нападал на “Отечественные записки” за помещение будто бы лермонтовского хлама, делаемое будто бы из корыстных расчётов...” Да, русские громко говорили о том, что и король-то голый, и мошенники корыстно хвалят его “новый наряд”. Говорили о Л., как о “баловне из аристократической семьи, как о бездельнике, погибающем от скуки и пресыщения”. Видели его увлечение пустым времяпрепровождением на балах и маскарадах, его злобу и коварство, его злословие и

⁶ Ну как тут не вспомнить Андерсена! Два мошенника действовали точно так же: они говорили, что тот, кто не видит созданное ими новое платье короля, тот сидит не на своем месте или непроходимо глуп.

издевательство над окружающими, которых он считал ниже себя только потому, что они не отличались столь же ядовитым остроумием. Николай I – жене: *“Я прочёл “Героя” до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. ...По моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность её автора”*.

А типография Ильи Глазунова и К° всё печатала и печатала Л., а критики всё навязывали его публике...

Л., уезжая на Кавказ, *“чувствовал сильную усталость и говорил друзьям, что постарается скорее умереть. Он сдержал свое слово. Что же это за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв”*, – с пафосом восклицает Герцен, найдя повод ещё раз оклеветать ненавистную ему страну, которая не желает кормить вампиров – а им так обидно! Им нужны чужие страсти, они их разжигали, будоражили, волновали. Главное – вывести людей из равновесия и привлечь к себе, голодному, внимание, а там энергия сама потечет⁷. И хотя многие русские люди попадались на удочку мошенников, всё-таки больше было крепких.

А критики всё навязывали свое: *“Печорин человек...алчущий тревог и бурь”*... *“Он должен страдать от других и заставлять страдать других...”* [5, с.53]. У Лермонтова *“езде вопросы, которые мрачат душу, леденят (то есть лишают энергии – авт.) сердце”*. А потому скорее бегите, хватайте, покупайте книги Лермонтова! Все уже давно туда побежали, только вы отстаёте от всех! *“Все говорят о поэзии, все требуют поэзии”* [с.117]. *“За одну минуту упоения страсти... он [поэт] готов жертвовать всем своим будущим, всею остальной жизнью”* [с.135]. *“Демон не пугал Лермонтова: он был его певцом”* [с.200]. Л. воспевал зло, его тянуло к самоубийству, которое он и совершил чужими руками. Скорее, скорее читайте его писания, заражайтесь его омрачением и демонизмом! *“Издания сочинений Лермонтова будут продолжаться непрерывно...”* *“Третье издание “Героя нашего времени” в типографическом от-*

⁷ Св. Феофан Затворник: *“Жизнь в мире тем и нехороша, что слишком много набивает в душу вещей, лиц, дел, о которых воспоминание потом мутит душу... Средство против сего одно: как можно, беречь сердце от приятия впечатлений. Пусть всё мимо вас идёт и проходит, не входя в сердце ... Держите сердце, чтобы оно было непричастно сластям века сего, чарующим и одуряющим”*.

ношении прекрасно... Никто и ничто не помешает её ходу и расходу – пока не разойдется она до последнего экземпляра; тогда она выйдет четвёртым изданием, и так будет продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком...” [5, с.207].

Нет, до тех пор, пока русские не устроят, наконец, в своем доме генеральную уборку и не сожгут весь хлам ⁸.

⁸ Св. Григорий Богослов: “Сущность и цель деятельности диявола составляет искоренение добра и распространение зла, ибо диявол при многочисленности видов страстей не только сам с собою в раздоре, но то же производит и в других, как человекоубийца искони и противник добра”.

Св. Феофан Затворник: “Они [тёмные силы] всюду стаями шмыгают и, как только заметят где потемнённую душу, тотчас нападают на неё огулом и начинают вертеть её туда и сюда помыслами, страстными желаниями и волнением чувств... Они покушаются подкрасться и к светлым душам, но бывают отражаемы и поражаемы, как стрелою, лучами света”.

Наш великий русский язык одними и теми же словами точно описывал явления как плотного, так и тонкого мира. “Она волнуется”, “он вспыхнул”, “у неё в глазах потемнело”, “его озарило”, “он испытывал тёплое чувство”, “ей пришло в голову”, – это всё физические явления, явления ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ. Человек должен быть хозяином своих энергий, правильно их использовать, понимать и контролировать процессы и не кормить собою паразитов.

Стоит к чему-то или кому-то проявить внимание – и сразу устанавливается энергетическая связь, то есть, человек вовлекается в энергообмен. “Святые отцы рекомендуют постоянное чтение Евангелия и святоотеческих книг. Ведь так читатель общается с Богом и святыми и, восходя в их мысли и чувства, сам духовно обогащается и возрастает” [6, с.75].

Но если все станут прислушиваться к мудрым советам и научатся управлять собой, то тогда энергия перестанет безконтрольно утекать через “дырявые” страсти. А тогда чем же прикажете кормиться паразитам? И вообще, как им жить в мире, в котором все СВОБОДНЫ от страстей и грехов, следовательно, имеют большую энергию и умело ею распоряжаются. “Они не просто верят в Бога. Они живут в Боге, и Бог живёт в них” К таким не подойдешь – их высокая энергия обжигает, их не увлечёшь хитростью и обманом – они видят насквозь. Они не примут ложь за истину (потому что слово – это энергия), как не ошибается хорошо видящий человек, где одежда чёрная, а где ослепительно белая.

А мир этот – не фантазия, время его стремительно надвигается, всё, сказанное в Священном писании, исполняется неотвратимо.

“Ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; Поле есть мир; доброе семя, это – сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; Враг, посеявший их, есть диявол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего. Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; Тогда праведники воссияют, как солнце в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да услышит!” (Мф. 13, 36-43). ➔

В атаку! В бой за пропитание!..

1926 г. Луначарский А.В.: *“Наша молодежь должна знать подлинного Лермонтова и должна чтить его, ибо он ей родной старший брат;... молодость его кипела страстью, протестом и тоской”. “Мы должны воздать (ему) особую хвалу... Декабрьское восстание и его бунт, подчас представлявшие Лермонтову... чем-то демоническим, аналогичным бунту дьявола против бога, привлекали его громадные симпатии”* [7, с.258].

1939 г. Толстой А.Н. (советский граф): *“Отмечая 125-летнюю дату со дня рождения М.Ю.Лермонтова, мы тем самым отмечаем начало нашего пересмотра великого русского поэта, чтобы творчество его заняло, наконец, соответствующее место в нашей (то есть легионерской – авт.) литературе. В русской критике до революции прочно укоренился взгляд на творчество Лермонтова как на творчество подражательное... Только один Белинский из всей русской критики угадал его великий талант”. “Герой (“Вадима”) – угрюмый горбун, мститель, бунтарь. ...Герой (“Княгини Лиговской”) – обыкновенный человек, чиновник, уязвленный и гордый... Рассказ (“Штосс”) о художнике, теряющем рассудок” ... “Жизнь Лермонтова... была встречена пулей, направленной врагами, из которых злейшим был император Николай I.” “Лермонтов не выполнил своих задач... Их выполним мы, его ученики, строители новой жизни и нового человека”⁹* [7, с.269-271].

1985 г. Ломунов К.Н.: *“Сегодня уже никто в мире не осмеливается брать под сомнение гениальность Лермонтова... И уже не осталось на свете людей, пытавшихся бросить тень на героическую личность поэта...”* (Вот какие могучие критики! Весь

Нет, только не это! Во что бы то ни стало задержать наступление Нового Мира! Отвратить от Бога как можно больше людей, заразить их страстями и пороками, соблазнить грехами! Сеять, распространять, навязывать всем направо и налево прельстительную ложь! (Те, которые соблазняются, – становятся “кормом”...). Авось удастся не допустить Царство Божие!! Если лгать много-премного – авось получится?!

⁹ “Новый человек” – это человек, который потворствует своим страстям, грехи считает доблестью, пребывает в расстройстве воли, ума и чувств. Он страстно желает того, что модно и престижно и отталкивает то, без чего нет жизни. Он охотно верит любой лжи и отвергает истину.

Словом, “новый человек” – это идеальный РАБ, духовное ничтожество.

мир запугали!) *“Неизмеримо выросло число его читателей и почитателей... Они хотят знать о Лермонтове всё — и как он жил, как творил, что говорили и писали о нём современники, как в сознании общества складывалось верное представление...”* [8, с.5].

Вот чего не приходилось видеть, так это того, как народ осаждают книжные магазины в поисках творений Л. и Л.—ведов. Его навязывают школьные и вузовские программы. Тиражи его жалких писаний фантастические: недавний двухтомник имел тираж *14 миллионов экземпляров!*

И всё напрасно. **“Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет”** [9, с.42].

Трагедия Тургенева

Глава

Пятая

И.С.Тургенев (1818-1883 гг.) – удивительный русский писатель. Умный, проницательный, способный искренне любить и искренне писать, передавая в произведениях высоту души своих героев (а значит, своей собственной). Он чтит женщину, предвидел, предчувствовал её огромную роль в культуре, её возвышающую деятельность в области духа. В отличие от легионерских сочинителей, он никогда не изображал кипение низких страстей, не называл низкое высоким. *“Тургенев превосходил всех известных мне знаменитых писателей чистотой души и изяществом облагороженного вкуса, он никогда не запятнал себя изображением соблазнительных картин”* (Людвиг Пич). *“Ни в русской, ни в мировой литературе нет другого, равного Тургеневу, писателя, отдавшего женщинам столько понимания и нежности, поднявшего их на такую высоту, так верившего в их величие и могущество”* (Кропоткин).

Кроме богатства внутреннего мира, ему было много дано и во внешнем плане: богатый, знатный, образованный, величественный – к нему невольно притягивалось внимание в любом обществе, в котором он появлялся. *“Что за человек! Я ...едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умён, образован, 25 лет – я не знаю, в чём природа отказала ему...”* (Достоевский).

От него многого ждали. В нём видели надежду России...

Но жизнь его окончилась трагически, а надежд он до конца не оправдал, потому что он не верил Богу. Он многое понял, но изменить в своей жизни уже ничего не мог: враг оказался сильнее ¹.

¹ “Молитва есть наша благоговейная беседа с живым Богом; непосредственное – лицом к лицу – общение нашего бессмертного духа со своим Творцом!” [1, с.21]. Но если нет такого общения, то человек остается один на один со всеми опасностями мира сего и он беззащитен перед силами тьмы.

Мало быть просто хорошим человеком: чем лучше человек, чем чище его душа и выше Божий дар, тем сильнее нападают на него тёмные, желая прельстить и из-

Тургенев оказался беззащитным перед нечистой силой – в этом была его трагедия.

Тургенев родился в 1818 г. (в один год с Буслаевым). Мать умна, начитанна, со вкусом, но и характером. Отец – это о нём рассказ “Первая любовь” – как-то посоветовал сыну: “Сам бери, что можешь, а в руки не давайся”. Всю жизнь смотрел на сторону. В судьбе И.Т. этот совет исполнился, но наоборот.

С 9 лет – он воспитанник Московского пансиона.

Неверность отца разбила семью: отец влюбился в княжну Шаховскую, в неё же был влюблен 15-ти летний И.Т. В итоге отец умер от “каменной болезни”, после трёхдневных ужасных мучений, И.Т. заболел от тяжёлого потрясения, находился при смерти. Мать была с Берсом в Италии, в Париже. Уехала в 1833 г., а вернулась только после смерти мужа. В письме её к И.Т. есть намёк на его насильственную смерть и – проклятья Шаховской. Из Италии мать привезла годовалую Варю Богданович, незаконную дочь ² её и Берса.

А.Е.Берс был сыном московского аптекаря, окончил медицинский факультет Московского университета. Постепенно он завоевал славу самого модного доктора Москвы, сумел получить дворянство, удачно женился. Свою дочь Софью выдал замуж за русского писателя Льва Толстого – она превратила в

бранных. Битва неравная: духи человека видят, нападают прицельно, а он их не видит. “Сколько демонов носится в этом воздухе? Сколько противных властей? Если бы только позволил им Бог показать нам их страшный и отвратительный образ, то мы подверглись бы умопомешательству” (Иоанн Златоуст). “Наше грубое материальное тело служит нам своего рода спасительной завесой, защищающей нас от непосредственного видения бесов...” [2]. Вражеские коварные и губительные внушения человек, не защищённый молитвой, наивно принимает за собственные мысли и побуждения и творит грех за грехом, сам того не замечая. Он теряет всякую способность логически мыслить. Ему говорят, что высоким путём уже прошли и сейчас идут христиане, что они знают о нечистых духах, чуют их нападения и умеют отражать, побеждают в борьбе.

Есть огромный ОПЫТ, есть ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, есть ФАКТЫ, есть СОВЕТЫ, которые вырабатывались длительной и плодотворной победной ПРАКТИКОЙ. Словом, у Православия есть ЗНАНИЯ и УМЕНИЯ. Он же, неверующий, противопоставляет им своё “а вот мне кажется...” или “да ну, не может быть, я не верю” и после этого ещё считает себя мыслящим существом.

² Незаконные дети почти всегда имеют поврежденную психику, часто их судьба складывается несчастливо. Они, по сути, не имеют ИМЕНИ. Их трагическую участь описал Вс.В.Крестовский в романе “Петербургские трущобы”. Варя выросла скрытной, хитрой, коварной, любила интриговать. В доме матери жила среди богатства, но без имени, полувоспитанница, полудочь...

кошмар последние 30 лет его жизни. Так что семья Берсов сыграла немалую роль в русской литературе... Но это было потом, а пока Берс – домашний доктор Тургеневых, “друг” Варвары Петровны. Она и скончалась при нём, оставила ему крупную сумму денег.

Но зло, посеянное неверностью отца, на этом не кончилось. Зло вообще имеет обыкновение нарастать, как снежный ком. Старший брат И.Т., Николай, прельстился горничной своей матери, А.Я.Шварц, прозванной “Зажигой” “за умение ладить с барыней и зажигать в ней злобу и ненависть к любому человеку”. Она была хитрая, ловкая, развратная, терпеливая.

Николай сбежал с ней в Петербург, мать перестала высылать ему деньги. У них появились дети. Николай её обожал. И.Т. часто бывал у брата: *“Она чудовищно безобразна ...нестерпимо жестока, капризна, неразвита и крайне развратна”*. Она обманывала Николая, он в ней души не чаял. Верил он и своей полусестре Варе. И.Т. о Варе (1851 г.): *“Фальшивая, злая, хитрая и безсердечная. Невозможно изобразить вам всё зло, которое наделала эта маленькая гадюка. Она опутала моего брата, который ...принимал её за ангела; она гнусно оклеветала своего родного отца ...созналась во всем и при этом держала себя так вызывающе, с таким апломбом и с такой наглостью... Невозможно было оставлять её дольше у нас, но всё же мы не могли и выгнать её на улицу. Её родной отец отказался взять ее к себе”*. Он уже был женат, имел большую семью. Потом она вышла замуж, но муж пил, умер от водянки. И.Т. ей помогал, но отклонял её попытки сближения.

Сам И.Т. имел незаконную дочь, мать девочки была белошвейкой. И.Т. отправил девочку в Париж, в семью Виардо, этого потребовала Полина Виардо. Пелагея стала Полиной, забыла русский язык, возненавидела Полину Виардо: “оснований для этого у неё... предостаточно”.

Зло разрасталось, несчастья множились...

И.Т. стал неизвестно кем в семействе Виардо, обоготворив актёрку, ступил на путь гибели. Мать И.Т. была в отчаянии: она очень любила сына, видела, чем кончится его путь, но удержать его, очарованного, не могла. (Она была властной, твердой хозяйкой больших владений, её побаивались. Но с приез-

дом “Ванечки” её было не узнать: полной мерой раскрывались все её лучшие качества.) Поехала к старшему, Николаю, в Петербург. Он в нужде, у них с сожительницей трое детей. Мать посмотрела на детей: их провели перед её окнами. Она уехала в Москву и попросила выслать их портреты. Получила — дом замер. Рассматривала, боролась со своими чувствами, страдала: не могла смириться с жалкой участью сына. В гневе и отчаянии разбила и выбросила портреты... В тот же год все дети умерли один за другим. Больше детей у них не было. Николай вспоминал до самой смерти: “Проклятие маменьки свело моих детей в могилу”. Через год он тайно женился на Шварц, мать потом признала их брак. Поздно...

В 1850 г. мать умерла. Перед смертью молила: “Ваню, Ваню!” Но Шварц и Варя не послали ему депешу: они знали, что завещания нет и рассчитывали забрать себе побольше.

Княжна Шаховская, разбившая семью и проклятая Варварой Петровной, через год после смерти отца И.Т. вышла замуж, переехала в Петербург. Через 9 месяцев умерла.

Счастья от греха ни у кого не получилось. Горя хлебнули все.

“Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем... Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует” (Мф 5, 27-32).

“ЖЕНА МУЖУ ПЛАСТЫРЬ, А ОН ЕЙ ПАСТЫРЬ”. Отец И.Т. изменял семье, забыв свой долг перед Богом и людьми. Он подал тем самым пример жене и сыновьям: она, потеряв голову от отчаяния, впала в тот же грех, а мальчики, с детства видя отношения родителей, выросли с убеждением, что не иметь долга перед женщиной, перед семьей — МОЖНО. Грех похож на коросту: он облепляет человека и лишает его видения мира, помрачает разум. Дети страдают за грехи отцов... Сыновья не сумели увидеть чистых и светлых женщин, с которыми их сводила судьба, и попались в сети прельстительниц. Страдали они сами и страдали их незаконные дети.

Но у этой цепи несчастий была и своя предыстория. Отец Варвары Петровны рано умер, мать её вышла замуж, была дочери, как мачеха, а отчим задумал насилие над 15-летней девочкой. И она с няней убежала к дяде, брату отца. Он её принял, но жилось ей там несладко. Дядя служил в Петербурге, но был выслан без права возвращения в столицы. Его боялись все соседи: он был странным человеком. Жестокость сменялась порывами благородства, то в доме были гости, весело, празднично – то всё в ужасе замирало. Несколько человек он лишил земли и крова. Брюнет, холодные чёрные глаза, странно бледное лицо. Смерть его была внезапной и загадочной, а призрак его долго ещё бродил по окрестностям, всех пугая.

В.П. стала неожиданно наследницей огромного состояния – после смерти матери и дяди. К ней, богатой наследнице, заехал как-то познакомиться Тургенев. Проиграл ей в карты всё – и стал её мужем. (Знаменательное начало семьи.)

И ещё. В доме дяди В.П. всюду, на зеркалах, креслах, столах, стенах были украшения: амур³ ведут на поводках покоренных львов...

³ Амур или Эрос, по преданиям, господствует над природой внешней, телесной, плотной. “Золотые стрелы из лука Эроса... вселяют чувство любви, приносящее радость, счастье, страдания, боль и даже гибель”. Эрос (в мифах) приходил к Психее по ночам. (Психея – олицетворение человеческой души.) “У римлян Эроту соответствовал Купидон. (*Cupido lat.* – страсть, вождение)”.

Западная литература и искусство втягивали душу человека в эти низшие страсти, сверху красиво прикрытые словами, красками, музыкальными звуками: “ах! Очаровательно! Божественно! Купидоны! Шалости любовные! Заводить амур³, писать стишки – ах, как изящно, игриво!” “Эрот – друг наших лир” – у Пушкина.

Мудрецы, напротив, предупреждали человека не давать воли своей низшей страстной природе. Настоящая любовь – любовь не телесная, не душевная, а духовная, высшая над всеми.

“Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же, подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя», На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки” (Мф. 22, 36-40). И объяснил Господь, кто есть ближний для человека.

А случился на Западе такой амурный разгул в 18-19 вв. по причине, тоже указанной Господом: “И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь; Претерпевший же до конца спасется” (Мф. 24, 12-13).

Беззаконие множилось, расплзлось, энергия падала, любовь охладевала, но признаться себе в этом никто не мог – и в ход пошли ложь и притворство. Чем меньше любви – тем больше разговоров о любви, чем сильнее охлаждение – тем больше

Эти амурсы со львами на поводке сыграли свою роль в судьбе писателя. Он стал жертвой.

Но человека, защищённого молитвой и верой, нечистая сила захватить не может, на это требуется ЕГО ЛИЧНОЕ СОГЛАСИЕ. А уж дал согласие – потом попробуй вырвись! Согласием же является сознательное отступление от Закона: если ты не желаешь сотрудничать со Светом, значит ты уже сотрудничаешь с тьмой.

В 1838 г. И.Т. поехал доучиваться в Берлин. “Он был убеждён, что источник настоящего знания находится за границей.

появлялось внешних подстегиваний, стимуляций: душещипательные стишки, музыка, картины, скульптура, театр – все виды искусства призваны были ДЕЛАТЬ ВИД, изображать то, чего нет. Уменьшалось количество энергии, падало ее качество. Говорить и писать хотелось о высоком и божественном, а выговаривалось совсем другое: в так называемой любовной тематике появился лексикон ИГРЫ: “Он играет её чувствами”, “она для него выгодная партия” и т.п.

Вместо настоящей духовной любви – любовь душевная и телесная, вместо жизни – игра. Все это круто замешано на эгоизме (“ах как Я страдаю”, “как Я терзаюсь”, “как мне плохо”...), а эгоист – это замкнутая система, она энтропийна. Росли ряды субъектов, питающихся чужими чувствами, переживаниями, страданиями – чужой жизненной энергией. Иначе говоря, распространялся энергетический вампиризм.

Иногда писатели проговаривались (см. гл. “Лермонтов”), но признаваться в этом было опасно и невыгодно: можно было потерять источники питания, жертвы могли все понять, очнуться и “наложить узду на чувства свои” – и тогда сиди голодным! Сочинения писателей служили не высокой божественной цели, а “разогревали еду” для вампиров, то есть ложью распаляли в читателях страсти. Приманкой для читателей был тип скучающего эгоиста.

“Этот тип вошёл, наконец, в сознание всего нашего общества и пошёл перерождаться и развиваться с каждым новым поколением”. (Достоевский). Молодежь, начитавшись легионерских писаний, переносила на свою жизнь книжные образцы, старательно им подражала. Так жизнь порождала всё новых и всё более разрушительных книжных безбожников. “Теперь даже люди, в душе не любящие прогрессивных идей, должны показывать вид, что любят их, для того, чтобы иметь доступ в порядочное общество” (Добролюбов) [3].

Рядом со скучающим и вечно голодным эгоистом писатели обязательно изображали их многочисленные жертвы, но так, чтобы читателю казалось, что быть такой жертвой – это очень даже романтично и поэтично. То она чахнет от чахотки, то у неё в лице интересная бледность, то она заламывает руки и рыдает – вся эта распушенность страстей изображалась мило, трогательно и соблазнительно для молодых и незрелых душ. А дальше читатели сами притягивались к близкому им образцу: те, кто пожилее, становились жертвами, мёртвые духом – играли роль романтических героев.

Идеи тайного разврата, измен, “любовных шалостей” подавались как “прогрессивные”, освобождающие человека от семьи, от верности и преданности, от высокой любви. А разнузданность страстей, своеволие и предательство своей семьи, разрушение семьи и своей и чужой прославлялись. Всю эту грязь называли ЛЮБОВЬЮ, дав имя чистое делам грязным.

Все преподаватели тогдашнего университета были проникнуты тем же убеждением, его придерживалось и министерство, посылавшее за свой счёт русских студентов в немецкие университеты” [4]. Но обратно-то ждали образованных, с широким кругозором, православных юношей, готовых послужить России. (Таким вернулся Ф.Буслаев: обогатившись заграничным опытом, многое повидав и изучив, он лучше оценил неповторимость России, увидел высокое её призвание и потом до конца жизни верой и правдой служил на ниве русского просвещения.) Но дождались не всех.

И.Т. жил в Берлине вместе с М. Бакуниным. Изучал Гегеля, Фейербаха ⁴.

Общался с дядей, Н.И.Тургеневым ⁵, тот оказал на него большое влияние.

Именьями управляла его мать. Один год заграничной жизни сына стоил ей и крепостным 20000 рублей. В.П. – сыну: *“Я точно глупо сделала, что позволила тебе так молодую ехать за границу. Ты поехал не шататься по свету, а учиться – чему? – ...учиться мотать! О! За этим не нужно было ехать из России...”* И прозревая будущую трагедию, написала: *“Не затейся знакомство свести с актрисами в Берлине... Я при первом твоём долге публикую в газетах, что именье у вас не отцово, и что я за вас долгов платить не буду. Это не сделает тебе чести...”*

Из-за границы он вернулся в 1841 г., пропитавшийся тем, чем насыщен был круг его общения. Возымел намерение стать педагогом, учёным, профессором философии. Но вот незадача: во всех русских университетах были упразднены кафедры философии ⁶.

⁴ Фейербах – философ-материалист и атеист. В центре его философии – человек, трактуемый как биологическое существо.

⁵ Н.И.Тургенев – сын Ивана Петровича Тургенева, крупного масона, директора Московского университета, соратника Н.И.Новикова, того самого “просветителя” (см. 2-ю часть). Сам Н.И.Т. стал действительным статским советником, директором того же университета [5]. А тайно – одним из учредителей “Союза благоденствия” и “Северного общества”. В 1824 г. уехал за границу. Когда открылись его тайные дела, он был приговорен к вечной каторге – заочно, так как на родину он не вернулся, стал эмигрантом.

⁶ Философия – удивительная штука! Это, пожалуй, самое коварное изобретение лукавого духа. Всем ясно, что не может быть реки без источника её, но в философии всё возможно: считается, что мудрость вполне может обойтись без своего источ-

Тургенев искал мудрости человеческой — и нашёл. Оказывается, она была в голове у Белинского! Они познакомились и подружились весной 1843 г. И.Т.: *“Я часто ходил к нему после обеда отводить душу... Тяжёлые тогда стояли времена... Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит, как скала, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов... какая-то тёмная туча постоянно висит над всем так называемым учёным, литературным ведомством... Ну вот, придёшь на квартиру Белинского, придёт другой, третий приятель, затеется разговор и легче станет; предметы разговоров были большей частью нецензурного... свойства... Общий колорит наших бесед был философско-литературный, критическо-эстетический и, пожалуй, социальный, редко исторический”* [6].

Таким образом, он дополнил собой кружок салонных философов ⁷: входил в кружок Грановского (глава западников), встречался с Чаадаевым, Гоголем, посещал литературный салон Елагиной.

ника — Бога. Бога нет, а мудрость есть. Откуда же она? Из недоучившейся головы. Но поскольку таких голов очень много, потому и “философских течений” предостаточно и все они, конечно же, ложные. Тот, кто ищет МУДРОСТЬ ЛЮБВИ (значение слова “философия” — см. 1 часть) находит её у Бога: “Бог есть любовь”. Тот же, кто испытывает “любовь к мудрости”, находит и эту самую “мудрость” человеческую — миллион штук, выбирай! Вот и выбирает, какого философа “обожать”. Очень скоро уясняет: того, который “в моде”, за которого хорошо платят...

Настоящая философия — это познание мудрости Божией, Его Закона. Философ изучает науки и делает обобщения, соотнося свои знания с Законом. Таким человеком был, например, Святой Равноапостольный Кирилл. За мудрость, глубину и обширность познаний его звали Константин Философ.

⁷ Салонные говоруны проводили годы в спорах о смысле жизни, о счастье народа и прочих умных и благородных вещах. Они до хрипоты спорили, пребывая в “поисках пути к...”, ни мало не смущаясь тем, что Путь давным-давно указан Господом, что этим путём шли и продолжают идти тысячи русских подвижников. Они выдумывали новое государственное устройство, бредя демократией, то есть “властью тел”, и не желали видеть, что в России уже есть наилучшее — самодержавие. Надо только самим им трудиться и молиться, но вот этого-то как раз они и не желали делать. “Философы” делали вид, что никогда и не слыхали об этом Пути, пути труда и благодати Божией. Он был ведь столь неудобен, этот путь терпения, самоограничения, смирения, любви и мужества.

“Смирение надеется на Бога — не на себя и не на человек, и потому оно в поведении своём просто, прямо, твёрдо, величественно” [7]. Вот чего там в помине не было, так это смирения. Им хотелось найти истину, высокую и красивую, но чтобы она в то же время была и удобной, необременительной, не требовала отказа от прежней грешной жизни. И они спорили до хрипоты.

Поварившись в этих спорах, И.Т. потерял всякую ориентацию.

В том же году И.Т. пошёл на службу в министерство внутренних дел. И попал под начало В.И.Даля. На службу И.Т. пошёл, желая угодить матери и получить право на её поддержку. Он искал службы лёгкой, при которой можно было бы и пописывать, и за границу ездить. Надеялся, что писатель Даль не будет требовать от него, И.Т., того же, чего требует от простых чиновников. Но Даль был точный, исполнительный, неумолимо строгий во всём. В первый день распёк его за опоздание, хотя вчера они провели вместе приятный вечер у Плетнёва, а третьего дня у Жуковского. Второй выговор жёстче, третий ещё... И.Т. подал в отставку. (Особой канцелярии поручена подготовка проекта “Об уничтожении крепостного состояния в России”...)

Служить он не хотел, хотел быть писателем ⁸. Мать категорически против: нечего заниматься бумагомаранием, дво-

⁸ Дело жизни – это главное, ради чего человек приходит в мир. И если оно не сделано, то никакие замены не смогут утешить человека и дать ему радость: ни чужие посторонние дела, ни внешние развлечения и рассеяния, ни театры, ни путешествия. Только хуже станет. Дело преобразовывает всего человека ко благу, труд воспитывает, укрепляет волю и достоинство, радует и делает человека по-настоящему счастливым, поскольку над ним – Божия благодать. Трудились, не покладая рук, святые подвижники, трудились русские писатели – и в труде осеняла благодать. Те же, кто стали “писателями-профессионалами”, рано или поздно впадали в маразм. (Маразм (греч.) – истощение, угасание; полный упадок, бессилие, неспособность к созидательной деятельности.)

Последнее произведение И.Т. “Клара Милич” – подтверждение общего закона.

Почему так? “Строительный материал” для писателя – его впечатления. Из них строится и его душа и герои его произведений. Главный писательский труд не за столом, а в повседневных делах. Один служит, день его вращается вокруг идеи долга. Дух возрастает, закаляется, крепнет в больших и малых преодолениях как внешних препятствий, так и внутренних слабостей, грехов, неустройств. И поскольку делает он всё РАДИ БОГА, то и помощь получает в делах, и вдохновение, и силу. День насыщен делами, дух напитан впечатлениями, разум – мыслями. И обязательно хватает времени, даже при большой загруженности, перенести на бумагу самое главное, что ему открылось. О пустяках такой писатель не станет писать никогда.

Другой ведёт праздную жизнь. Где он собирает впечатления и каково их качество? Рестораны, балы, концерты, театр, охота, салоны – и бесконечные при этом разговоры “о высоком”. Развлечения, исполнение прихотей, капризы, убивание времени. При этом он тратит незаработанные деньги, использует своё крепостное ПРАВО, позабыв об ОБЯЗАННОСТИ. Пустые разговоры о “высоких идеалах” и о том, как всё кругом плохо, создаёт у него в голове странную иллюзию собственной бурной деятельности. Этим успокаивает свою совесть.

Какими будут герои его произведений? Будет ли ПРАВДА в его писаниях, если его жизнь – ЛОЖЬ?

рянин должен служить, а если есть желание и талант – немного и пописывать – это приятно, но писательство профессиональное – нет! Это был обычный взгляд на литературу, вполне обоснованный.

Мать И.Т. была права, но он её не слушал.

Он говорил, что вся его биография – в его произведениях. В них действуют в основном очаровательные женщины и запутанные и слабые, хотя и “хорошие” мужчины, которые устраивают из своей и чужой жизни трагедию, хотя имеют всё, чтобы быть счастливыми. Современники отмечали его кротость и доброту. *“Около него ничто лживое и злое не имело места”* [8]. Это не подтверждается фактами. Просто он жил по своим законам: я так хочу. Делал то, что хотел. Человек верующий, преступив Закон, кается, исправляет сделанное, терпеливо сносит последствия. А тот, кто не признаёт Закона, он и греха ни в чём не видит, а значит и исправить он ничего не сможет. А грехи-то штука объективная, их признавай не признавай, а они всё равно дают следствия. И.Т. всю жизнь прожил, как паутиной спутанный, несвободный, связанный по рукам и ногам человек.

“Лучшие материалы лежали с детства в нём самом, лучшие верования жили с ним от рождения”. Но он не имел веры в Бога – и умер, потеряв все силы. Можно сказать, от переохладения души ⁹.

Существует красивая легенда о якобы “романтической любви” И.Т. к Полине Виардо. Она тоже не соответствует фактам.

“Ни к кому удобнее диавол не приступает как к живущему в праздности и лени” (Св. Тихон Задонский) [9, с.12]. И.Т. пребывал в праздности...

С Луи Виардо он познакомился в день своего рождения, 28.10.1843 г. С его женой Полиной – через три дня. А произошло это так.

⁹ Святитель Феофан Затворник: “Кто долго стоит на солнце, телом согревается; так, кто о Боге и божественном всё думает, согревается в духе. Чем дольше, тем больше. Наконец загорится дух. Когда загорится, не нужно никаких уроков и наставлений. Сам дух всё уладит... Тогда всё сердце занято будет единым Богом, а за сердцем и ум”. “Душу питает одна молитва” [1, с.27-28]. Нет питания – и душа холодеет...

В Петербурге было решено устроить Итальянскую оперу. В труппу пригласили Полину Виардо ¹⁰.

И.Т.: *“Ко всем возможным актрисам, певицам, танцоркам чувствовал всегда тайное отвращение”*. Это не было, видимо, отвращением к определённым личностям, но к самому принципу лицедейства, ведь изображая страсти и пороки, актёр и сам невольно проникается ими в какой-то степени. А чистой душе это отвратительно. *“Но, видно, ни судьбы своей переменить нельзя, ни самого себя никто не знает...”* ¹¹.

“Задумчивый и дерзкий взор... Я целый год замирал и гас (то есть терял энергию – авт.) в его лучах!... Зрители, бывало, топали и кричали от восторга... Но, кажется, кроме меня, никто в неё не влюбился. ...Как я увидел её в первый раз, ... с той роковой минуты я принадлежал ей весь... (А православный стремится весь принадлежать только Господу.) Я уже не мог жить нигде, где она не жила; я оторвался разом от всего мне дорогого, от самой родины, и пустился вслед за этой женщиной... В немецких сказках рыцари часто впадают в подобное оцепенение. Я не мог отвести взора от черт её лица, не мог наслушаться её речей, налюбоваться каждым её движением; я, право, и дышал-то вслед за ней. ...В ней было много жизни, то

¹⁰ Родилась она в 1821 г. – год Змеи. Отец её, “бог-тенор” Парижского итальянского театра, родился в Севилье в цыганском квартале. Он вспыльчив, избалован, с деловой хваткой. Мать – актриса драматического театра. Родители вместе с детьми гастролировали в Америке – большой успех. Потом умер отец, умерла старшая сестра. П.В. с 16 лет начала выступать как певица. Она была очень упорна и трудолюбива. Дебютировала в Лондоне, в роли Дездемоны, 18 лет. Её услышал Луи Виардо, директор Итальянской оперы в Париже, и пригласил в Париж. Сезон успеха, свадьба с Луи в 1840 г. (Он старше Полины на 21 год.)

15.12.1840 г. во Франции торжества: перенос праха Наполеона с острова Св. Елены в Собор Инвалидов. Хор и оркестр в 300 человек славил своего кумира. П.В. тоже в этом участвовала. В это время Опера для неё была закрыта, она оказалась не у дел. И тут её пригласили в Россию.

П.В. была музыкально одарённой, но её нельзя было сравнивать ни с сестрой Малибран, ни с другими великими певицами. А внешность её была такова, что П.В. уже в 42 года вынуждена была оставить сцену; в молодости её называли “безобразной красавицей”, а потом... Но она умела покорять аудиторию, особенно в своих коронных ролях Фидесы в опере Майербера “Пророк” и Рахили в опере Галевы “Жидовка”.

¹¹ Эти стенания из “джентельментского набора” так называемых “романтиков”. На самом деле судьбу свою человек строит сам, склоняя свою силу или к силе Божией – и тогда с ней побеждает, или к силе дьявольской – и тогда он попадает в рабство и губит душу.

есть много крови южной... Я не ожидал, какую роль мне придется разыгрывать. Я не ожидал, что буду таскаться по репетициям, мёрзнуть и скучать за кулисами, знакомиться с разными, совершенно неблагоприятными личностями, ...кланяться им; ...носить шаль, покупать ей новые перчатки, ...отвозить домой её букеты, бегать по передним журналистов и директоров, тратиться, простужаться, занемогать” [4].

Он теряет силы и волю – она бурлит жизненными соками; она ему никто, чужая жена, но муж её благосклонно смотрит на эти странные отношения, она с тайным злорадством держит при себе русского писателя в качестве мальчика на побегушках, позволяет ему оплачивать её расходы, наслаждается его унижением, использует его. Он учил её русскому языку, она спела “Соловей” по-русски и произвела фурор.

Его так называемая “любовь” стала предметом насмешек врагов и сочувственного внимания друзей. Друзья видели всю странность и унижительность его состояния, он, наверное, тоже это чувствовал, но ничего не мог сделать: парализована воля ¹².

Со стороны их отношения выглядели дико, неестественно, но И.Т. ничего не замечал. “В те дни, когда Виардо знала, что у неё будут с визитом аристократические посетители, Тургенев должен был сидеть у её мужа в кабинете, беседовать с ним об охоте и посвящать его в русскую литературу. На званые

¹² Когда кто-то нападает на ребёнка, первое его естественное побуждение – звать на помощь сильного и любящего – отца: он защитит и утешит. Точно так же на помощь нам всегда приходит Отец наш Небесный, но зовём ли мы Его?.. Враг настолько хитёр и коварен, настолько разнообразны его ковы, что порой нам самим борьба не под силу. Надо обратиться за помощью к Нему – и посрамлённый враг отступает – до следующего раза.

И.Т. козни не разглядел и за помощью не обратился...

Св. Феофан Затворник: “Враг спасения не всегда зло внушает, но довольствуется, если успевает занять внимание пустяками. Ему лишь отвлечь от главного – единого на потребу и время сгубить...” [9, с.41]:

Стар. Филарет Глинский: “Хранение ума важнее дел. Истинно хотящий спастись – внимай себе! Сначала приучи ум различать греховные мысли, всеваемые врагом спасения, и немедленно прогонять их молитвою” [9, с.55].

Преп. Серафим Саровский: “Искушения дьявола подобны паутине: стоит только дунуть на неё – и она истребится. Так-то и на врага дьявола: стоит только оградить себя верою и крестным знаменем – и все козни его исчезнут совершенно” [9, с.111]. И.Т. не верил...

вечера к Виардо его не приглашали” [4]. Хотя П.В. считала, по-видимому, выгодным придерживать его при себе: её на сцене и в гостиных принимали с восторгом, но восторги-то относились к певице, и “приглашённую в светские салоны её никто не считал равной, не приглашал танцевать, она – “актёрка”. “После получения наследства Тургенев приобрёл право равенства с другими гостями в салоне Виардо” [4].

В 1846 г. Виардо уехали в Париж, потом в Берлин. (Перед этим они, располагая огромными деньгами, купили замок Куртавнелъ.) И.Т. устремился за ними, очарованный “семьёй”. “Началась своеобразная психологическая игра. Зачем это нужно было клану Виардо-Гарсиа? Думается, первая и самая простая цель была – ограбить доверчивого русского барина. Вторая, более далеко идущая – лишить Россию ещё одного таланта. Первая цель оправдалась вполне: после получения материнского наследства Тургенев не считал денег для своих “друзей”. Всё своё состояние, кроме родового имения, а также право на издание его произведений он завещал госпоже Виардо. Правда, сейчас же это право перекупил у неё Глазунов за 50 тысяч золотом. “Мерзавцы говорят, что я обобрала Тургенева”, – говорила госпожа Виардо после его смерти. Действительно, говорили об этом многие. Говорил Л.Толстой, Анненков, Фет, Савина. И не только говорили – писали почти во всех русских газетах. Вторая, самая страшная цель, была достигнута лишь отчасти” [10].

Как происходило очаровывание? И.Т. видел сон в августе 1849 г.: *“Я иду вдоль дороги, обсаженной тополями. Было темно, я был очень утомлён, а для того, чтобы добраться до ночлега, надобно было пропеть 500 раз подряд: “На голос твоей матери...” Я торопился покончить с этим заданием и сбивался со счёту...”* Действительно, мать звала его, звала его и Россия. Он думал о матери, жалел её, собирался вернуться в Россию. Сказал об этом Полине Виардо. *“Она увела его на прогулку – с гитарой, “концерт – одному тебе”.* Обольстила – и он обо всем забыл.

Жил он в замке Куртавнелъ с 1849 г. *“Я живу здесь как в очарованном замке: меня кормят, меня поят: что больше нужно для одинокого человека”*, – писал И.Т. Полине В. 28.07.1849 г. (Он не был одиноким: на родине у него доживала последние свои дни мать,

незаконная жена Евдокия Ермолаевна Иванова растила его дочь Пелагею... – авт.) Чем же занимался наш великий писатель, живя в “очарованном замке”? Давал уроки немецкого языка дочери Виардо Луизе. Само собой разумеется – даром. Работал в качестве садовника и управляющего – тоже, конечно, даром. И регулярно писал отчеты “хозяйке”: о том, в каком состоянии находятся бассейны, как он сам, лично, вырезал тростник, купил лодку для “хозяина”, как он ухаживает за клумбами... А дома, в Спасском, тем временем пришёл в упадок семейный склеп Тургеневых – того и гляди обвалится... Ветшает дом. Зарастает бурьяном сад.

И ещё – привязанный к “очарованному замку” невидимыми, загадочными и страшными узами – Тургенев именно там пишет “Записки охотника”...

Его время от времени навещают “родственники”. Госпожа Сичес даже дала ему “на чай 30 франков”!.. Но 30 франков “на чай” показалось мало тётушке Полины Виардо – Сичес... Когда Тургенев, по её же приглашению, приехал в Париж, квартира госпожи Сичес оказалась на замке. Накануне мадам изволила отбыть в Бельгию.

Несмотря на подобные странности в его положении, у Тургенева растёт и крепнет ощущение единой семьи, к которой он, неизвестно в качестве кого – принадлежит. ...В сознании его всё больше укреплялось ощущение, что он – член семьи, которую не мог покинуть. *“Я ничего важного в жизни не предпринимаю без совета мадам Виардо. Я подчинён воле этой женщины”*, – признавался Тургенев Фету” [10].

В 1850 году И.Т. приехал в Россию. Потом он много раз бывал в России, но всегда возвращался к певице.

“Семья стерегла каждое движение Тургенева, надо сказать – внимательно. Стоило ему выразить намерение вернуться на Родину, являлись друзья. Пение, праздники, радость новых знакомств. Но как только становилось ясно – пленник остаётся, – сцена моментально пустела. Первыми отбывали супруги Виардо. За ними – остальные. Если же Тургенев все-таки уезжал в Россию – вслед летели письма. “Вы уезжаете? Это столь удручающее для меня печальное известие тем не менее не совсем неожиданно. ...Но от предчувствия несчастья до его осу-

ществления так далеко, что сейчас я чувствую себя как бы раздавленной свалившимся на нас горем — потерять Вас именно тогда, когда, как нам казалось, мы Вас обрели и отняли у противной России” [10].

В “очарованный замок” к И.Т. приехал его друг А.Фет. “Во взаимоотношениях Виардо и Тургенева, несмотря на их дружбу, ясно выражалась приветливость полноправного хозяина ... и благовоспитанность угодливого гостя...” Плохо там было и его дочери Пелагее (Полине). Она окончила пансион в Париже, у Виардо жить отказалась: девочка чувствовала притворство П.В., её бездушие, холодный и расчётливый ум, видела её хитрость; Пелагею оскорбляло и отношение к её отцу со стороны семьи Виардо. И ещё Луиза, старшая дочь П.В., заедала её, мучила, относилась, как к приживалке, хотя отец платил на её содержание огромные деньги... И.Т. нанял пожилую англичанку и поселил свою дочь с ней в Париже. А сам в замок... Гостем...

В России он был в то же время хозяином огромных владений в четырех губерниях — и не знал, что с ними делать. Оставил всё на дядю, который уже доказал на деле, что хозяином быть не умеет. В 1864 г. И.Т. купил в Бадене большой участок, прилегающий к вилле Виардо, построил великолепную виллу. В 1868 г. приехал в Спасское — оно разорено: бедность, неурожай, вялость, грязь, крыш нет, заборы разобраны, лошади и коровы пали, люди спиваются. Раздал милостыню — “добрый барин” — и опять уехал за границу: там “праздник жизни”. Там бурлят жизненные соки, выкачанные из России.

Лето 1870 г. в Бадене — сплошное веселье: оперы, театры, “звезды”, Оффенбах, Штраус, рулетка. В июле — Франко-Прусская война. Виардо уехали в Париж, И.Т. — за ними. Он купил большое количество ценных бумаг на имя Полины Виардо, выделил крупную сумму на свадьбу Клоди Виардо, постоянно вносил в кассу семьи значительные средства,

Салон, художники, литераторы, музыканты. Вечера и концерты. Ренан, Флобер, Сен-Санс, Вагнер, Делакруа, Гуно, Рубинштейн, Сарасате... Часто бывали Репин, Поленов, Крамской, Боголюбов А.П. (внук Радищева по матери), спрашивали, почему он не едет домой. Он уже не мог уехать домой, не мог заняться делом, у него не было сил ни на что...

Начал собирать картины и безделушки. Любил развлекаться. “Обеды пяти” в ресторанах: Тургенев, Флобер, Золя, Доде, Гонкуры. Э.Гонкур: “Тургенев говорит, что от дурного настроения ему помогают 20 стихов Пушкина, “спасают от меланхолии, ...вливают бодрость”, физически приятное ощущение “тепла на щеках”.

В 1875 г. он купил роскошное поместье “Ясени” и подарил Полине Виардо. Везде “семья” появлялась одинаково: Тургенев вёл под руку П.В., а позади шел Луи с дочерьми или знакомыми. Позже Тургенев дал щедрое приданое младшей дочери П.В. Марианне – она вышла замуж за Дювернуа.

Деньги текли и текли. Деньги, заработанные русскими крестьянами, деньги, заработанные литературным трудом Тургенева. И если признать, что деньги в физическом мире являются эквивалентом энергии, то придётся признать, что в эту бездонную “дыру” уходила огромная энергия. В Божьем мире всё со всем связано; даже если мы по невежеству своему и не умеем видеть этих связей, их не стоит отрицать. После 1881 г. Тургенев уже не приезжал домой, хотя заранее пригласил гостей, Полонские приехали – он писал им бодрые письма. По ночам в его доме вдруг начали срываться и падать на пол старые портреты Лутовиновых. Дворовые люди крестились и говорили, что это к большому несчастью. В саду росла длинная линия елей, которые посадил сам Тургенев ещё в юности. Летом 1883 г., незадолго до его смерти, все ели вдруг погибли... Он в последние годы жизни уже ощутимо чувствовал эту смертоносную силу, которая губила всё, чем он владел, губила его самого: *“Я словно чувствую вокруг себя запах смерти, тления, небытия”*. Мысль о смерти настойчиво лезла в голову, но он с ней боролся, отгонял – *“она сразу же тускнеет и исчезает”*.

А.Ф.Кони, А.В.Топоров, Савина пытались помочь Тургеневу. Он жил в “семье” заброшенным, никому не нужным. Сильно тосковал. Его тянуло на родину, друзья старались вернуть его домой, а П.В. всячески старалась ограничить визиты русских к Тургеневу – вопреки его воле.

А.Г.Олсуфьева приехала на ул. Дуэ с поручением от Л.Н.Толстого. “Консьержка объявила: “М-м запретила говорить, где он. Я не думаю, что вы увидите мосье. Мадам бесится на всех, кто желает его видеть, и запретила мне докла-

дывать о ком бы то ни было из русских. Она бесится, как чёрт.” Монета – и записку всё-таки передали И.Т. Гостью он пригласил в Буживаль. Её поразила его страшная бледность: он уже был тяжело болен. *“Когда я вошла в дом, меня поразило, что из всех этажей несло пение – как канарейки, разливались ученицы м-м Виардо.”* В комнате никого. Никто за ним не ходил, он был совсем одинок.

Следующей ночью – бред, тяжёлые мучения. П.В. послала за русским консулом кн. Орловым. Он плакал над ним: *“Ужасно... Он никого не узнает. Всё путает... М-м хочет объявить его сумасшедшим, чтобы заручить себе его завещание.”* А он бредил от боли.

Перед этим больного писателя навестила М.Г.Савина. Она пришла в отчаяние, увидев, в каких условиях он находился: душная, неприбранная комната с низким потолком и единственным окном. Снизу гремит музыка. Редко заглядывают к И.Т. его “друзья”: постаревшая П.В. тяготилась больным Тургеневым, но и из рук его не выпускала: надежда на большое наследство вот-вот должна была сбыться.

Его долгие страшные мучения подошли к концу 22.08.1883 г. Он попрощался с “семьей” и перешёл только на русский язык: ему казалось, что он – русский крестьянин, глава большой семьи. (Не этот ли ложный, обманчивый образ был в него внедрён и влиял потом на все его поступки?)

И.Т. хотел знать мнение П.В.: согласилась бы она его похоронить в их фамильном склепе? Она отказала.

О смерти писателя никому, кроме консула, не сообщили, объявлений в газетах не было. Утром неизвестные молодые люди привезли гроб в православную посольскую церковь, сдали священнику, сказали, что если его не увезут в Россию, то семья Виардо похоронит его на городском кладбище по третьему разряду, как простого горожанина. Никто из семьи Виардо гроб не сопровождал, в церковь на отпевание никто из них тоже не пришел. “В толпе стоял общий сдержанный ропот негодования по адресу семьи Виардо.” А.П.Боголюбов: *“Сердце радуется, читая, как его хотят встретить на родине, а здесь оно обливается кровью, видя полное пренебрежение м-м Виардо и её семьи к телу великого человека ... Баба Виардиха*

бойкая, нраву не препятствуй, гнула его в бараний рог при жизни, согнула и в погребении”.

Гроб с телом писателя отправился в Россию. На всех станциях его встречало множество людей, православное духовенство. В Петербурге на кладбище его провожали сотни тысяч православных. Никогда Россия не хоронила так своих писателей – он был достоин такой жалости... Люди хотели облегчить дальнейший путь его несчастной души.

В Спасском же остался заколоченный дом. Жители села боялись входить в ограду усадьбы даже днём. Казалось, что там сквозь щели досок пробивается свет, звучит музыка, слышится шум гостей. Дом сгорел в 1905 г., ровно через сто лет после того, как был построен в качестве флигеля. А место то считалось нечистым.

Это внешние события, но корень их в жизни внутренней.

Судьба посылала И.Т. замечательные встречи на пути.

Он сдружился с М.Н.Толстой, сестрой Льва Толстого. Она хорошо знала естественные науки, была очень музыкальна, стихов же не любила: *“Вы говорите, ...читать поэтические произведения И полезно, И приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: ИЛИ полезное, ИЛИ приятное, и так уже решиться, раз и навсегда.”* “Я с детства не любила и не читала стихов. Раз наш долгий спор... перешёл как-то в упрёки, в личности. Тургенев сердился, декламировал, доказывал, ...кричал, умолял.” Вскочил и, не прощаясь, ушёл. Они с мужем ждали. Он приехал через 2-3 недели: *“Никогда так не пишется, как “в сердцах”.* Я почувствовал тогда это настроение и поскорее ушел, чтобы не упустить” Прочёл им повесть “Фауст”.

М.Н.: *”Счастье?.. но ведь искать его бесполезно. Ни один ветер не по дороге кораблю, у которого нет цели. Цель, долг – вот, по-моему, главный смысл человеческой жизни, и, выполняя свой долг, может статься, неожиданно наткнёшься на счастье.”*

И.Т. очень изменился под её влиянием. Рядом с ней он стал крупным писателем: “Фауст”, “Первая любовь”, “Дворянское гнездо”, “Отцы и дети”. (Её очень не любила Полина Виардо, чувствовала её влияние на И.Т.) Чувство было взаимным, М.Н. ушла в монастырь, прожила там последние 20 лет

жизни. А перед ним встал выбор: мотаться ли и дальше по заграницам в качестве так называемого “свободного художника” (какая уж там свобода!) или найти себе дело в России, постараться служить Родине, трудиться дома: “ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И СГОДИЛСЯ”.

Но для того, чтобы сделать счастливый выбор, надо было быть свободным человеком. Тут же выбор делал человек опутанный, пленённый. Похоже, что он и сам не заблуждался насчёт своего состояния...

И.Т. – М.Н.Толстой (январь 1857, Париж): *“Всё теперь изменилось... мечтал о счастье..., теперь я окончательно махнул на всё это рукой. Всё затихло. Внутренние упрёки умолкли – к чему вздувать пепел? Огня всё-таки не добудешь. ... “Фауст” был написан на переломе, на повороте жизни – вся душа вспыхнула последним огнём воспоминаний, надежд, молодости... Это не повторится.”*

Собирался он жениться на своей дальней родственнице Ольге Александровне Тургеневой – и опять П.В. оторвала его и от России, и от возможности создать семью. Он ясно мыслил, всё понимал, но – паралич воли, нет сил сопротивляться тайному коварному воздействию. *“В мои годы уехать за границу – значит определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышления о семейной жизни. Что делать! Видно, такова моя судьба. Впрочем ... люди без твердости в характере любят сочинять себе “судьбу”, это избавляет их от необходимости иметь собственную волю – и от ответственности перед самим собою”. “Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями. ...Нашего времени Дон-Кихоты и видят, что их Дульцинея – урод, а всё бегают за нею.”*

Фет вспоминал, что Тургенев говорил: здесь воспитывается моя дочь (ей тогда было 15 лет). *“И не в одном этом отношении я подчинён воле этой женщины... Она давно и навсегда заслонила от меня всё остальное, и так мне и надо... Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит моё лицо носом в грязь.”*

Русские женщины такими делами не занимались, их чувства, их дружба и любовь возвышали, целили, вдохновляли.

Тургенев имел счастье быть с такими женщинами рядом – но не мог быть вместе, идти одним путем. Он помнил слова М.Н. о величии души, о вечности и сумел создать чистые и возвышенные женские образы, за которые его и прославила Россия. Он понимал и ценил высокое, тянулся к нему, но – не было сил... В 1857 г. у П.В. родился сын Поль – плод её увлечения принцем Баденским. Голос она сорвала еще в 29-летнем возрасте, в безконечных гастролях. Теперь от неё отказались Лондон, Петербург. А у Тургенева – грандиозный успех – опубликовано и высоко оценено “Дворянское гнездо”. Тургенева опять позвали в замок. И он уехал. П.В. выступала еще 10 лет, но брала не голосом уже, а актёрством. В 1861 г. спела в Париже в “Орфее” (постановка Берлиоза) и покинула сцену “великой Виардо”: Луи умел привлечь внимание газетчиков и публики.

Она осталась не у дел. Тургенев – член-корр. Петербургской АН. Он пишет “Отцы и дети”. Его читает вся Европа. Полина Виардо решила сочинять романсы на стихи русских поэтов и усадила И.Т. за работу. Он переводил стихи Пушкина, Лермонтова, Фета, а она сочиняла музыку. Вышли два альбома, но несмотря на рекламу, они успеха не имели. Тогда она “вдохновила” писателя сочинять для неё... либретто трёх оперетт. Она ставила домашние спектакли, приглашала избранную публику.

И.Т. – Я.Полонскому: *“Я очень хорошо понимаю, что моё постоянное пребывание за границей вредит моей литературной деятельности, да так вредит, что, пожалуй, и совсем её уничтожит: но и этого изменить нельзя. ...При недостатке ОБРАЗОВ музе моей не с чего будет писать свои картинки.”* (1869 г.) На самом-то деле Образы-то все самые вдохновенные были в России – это видно и по его произведениям. Остальное – попытка как-то объяснить своё отсутствие дома.

Правда, и за границей нашёлся “образ”: в 1867 г. И.Т. создал удивительный роман “Дым”, о котором как-то помалкивают литературоведы. Роман явно автобиографичен: в двух мужских образах узнаваем сам автор, а коварные уловки Ирины показывают, что И.Т. знал, что из себя представляет П.В. В романе Литвинов сумел вырваться, Потугин – пропал. Попутно в романе выведены и “революционеры”. Это роман-разоблачение: Тургенев был искренним человеком и писателем, он чест-

но писал то, что чувствовал – потому и получалось убедительно. И если он сам чего-то не мог верно оценить, всё равно, его правдивое изображение лиц и событий дает возможность понять читателю правду, которая была, возможно, скрыта тогда от автора.

Роман “Дым” показывает, что автор прослеживал внедрение в его сознание чужой враждебной воли, видел, чем это может кончиться, сознавал всю опасность своего положения, мечтал вырваться, пытался это сделать и не один раз. (Надо было звать на помощь Спасителя, но И.Т. не верил...) Литвинов в романе – вырвался, счастливый конец. В жизни Тургенева – конец трагический: “порча”. “От этой-то “порчи” и болел Тургенев. Ведь диагноз “рак позвоночника” – выдуман позже. Поставить его в то время не могли... Есть в русской народной медицине и более точный диагноз, чем “порча” – “черный столб” [10]. Подорван был корень жизни.

Но пока он оторван от своих писательских дел: П.В. угодно было выпустить... третий альбом романсов, к тем двум, которые никому не были нужны, успехом не пользовались. И писатель занялся рекламой(!) И.Т. – Анненкову (янв.1869 г.): *”Я никогда для себя реклам не писывал и не заставлял писать других; но есть особа, для которой я не только на рекламы, на всё пушусь... Издателю Иогансену... желательно, чтобы... была... хорошенькая статья. В “СПб ведомостях” свирепствует г. Кюи... там не захотят принять.”* Хотел дать рекламу в Петербурге и в Москве, прикрывая бездарные сочинения П.В. своим авторитетом.

“Статейки были помещены и вызвали много негодования: сочли это недостойным таланта великого писателя.” Тургенев выпустил альбом за свой счет, чтобы утешить бывшую певицу.

Провалился и “Последний колдун”, газеты выражали “соболезнования “впавшей в детство” певице и удивлялись великому писателю, который шёл у неё на поводу и согласился написать такой вздор.”

А у П.В. было другое мнение о своей роли в русской литературе. Она говорила одному из московских гостей: *“Ни одна строка Тургенева с давних пор не попадала в печать прежде, чем он познакомил меня с нею. Вы, русские, не знаете, насколько*

вы обязаны мне, что Тургенев продолжает писать и работать.” Он работал не “благодаря”, а вопреки. Из его дневника 5.03.1877 г.: “Полночь. Сижу опять за своим столом; внизу бедная моя приятельница что-то поет своим совершенно разбитым голосом; а у меня на душе темнее темной ночи... Ни права жить, ни охоты нет; делать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать...” И.Т. – П.В.: “Всё мое существо устремлено к вам, как воронка.” А посетители салона Виардо были устремлены к нему.

До этого в его жизни появилась ещё одна замечательная женщина, Юлия Вревская ¹³.

Но он снова и снова возвращался к П.Виардо. Полонский: “И.С. был навсегда ЗАГИПНОТИЗИРОВАН, то есть воля его была покорена ...воле, преодолеть которую он был не в силах. Иначе, как объяснить это – довольный и счастливый тем, что он проводит лето у себя в деревне, тем не менее говорит с опаской и сожалением: “А что если м-м Виардо напишет мне “приезжай”, я должен буду ехать... я не могу не ехать...”

На закате дней он согрет был дружбой М.Г. Савиной, молодой актрисы, которая играла в его спектакле “Месяц в деревне”. Они переписывались, в 1880 г. она была у него в Париже, но в его парижскую жизнь не вписалась: ей было там всё чуждо. В 1881 г. она гостила у него в Спасском. А П.В. настойчиво звала его обратно. “М-м Виардо явно беспокоилась. Она всегда непостижимым образом чувствовала, когда около него возникал хоть отдалённый намёк на женскую привязанность.”

Больше он России не видел.

¹³ Баронесса Ю.П.Вревская была вдовой генерала Вревского. “Считалась почти в продолжении 20-ти лет одной из первых петербургских красавиц... я всю свою жизнь не встречал такой пленительной женщины. Пленительной не только своей наружностью, но своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой. ...Слушая её, ...я думал, как бы желательно было в нашем свете побольше таких женщин и поменьше других... Никогда эта женщина не сказала ни о ком ничего дурного и у себя не позволяла никому злословить, а, напротив, всегда и в каждом старалась выдвинуть его хорошие стороны. Многие мужчины за ней ухаживали, много женщин ей завидовало, но молва никогда не дерзнула укорить её в чем-нибудь, и самые злонамеренные люди склоняли перед нею голову. Всю жизнь свою она жертвовала собою для родных, для чужих, для всех, и умерла мученической смертью ...в Болгарии” [11]. Она во время русско-турецкой войны пошла на фронт сестрой милосердия. Заболела тифом, умерла. Похоронена в г. Бела.

В марте 1882 г. – удар у Луи. Он выкарабкался, но от него мало что осталось. В апреле – боли в спине у Тургенева. Саркома позвоночника, “черный столб”, истощение всех жизненных сил. Сильные боли в плече, лопатках, груди, затруднено дыхание, невозможность поднять руки выше головы. Он не мог ходить, сидеть.

Небольшая передышка – и он пишет свое последнее страшное произведение, “Клара Милич”, уже не из этого мира. Опять атака болезни: чудовищные боли, галлюцинации, бред. Морфий. В апреле 1883 г. он ещё попрощался с умирающим Луи, в августе скончался сам.

Полина Виардо прожила почти 90 лет, умерла в 1910 г.

Тургенев не посвятил ей ни одного произведения...

“...Мед источают уста чужой жены, и мягче еля речь ее;

Но последствия от неё горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый;

Ноги её нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней. ...

Держи дальше от нее путь твой, и не подходи близко к дверям дома ее,

Чтобы здоровья твоего не отдать другим и лет твоих мучителю;

Чтобы не насыщались силою твоею чужие, и труды твои не были для чужого дома. И ты будешь стонать после, когда плоть твоя и тело будут истощены...”

(Притчи Соломоновы, гл.5, 3-11)

Список литературы к 3-й части

Глава 1. “Литературная” политика

1. Евангелие от Иоанна.
2. Святитель Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. / Репринт изд. 1892 г.— Изд.Св.-Троиц. Серг. Лавры, 1995.— с.12.
3. Современники. Е.Р.Дашкова, Н.И.Новиков./Репринт. изд. СПб.:Общая польза, 1892.— М.:Альфа, 1991.— с.117.
4. Платонов О.А. Терновый венец. Тайная история масонства 1731-1996.— М.: Родник, 1996.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа.— т.1.— СПб.:Диамант, 1996.
6. Ключевский В.О. Исторические портреты.— М.: Правда, 1991.
7. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин.— Л.: Просвещение, 1983.
8. Святитель Игнатий Брянчанинов. О прелести.— СПб.: Шпиль, 1996.
9. Горбачевский И.И. Записки декабриста.— М., 1916.
10. Шевырев С.П. / (цит. по: Жизнь и творчество А.С.Пушкина — М.:Дет.лит., 1989.— с.28.
11. Суетенко В. Аршин, весы и поэзия.//Торговая Москва.— 1995.— № 20.
12. Волохонская Т. Карты в жизни и творчестве Пушкина.//Наука и религия.— 1996.— 7.
13. Губер П. Дон-Жуанский список А.С. Пушкина./ Репринт изд. 1923г.— Харьков:Дельта, 1993.
14. Мейлах Б. Жизнь А.Пушкина.— Л.:Худ.лит., 1974.
15. Критика и эстетика.— М.:Искусство, 1979.
16. Вестник Европы.— 1830.— № 7.
17. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники.— 2 изд.— СПб, 1899.— с.250-251.
18. Ключников Ю. Мистический Пушкин.— Новосибирск, 1992.
19. Брюсов В. Почему должно изучать Пушкина?/ Светлое имя Пушкин.— М.:Правда, 1988.
20. Друзья Пушкина.— М.:Правда, 1986.
21. Платонов О.А. Русская цивилизация.— М.:Роман-газета, 1995.
22. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников.— т.2.— М., 1985.— с.267-270.
23. Герцен А.И. О Пушкине./ Светлое имя Пушкин.— М.:Правда, 1988.

Глава 2. Кое-что о критике и критиках

1. Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском.// Собр.соч.— т. 11.— М., 1983.
2. Святитель Игнатий Брянчанинов. О прелести.— СПб.: Шпиль, 1996.
3. Бельчиков Н. Великий русский критик и революционный демократ В.Г.Белинский.— М.: Правда, 1948.

4. Тургенев И.С. Речь по поводу открытия памятника А.С.Пушкину в Москве./ Светлое имя Пушкин.- М.: Правда, 1988.- С.131.
5. Паисий Величковский. Кринь сельные или Цветы прекрасные.- Одесса, 1910.
6. Белинский В.Г. Современные заметки.- М.: Сов.Россия, 1983.
7. Белинский В.Г. Полн.собр.соч.- т.V.- С. .309.
8. Герцен А.И. Собр.соч. в 30 тт.- М., 1956.
9. Москвитянин.- 1848.- № 1.- С.41.
10. Герцен А.И. К нашим.// Полярная звезда.- 1855.- № 1.
11. Кавелин и Чичерин – Герцену.// Голоса из России.- вып.1.- М., 1974.- С. 27.
12. Полярная звезда.- 1855.- № 2.
13. Добролюбов Н.А. Собр. соч.- т.8. – М., 1964.- С.529.
14. Татаринова Л.Е. А.И. Герцен.- М.:Мысль, 1980.- С.93.
15. Платонов О.А. Терновый венец. Тайная история масонства 1731-1996.- М.: Родник, 1996.- С. 513, 516, 483.
16. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество.- Л.:Наука, 1969.
17. Достоевский Ф.М. Бесы.- ч.III.- гл.I.
18. Ветринский Ч. «Колокол» и крестьянская реформа./ Великая реформа 1861-1911 г.(19 февраля 1861 г.).- т. IV.- М.: Изд.Сытина, 1911.
19. Толстой Л.Н. Первая ступень. //Полн.собр.соч. в 20 томах.- т.13.- М.: Изд.Сытина, 1913.
20. Чернышевский Н.Г. Что делать?– М.: Просвещ., 1982.
21. Винберг А.И. Черное досье экспертов-фальсификаторов.- М.: Юрид.лит., 1990.- С. .53.
22. Чернышевский Н.Г. Прекрасное есть жизнь.- М.: Молодая гвардия, 1978.
23. Олейников. Странности любви. Запад в восприятии западников. // Родина.- 1995.- №11.
24. Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя. – АН СССР.- М.: Наука, 1978.
25. Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.- т. IV.- с.860-861./(цит. по: Утопический социализм в России.)
26. Иеромонах Серафим Роуз. Человек против Бога.- М., 1995.- С. 87.
27. Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова.- М.: Дет.лит., 1989.

Глава 3. Кое-что о литературоведении и литературоведах

1. Митрополит СПб и Ладожский Иоанн (Снычѳв). Битва за Россию./ Будь верен до смерти (Православие и современность).- М., 1993.- С. 52-53.
2. Андронников И. Рассказы литературоведа.- М.: Гос.изд.дет.лит., 1962.
3. Андронников И. Биография устного рассказа./ Литературная газета.-16.- 13.11.1974.- с.7.
4. Он вошёл в нашу жизнь.//Наука и жизнь –1987.- №3.- с.24-29.
5. Иезуитов А. Об издании академического собрания сочинений и писем А.С. Пушкина.// Вестник АНСССР.- 1986 – №10.

6. Суетенко В. Аршин, весы и поэзия.//Торговая Москва.– 1995.– №20.
7. Кунин В.В. 18 лет спустя. /Светлое имя – Пушкин.– М.: Правда, 1988.
8. Россия перед вторым Пришествием.– Изд. Св.-Тр.Серг. Лавры, 1993.
9. Друзья Пушкина.– т. 2.– М.: Правда, 1986.
10. Анненков П.В. Литературные воспоминания.– М.:Правда, 1989.
11. Мень А. Библия и русская литература.//Наука и религия.– 1994.– 1.– с.17-20.
12. Новаковский В. Биографические рассказы. А.С.Пушкин.– СПб., 1863.– с.54-55.
13. Губер П. Дон-Жуанский список Пушкина.–Петроград, 1923.

Глава 4. Лермонтоведение

1. Ходасевич В. Четыре звёздочки взошли на небосвод.// Знамя.– 1990.– №3.
2. Кривошлык М.Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей. М., 1991.– СПб., 1897.
3. Лаврин А. 1001 смерть.– М.: Ретекс, 1991.
4. Белинский В.Г. ПСС.– т. IV.
5. М.Ю. Лермонтов в русской критике.– М.: Советская Россия, 1985.
6. Священник Родион. Люди и демоны – Скит, 1991.
7. Луначарский М.В. М.Ю. Лермонтов. / М.Ю. Лермонтов в русской критике.– М.: Советская Россия, 1985.
8. Ломунов К.Н. В борьбе за Лермонтова. М.; Сов. Россия, 1985.
9. Крылов И.А. Лев и Барс.// Басни. – М.: Худож.лит., 1983.– с.43.

Глава 5. Трагедия Тургенева

1. Святитель Феофан Затворник. Советы православному христианину.– М.,1994.
2. Священник Родион. Люди и демоны.–М.: Скит, 1991.– С. 24-25.
3. Добролюбов Н.А. Когда же придёт настоящий день.// Тургенев И.С. Накануне – М.: Детгиз, 1949.– С. 168.
4. Боровицкая В. Эпилог.//Роман-газета.– 1996.– № 9.
5. Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731-1996.– М.: Родник, 1996.– С. 152.
6. Винникова. Тургенев и Россия. – М.: Советская Россия, 1971.
7. Святитель Игнатий (Брянчанинов). О прелести – СПб.: Шпиль, 1996 – С. 100.
8. Анненков П.В. Литературные воспоминания.– М.: Правда, 1989.– С. 363.
9. Духовная брань – М.:Паломник, 1993.
10. Иван Тургенев: Загадка одной эмиграции.//Русский Вестник.– 1993.– № 5.– С. 11.
11. Соллогуб В. Повести. Воспоминания – Л.: Худож. лит-ра, 1988.– С. 542-543.

Содержание

Часть 3

<i>Война против русской литературы</i>	<i>5</i>
<i>Глава 1. «Литературная» политика</i>	<i>6</i>
<i>Пресса</i>	<i>7</i>
<i>Глава 2. Кое-что о критике и критиках</i>	<i>33</i>
<i>Глава 3. Кое-что о литературоведении</i>	
<i>и литературоведах</i>	<i>65</i>
<i>Летопись пушкиноведения</i>	<i>74</i>
<i>Глава 4. Лермонтоведение</i>	<i>93</i>
<i>Глава 5. Трагедия Тургенева</i>	<i>106</i>